

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF PHILOSOPHICAL SCIENCES**

№ 3 (43)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / PHILOSOPHICAL JOURNAL

**Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2009
Quarterly**

**Москва
2022**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Жуоцкая А. В. главный редактор	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
Черненко С. В. зам. главного редактора	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, кандидат философских наук, доцент
Осмоловская С. М. ответственный секретарь	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, кандидат социологических наук
Кожевников С. Б.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
Ананишин В. М.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук, профессор
Бирич И. А.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, доцент
Мамедова Н. М.	профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор философских наук, профессор
Савченко И. А.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук
Хилханов Д. Л.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук, профессор
Оганисян А. О.	профессор кафедры философии и логики им. академика Георга Брутяна Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, доктор философских наук
Чжан Байчунь	профессор Института философии Пекинского педагогического университета, кандидат философских наук

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера	5
---------------------	---

Социальная философия

Мамедова Н. М. Идентичность личности в модусе свободы и ответственности	6
Жукоцкая А. В. Идеология: фобии и ожидания	17

Философия культуры

Хилханов Д. Л. Традиционные культурные коды в эпоху Интернета.....	29
Трубина Н. А., Миркушина Л. Р. Трансформация моральных ценностей в цифровой коммуникации.....	44
Бабицкая О. П., Серенков Ю. С. Гений в интерьере национальной культуры	57

Наши юбилеи

Рябов В. В. Образовательное пространство как новая рамка проблематизации, меняющая и условия реформирования социально-гуманитарного образования.....	75
--	----

Исследования молодых ученых

Владимиров П. В. Вопрос о гегелевской теории государства в философии диалектического материализма конца XIX – первой половины XX века	80
Репетенко А. Л. Развитие воинских традиций в Русской императорской и Советской армиях в контексте социально-политической истории России XIX–XX вв.....	95

Требования к оформлению статей.....	105
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Word of Editor in Chief

The Objectives of the Issue	5
-----------------------------------	---

Social Philosophy

Mamedova N. M. Identity of the Individual in the Mode of Freedom and Responsibility	6
Zhukotskaya A. V. Ideology: phobias and expectations.....	17

Philosophy of Culture

Khilkhanov D. L. Traditional Cultural Codes in the Internet AGE	29
Trubina N. A., Mirkushina L. R. Transformation of Moral Values in Digital Communication.....	44
Babitskaya O. P., Serenkov Yu. S. A Genius in the Interior of the National Culture	57

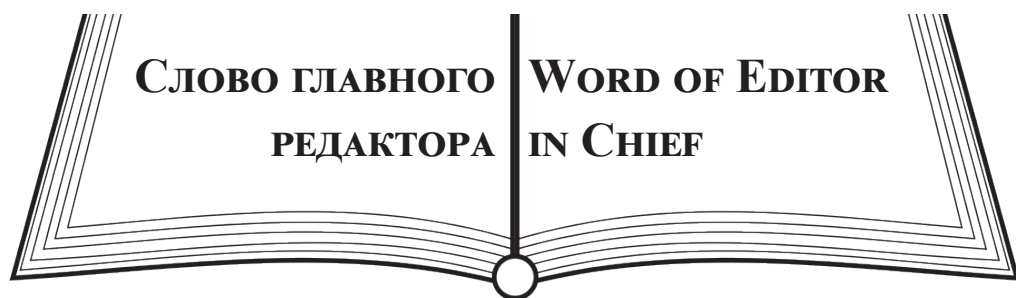
Our Anniversaries

Ryabov V. V. Educational Space as a New Framework of Problematization, Which Also Changes the Conditions for Reforming Social and Humanitarian Education.....	75
---	----

Research by Young Scientists

Vladimirov P. V. The Question of the Hegelian Theory of the State in the Philosophy of Dialectical Materialism of the Late XIX – First Half of the XX Century	80
Repetenko A. L. Development of Military Traditions in the Russian Imperial and Soviet Armies in the Context of the Socio-Political History of Russia of the XIX–XX Centuries	95

Requirements for Style Articles	105
---------------------------------------	-----

Задачи номера

Ключевыми словами этого номера являются такие понятия, как «культурный код», «идентичность», «свобода», «ответственность», «патриотизм», «цифровые коммуникации», «мораль», «национальная культура» и т. д. Совершенно очевидно, что именно этими словами можно описать ту проблематику, которая волнует исследователей социально-гуманитарного знания на современном этапе. Мы видим, что в условиях стремительной трансформации общества и в технико-технологической сфере, и в сфере изменения векторов геополитики на первый план выходят не только проблемы цифровизации, но и культуры, гуманизма в самом широком смысле этого слова. Это так называемые вечные проблемы, волнующие людей от сотворения времен. При постоянно нарастающих изменениях во всех сферах жизни общества увеличивается и социальная неопределенность, возрастает потенциал различных рисков. Как должен вести себя человек в этих обстоятельствах, на какие ценности он должен опираться и какими императивами руководствоваться? В этих обстоятельствах особое значение

приобретает проблема выбора и ответственности за сделанный выбор, принятое решение. Немаловажную роль в реализации различных сценариев выбора играет то, что принято называть идентичностью личности, социальной группы, нации, а также широчайший по охвату феномен культурных кодов. Наши авторы фактически обращаются к вечным экзистенциальным вопросам, но в контексте ярчайшей характеристики нашего времени — социальной неопределенности. Давно ясно, что процесс цифровизации изменил саму сущность социальности, придал новый импульс к общественному развитию, но и стократ увеличил риски. В этих обстоятельствах на первый план выступают феномены, выполняющие своеобразную охранительную функцию, предотвращающие личностную деструкцию, способствующие сохранению идентичности, — это творчество, интеллектуальная свобода, широта мышления, коммуникация, построенная не только на утилитарности и прагматизме, но и на ценностях добра, справедливости, ответственности, уважения и достоинствах человека.

Научно-исследовательская

УДК 101.9

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.1

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В МОДУСЕ СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Н. М. Мамедова

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Стремянный пер., 36, Москва, Россия, 117997,
mamedova.nm@rea.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7887-8724>

Аннотация. В статье проанализирована проблема идентичности с точки зрения свободы и ответственности. Актуальность такого ракурса рассмотрения определяется стремительными социокультурными трансформациями общества. Проблема выбора приобретает судьбоносное значение в условиях трансгрессивной социальности, создающей пространство неопределенности, риска, гетерогенности. На основе транспарадигмального синтеза подходов: марксистского, аналитической философии и экзистенциализма — проанализирована проблема идентичности в модусе свободы и ответственности. Марксистская парадигма раскрывает проблему с позиции социальной детерминации деятельности, на основе диалектики свободы и необходимости. В аналитической традиции свобода и ответственность осмысливается как проблема свободы воли. С точки зрения задач исследования, эвристически значимой представляется позиция компатибилизма, согласно которой свобода воли совместима с детерминизмом. Понимание свободы как имманентной основы человеческого существования и творчества самого себя как жизненного проекта в экзистенциализме расширяет смысловое пространство концептов «свобода» и «ответственность», позволяет по-новому осмыслить идентификационные процессы. Происходит инверсия свободы и ответственности, превращение их в противоположное в условиях сетевой формы репрезентации идентичности. В то же время потребность в ответственном, релевантном личном выборе возрастает под влиянием возникающих новых рисков. Ответственность является своеобразным защитным механизмом сохранения личности. Различные виды ответственности,

предотвращающие кризис и распад идентичности, дифференцированы в статье по характеру рисков, которые они минимизируют.

Ключевые слова: социальная трансгрессия, идентичность, марксизм, аналитическая философия, экзистенциализм, инверсия, идентификационные риски

Для цитирования: Мамедова Н. М. Идентичность личности в модусе свободы и ответственности // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 3 (43). С. 6–16. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.1

Scientific Research

UDC 101.9

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.1

PERSONAL IDENTITY IN THE MODE OF FREEDOM AND RESPONSIBILITY

Natalia M. Mamedova

Plekhanov Russian University of Economics,
Stremyanny per., 36, Moscow, Russia, 117997,
mamedova.nm@rea.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7887-8724>

Abstract. The article analyzes the problem of identity from the point of view of freedom and responsibility. The relevance of this perspective determined by the rapid socio-cultural transformations of society. The problem of choice acquires a crucial significance in the conditions of transgressive sociality, which creates a space of uncertainty, risk, and heterogeneity. Based on the transparadigm synthesis of approaches: Marxist, analytical philosophy and existentialism analyze the problem of identity in the modus of freedom and responsibility. The Marxist paradigm reveals the problem from the standpoint of the social determination of activity, based on the dialectic of freedom and necessity. In the analytical tradition, freedom and responsibility understand as a problem of free will. From the point of view of the objectives of the study, the position of compatibilism seems to be heuristically significant, according to which free will is compatible with determinism. Understanding freedom as an immanent basis of human existence and creativity of oneself as a life project in existentialism expands the semantic space of the concepts of “freedom” and “responsibility”, allows a new understanding of identification processes. There is an inversion of freedom and responsibility, their transformation into the opposite in conditions of a network form of representation of identity. At the same time, the need for responsible, relevant personal choice is growing under the influence of emerging new risks. Responsibility is a kind of protective mechanism for preserving personality. Various types of responsibility that prevent a crisis and the collapse of identity differentiated in the article according to the nature of the risks they minimize.

Keywords: social transgression, identity, Marxism, analytical philosophy, existentialism, inversion, identification risks

For citation: Mamedova, N. M. (2022). Identity of the individual in the mode of freedom and responsibility. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (43), 6–16. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.43.3.1>

Введение

Свобода и ответственность как модусы идентичности отражают отношения человека с миром и самим собой. В условиях трансгрессивной социальности, создающей пространство неопределенности, возрастает значимость ответственного личностного выбора, релевантного возникающим рискам. Направленность развития культуры определяется неоднозначными факторами, придающими ей нелинейный характер. Человек в разнообразных коммуникативных взаимодействиях участвует в конструировании этой реальности. Возникает новая форма субъективности, которая соответствует изменившейся реальности. Трансгрессия социальности — следствие лавинообразного роста цифровых коммуникаций и причина радикального изменения социального и экзистенциального статуса человека и его идентичности. «Традиционные формы социальных связей и институционализированных практик вытесняются и замещаются экспериментальными формами идентификации и консолидации индивидов, формирующих собственную идентичность на границе реального и виртуального существования» [Мамедова, 2021, с. 81].

Сетевая идентичность, неустойчивая и фрагментарная, уничтожает самую суть идентичности — тождественность личности. Парадоксальные метаморфозы идентичности, как в фокусе, отражают идентификационные риски и необходимость возрастающей ответственности за сохранение себя, своей экзистенциальной целостности. Повышается ответственность, связанная с такими угрозами, как потеря самоидентичности, разрушение стабильности идентичности, психосоциальная дезориентация, нарушение релевантности идентичности и интерсубъективных взаимодействий. Как полагает А. В. Конева, «цифровая идентичность оказывается возможностью континуального подтверждения авторского бренда, выходом за пределы проектного и перформативного существования и новым обоснованием экзистенции, включая телесный опыт репрезентации» [Конева, 2018, с 59]. Различные аспекты проблемы идентичности находятся в центре научного дискурса [Schechtman, 2005; Войскунский и др., 2013; Granic и др., 2020; Лисенкова, 2020; Артамонова, Демчук, 2020; Емелин, Тхостов, 2020].

Постановка проблемы

В результате радикальных социокультурных трансформаций общества под влиянием цифровизации пространство свободы значительно расширяется, поэтому возрастает актуальность ответственного социального и экзистенциального выбора, обостряется проблема идентичности. Творчество, свобода, ответственность превращаются в базовые характеристики личности перед лицом неопределенности. Цель исследования — анализ основных

концептуальных оснований проблемы идентичности с точки зрения свободы и ответственности в условиях социальной трансгрессии.

Методологические основания

Постнеклассическая социально-гуманитарная парадигма, в рамках которой проводилось исследование, отражает структуру, характеристики коммуникативных процессов современности [Луман, 2004]. Эвристическое значение для выполнения задач исследования имеют методы синергетики, герменевтики, феноменологии и общенаучные принципы. Синергетический метод позволяет представить современное общество как сложную саморазвивающуюся систему, характеризующуюся нелинейностью, изменчивостью, бифуркационными процессами. Герменевтический и феноменологический методы создают основания для анализа смысловой направленности социального поведения субъекта, механизмов конструирования идентичности в пространстве intersubjectивности [Гадамер, 1988; Гуссерль, 1999]. Принципы дополнительности и методологического плюрализма определяют сочетание различных позиций в интерпретации такого сложного феномена, как человек. Проблема идентичности в модусе свободы и ответственности представлена как концептуальный синтез подходов: марксистского [Маркс, Энгельс, 1955], аналитической философии [МакКенна, 2012; Деннет, 2017], экзистенциализма [Бердяев, 2005; Сартр, 1990; Хайдеггер, 2011].

Результаты исследования

Классическая философская традиция, основанная на линейной парадигме исторического развития, позволяет прогнозировать сценарии будущего. Современная реальность не вписывается в логоцентрический модернистский дискурс. Поэтому в гносеологическом плане необходим переход за пределы классических описательных моделей, то есть трансгрессия, прорыв в иной дискурс. Цифровизация меняет сущность социальности. Происходит переход социального бытия за границы его традиционного существования [Мамедова, 2019]. Виртуальное пространство превращается в равнозначную с реальной среду человеческого существования. Стихийные процессы интернет-пространства ведут к формированию сообществ с новой системой отношений, которые опосредованы информационными технологиями. Оно превращается в место социогенеза — социальной консолидации, дифференциации и процессов идентификации.

Как и социальное бытие, человеческое существование в новой реальности крайне противоречиво, балансирует на грани виртуального и реального. Идентичность формируется под влиянием различных символических систем,

замещающих традицию. Поэтому свобода и ответственность как модусы идентичности приобретают новые формы выражения, новые смысловые коннотации. Современная трактовка свободы и ответственности в значительной степени сложилась под влиянием марксистской, аналитической и экзистенциальной парадигм.

Марксистская концепция свободы отражает важный аспект проблемы — соотношение свободы и необходимости, социальную детерминацию свободы [Маркс, Энгельс, 1955]. Свобода проявляется в возможности целенаправленного использования на практике познанных природных и социальных законов, в умении принимать решения в соответствии с осознанной необходимостью. Как личность человек существует в системе общественных отношений, где его активность определяется диалектикой свободы и необходимости. Необходимость отражает тенденцию развития, объективно обусловлена цепью причинно-следственных связей. Она определяет не только деятельность субъекта, но и круг возможностей ее реализации, которые потенциально содержит конкретная ситуация. В конечном итоге потребность удовлетворяется за счет свободного выбора конкретного поведения. В то же время в марксистской парадигме делается упор на деятельностный подход к проблеме свободы и ответственности. Свобода выражается в целесообразной деятельности. Если свобода означает свободу выбора, то ответственность — это оценка выбора решения, поступка, оценка их пользы или вреда для общества и личности. В ситуации социальной трансгрессии, конвергенции реального и виртуального акцент смещается в сторону самооценки. Человек ответственен за свой выбор прежде всего перед собой. Происходит инверсия ответственности, сдвиг ее фокуса с Другого, с общества на собственное Я. В сфере отношений с Другим в Сети ослабевает уровень ответственного поведения. Возникает зона безответственности, свободы без границ.

Самоопределение человека предполагает способность к свободной самореализации, к оценке своего поведения с позиций новых коммуникативных реалий. Такой ракурс рассмотрения позволяет выявить каузальные детерминанты свободы и ответственности в современных условиях и в различных вариациях проявляется и в немарксистских философских дискурсах.

Аналитическая философия — еще одна влиятельная парадигма — рассматривает соотношения свободы и ответственности с точки зрения самоидентичности личности. В современной аналитической философии свобода анализируется как свобода воли в контексте проблем детерминизма и персональной идентичности. Свобода воли понимается как условие моральной ответственности личности [МакКенна, 2012; Деннет, 2017]. По мнению исследователя современной аналитической философии Д. Б. Волкова, в аналитическом дискурсе трактовка свободы воли основана на двух принципах. Во-первых, это принцип альтернативных возможностей, означающий, что свобода возможна только при наличии свободного выбора из различных вариантов. Во-вторых, принцип автономии, согласно которому свободный субъект несет моральную

ответственность за совершенное действие, если он является причиной этого действия [Волков, 2016]. Совместима ли свобода с принципом причинности? В аналитической традиции выделяются разные направления в зависимости от решения этого вопроса, восходящие к классическим трактовкам данной проблемы. С точки зрения концептуальных целей статьи значимой представляется позиция компатибилизма, согласно которой свобода воли совместима с детерминизмом. В аналитической философии дискурс свободы и ответственности связан с проблемой идентичности личности как уникального, самоценного, самостоятельного субъекта.

Трактовка свободы и ответственности, предложенная в экзистенциализме, также содержит эвристические подходы к анализу идентичности в контексте социокультурных и идентификационных процессов современности. Так, Н. А. Бердяев рассматривал свободу как основу бытия, подчеркивал, что «личность в человеке» есть свобода, что человек выражает свое отношение к миру как отношение творчества, любви и свободы, а не детерминированности и зависимости [Бердяев, 2005]. Свобода возвышает человека до уровня Божественного, богоподобного. Философская антропология Бердяева ориентирована на развитие свободного творческого начала в человеке, ответственного перед собой и миром. «Творчество только и возможно из бездонной свободы, ибо лишь из бездонной свободы возможно создание нового... Творчество есть прорыв из ничего, из небытия, из свободы в бытие и мир» [Бердяев, 1993, с. 117].

Ж.-П. Сартр представлял свободу как универсальную онтологическую основу человеческого существования [Сартр, 1990]. По мнению Сартра, человек обречен на свободу, которая мыслится как выбор из бесчисленных возможностей, так как в отличие от животных у человека «существование предшествует сущности». Человек постигает свою сущность на протяжении всей жизни и несет ответственность за каждое действие, за каждый выбор. Поэтому человек понимается как проект, создающий самого себя. Самопроекцию личности он связывает с творческой деятельностью. М. Хайдеггер полагал свободу как проявление открытости миру. Человек «брошен» в свою собственную открытость, он «распахнут миру» [Хайдеггер, 2011]. Экзистенциалистское понимание свободы как абсолютной основы человеческого существования расширяет смысловое поле концепта «свобода», позволяет по-новому рассматривать процессы самоактуализации, идентификации. Свобода субстанциальна, имманентна человеческому существованию. Человек создает самого себя, он творит, «самоизобретает» [Кэмпбелл, 1997] свою идентичность в символических актах сетевых коммуникаций. Поэтому только он сам и перед собой отвечает за свой автопроект.

В ситуации социальной гетерогенности и неопределенности роль внешних референтных инстанций идентификации ослабевает. Вследствие этого увеличивается пространство свободы (реальной и виртуальной), что повышает роль личной ответственности за выбор. Способность к творчеству, свобода,

ответственность превращаются в основные характеристики идентичности. Творчество в самореализации личности означает создание уникального внутреннего мира и его внешнего отражения в деятельности. Но свобода, как и ответственность, в современных реалиях имеет обратную сторону, может обернуться новыми формами зависимости от Сети.

Современная трансгрессивная социальность создает почву для возникновения разнообразных идентификационных рисков, обостряющих потребность в ответственном, релевантном личном выборе. Идентификационные риски могут возникать в результате противоречий действительности и внутренней противоречивости личности. Ответственность можно рассматривать как своеобразный защитный механизм сохранения личности. Широкий спектр вариантов ответственности, предотвращающих кризис и распад идентичности, можно дифференцировать по характеру рисков, которые она минимизирует. Это ответственность за экзистенциальные установки и деятельность на основе принимаемых решений в соответствии с этими установками и ценностями. Ответственность перед собой за экзистенциальный выбор смысла жизни, который интегрирует в себе все частные смыслы и ценности существования и является центром идентичности. Современное общество порождает множество рискованных практик, которые повышают значимость ответственного выбора. Так, риски, связанные с биотехнологией, угрожают самоидентификации человека, связанной с аутентичностью его телесной организации. Процесс постижения своего Я начинается с телесности, которая оценивается именно как социальное качество через призму социокультурных норм. Понятие телесности имплицитно включает в себя дуализм реального и идеального, порождающий чувство неудовлетворенности и стремление к совершенствованию [Акчурин, 2005]. Именно эта амбивалентность чувства телесности обостряет проблему ответственного выбора между соблазном совершенства и риском, связанным с применением биотехнологий.

Сетевые коммуникации наиболее рискованные: трансформируя социальность, коренным образом меняют идентификационные процессы, разрушают сам феномен идентичности, в основе которого лежит самотождественность личности. Самоопределение «Я» осуществляется посредством рефлексивного использования широкого символического контекста. «Сам процесс организации сетевых сообществ превращается в своеобразную социальную практику, задающую тезаурус (определенный код, язык общения) и габитус — повторяющиеся схемы взаимодействий в повторяющихся условиях» [Мамедова, 2021, с. 78]. Возникают неограниченные возможности для свободного выбора идентичности. Сетевая идентичность конструируется произвольно, не поддерживается устойчивой системой отношений и деятельности. Она основана на нарративе, опирается на симулятивные практики и поэтому неустойчива, фрагментарна и может быть альтернативой реальной идентичности (фиктивная биография, пол, возраст и т. д.).

Заключение

Свобода, как и ответственность за выбор из множества альтернатив в пространственно-временном континууме современной культуры — главные модусы идентичности, отражающие противоречия действительности и пограничный статус человека в ней. На основе концептуального синтеза подходов (марксизм, аналитическая философия, экзистенциализм) осмыслена инверсия феноменов свободы и ответственности, возможность перехода в противоположное, в новые формы несвободы и ответственности, фокусированной на личной самооценке.

Список источников

1. Артамонова Ю. Д., Демчук А. Л. «Коннективная идентичность» в современном мире // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 69–79. EDN PDDUMJ. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-4-69-79
2. Акчурун Б. Г. Человеческая телесность: трансцендентальная сущность и социальные аспекты ее идентификации. Уфа: Гилем, 2005. 254 с. EDN PENVUE. URL: <https://www.elibrary.ru/item>
3. Бердяев Н. А. О назначении человека / сост.: Л. И. Греков, А. П. Поляков; авт. вступ. ст.: П. П. Гайденко; примеч. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1993. 382 с. EDN TJNGST. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23009196>
4. Бердяев Н. А. Философия свободы. М.: АСТ, 2005. (Сер. Философия. Психология: ФП). ISBN 5-17-021919-9. EDN QWKXAD. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20034680>
5. Волков Д. Б. Проблема свободы воли: обзор ключевых исследований конца XX – начала XXI вв. в аналитической философии // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 3. С. 175–189. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-3-175-189. EDN XAHHSJ. URL: <https://www.elibrary.ru/item>
6. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121. EDN QZBPEX. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20155426>
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с. EDN OLSMGR. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44947110>
8. Гуссерль Э. Идея феноменологии: пять лекций. 2-е изд. СПб.: Гуманитарная Академия, 2008. 224 с. EDN VWMTZZ. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25978680>
9. Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Дисформативная идентичность // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 80–91. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-4-80-91. EDN NOPFMH. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42761621>
10. Конева А. В. «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. № 1. С. 50–61. EDN YWLWXE. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32823923>

11. Луман Н. Общество как социальная система. «Логос», 2004. 232 с. EDN PWOOCR. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18852971>
12. Лысенков А. А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 65–74. EDN DPAULB. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-3-65-74
13. Мамедова Н. М. Информационное общество: трансгрессия социальности // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2019. № 1 (29). С. 9–14. DOI: 10.25688/2078-9238.2019.29.1.01. EDN PSKUAH. URL: <https://www.elibrary.ru/item>
14. Мамедова Н. М. Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального // Век глобализации. 2021. № 3 (39). С. 74–85. EDN RMIXIC. DOI: 10.30884/vglob/2021.03.06
15. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. 689 с.
16. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / пер. с фр. М. Грецкого. М.: Изд-во иностранной лит., 1953. 42 с.
17. Хайдеггер М. Бытие и время; пер. с нем. В. В. Биbihина. 3-е изд., испр. М.: Академический Проект, 2011. EDN QXAADR. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20061256>
18. Dennett D. From Bacteria to Back and Back. The Evolution of Minds. New York: Notron and Company, 2017. 476 p.
19. Granic I., Morita H., Scholten H. Beyond Screen Time: Identity Development in the Digital Age // Psychological Inquiry. 2020. № 31 Issue 3. P. 195–223. DOI: 10.1080/1047840X.2020.1820214
20. McKenna M. Conversation and Responsibility. New York: Oxford University Press, 2012. 260 p.
21. Schechtman M. Experience, agency, and personal identity // Social Philosophy and Policy. 2005. Vol. 22, 2. P. 1–24.

References

1. Artamonova, Yu. D., & Demchuk, A. L. (2020). «Konnektivnaya identichnost`» v sovremennom mire [“Connective identity” in the modern world]. *Voprosy filosofii*. [Questions of philosophy], 4, 69–79. (In Russian). EDN PDDUMJ. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-4-69-79
2. Akchurin, B. G. (2005). *Chelovecheskaya telesnost`: transtsendental`naya sushchnost` i sotsial`nyy`e aspekty` yeye identifikatsii* [Human corporality: transcendental essence and social aspects of its identification]. Ufa: Gilem. 254 p. (In Russian). EDN PENVUE. URL: <https://www.elibrary.ru/item>.
3. Berdyayev, N. A. (2005). *Filosofiya svobody* [Philosophy of Freedom]. Moscow: AST. (Ser. Filosofija. Psihologija: FP. [Ser. Philosophy. Psychology: FP]). (In Russian). EDN QWKXAD. Retrived from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20034680>
4. Berdyayev, N. A. (1993). *O naznachenii cheloveka* [On the appointment of a person]. (Comp.: L. I. Grekov, A. P. Polyakov; Auth. introductory article: P. P. Gaidenko; Note by R. K. Medvedeva). Moscow: Respublika. 382 p. (In Russian). EDN TJNGST. Retrived from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20062183>
5. Dennett, D. (2017). *From Bacteria to Back and Back. The Evolution of Minds*. New York: Notron and Company. 476 p.

6. Gadamer, Kh.-G. (1988). *Istina i metod: Osnovy filos. Germeneytik* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress. 704 p. (In Russian). EDN OLSMGR. Retrived from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44947110>
7. Granic, I., Morita, H., & Scholten, H. (2020). Beyond Screen Time: Identity Development in the Digital Age. *Psychological Inquiry*, 31, Issue 3, 195–223. DOI: 10.1080/1047840X.2020.1820214
8. Gusserl', E. (2008). *Ideya fenomenologii: Pyat' lektsiy* [The Idea of Phenomenology: Five Lectures]. Saint Petersburg: Humanitarian Academy. 224 p. (In Russian). EDN VWMTZZ. Retrived from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25978680>
9. Koneva, A. V. (2018). "Tsifrovaya identichnost'": protsessy identifikatsii i reprezentatsii v setevoy kommunikatsii ["Digital identity": processes of identification and representation in network communication]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal. Philosophy], 1, 50–61. (In Russian). EDN YWLWXE. Retrived from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32823923>
10. Khaydegger, M. (2011). *Bytiye i vremya* [Being and time; per. with him]. Moscow: Academic Project. (In Russian). EDN QXAADR. Retrived from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20061256>
11. Lisenkov, A. A. (2020). Transformatsiya identichnosti v tsifrovuyu e'pokhu [Transformation of identity in the digital age]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 3, 65–74. (In Russian). EDN DPAULB. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-3-65-74
12. Luman, N. (2004). *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Moscow: Logos. 232 p. (In Russian). EDN PWOOCR. Retrived from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18852971>
13. Mamedova, N. M. (2021). Chelovek v epokhu tsifrovizatsii: na grani real'nogo i virtual'nogo [Humans in the age of digitalization: on the verge of real and virtual]. *Vek globalizatsii* [Age of globalization], 3 (39), 74–85. (In Russian). EDN RMIXIC. DOI: 10.30884/vglob/2021.03.06
14. Mamedova, N. M. (2019). Informatsionnoye obshchestvo: transgressiya sotsial'nosti [Information society: transgression of sociality]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (29), 9–14. (In Russian). EDN PCKUAH. DOI: 10.25688/2078-9238.2019.29.1.01
15. Marks, K., & Engels, F. (1955). Nemetskaya ideologiya [German ideology]. In *Sobraniye sochineniy. T. 3. 2-e izd.* [Collected works. Vol. 3. 2nd ed.]. Moscow: Politizdat. 689 p. (In Russian).
16. McKenna, M. (2012). *Conversation and Responsibility*. New York: Oxford University Press. 260 p.
17. Sartr, Zh.-P. (1953). *Ekzistentsializm — eto gumanizm* [Existentialism is humanism]. (Per. s fr. M. Greckogo [Translated from the French by M. Gretskey]). Moscow: Publishing house of foreign literature. 42 p. (In Russian).
18. Schechtman, M. (2005). Experience, agency, and personal identity. *Social Philosophy and Policy*, 22, 2, 1–24.
19. Volkov, D. B. (2016). Problema svobody voli: obzor klyuchevykh issledovaniy kontsa XX – nachala XXI vv. v analiticheskoy filosofii [The problem of free will: a review of key studies of the late XX – early XXI centuries in Analytical Philosophy]. *Philosophical Journal*, 9, 3, 175–189. (In Russian). EDN XAHHSJ. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-3-175-189

20. Voyskunskiy, A. Ye., Yevdokimenko A. S., & Fedunina N. YU. (2013). Setevaya i real'naya identichnost': sravnitel'noye issledovaniye [Online and real-life identity: a comparative study]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 10, 2, 98–121. (In Russian). EDN QZBPEX. Retrived from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20155426>

21. Yemelin, V. A., & Tkhostov, A. Sh. (2020). Disformativnaya identichnost' [Disformative identity]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 4, 80–91. (In Russian). EDN NOPFMH. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-4-80-91

Информация об авторе / Information about the author:

Мамедова Наталия Михайловна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова.

Стремянный переулок, 36, Москва, Россия, 117997,
mamedova.nm@rea.ru, [https:// orcid.org/0000-0002-7887-8724](https://orcid.org/0000-0002-7887-8724)

Mamedova Natalia Mihailovna — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics.

Stremyanny pereulok, 36, Moscow, Russia, 117997,
mamedova.nm@rea.ru, [https:// orcid.org/0000-0002-7887-8724](https://orcid.org/0000-0002-7887-8724)

Аналитическая

УДК 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.2

ИДЕОЛОГИЯ: ФОБИИ И ОЖИДАНИЯ

А. В. Жукоцкая

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226,
ZHukotskayaAV@mgpu.ru, [https:// orcid.org/0000-0002-9382-7757](https://orcid.org/0000-0002-9382-7757)

Аннотация. В статье актуализируется проблема идеологии и выбора идеологии, для этого предлагается взглянуть на феномен идеологии в широком контексте: как интерпретация любых идей — художественных, религиозных, философских, мифологических и др., и в более узком понимании — как политической идеологии. Автор раскрывает существенные черты идеологии, показывая, что потребность общества в идеологии является объективной, что идеология не только манипулятивный механизм, но и мощный фактор активности людей. Автор отмечает, что идеология носит не только политический, но и ценностный характер. В связи со многими распространенными идеологическими фобиями автор обращает внимание на общие черты идеологии и образования как факторов социализации. В статье подчеркивается, что именно идеология, политическая идеология в частности, во многом определяет стратегии поведения субъекта и социальных групп в социальном пространстве и времени, а адекватность реакции субъекта и социальной группы на события и ситуации во многом определяется уровнем критического мышления и здравого смысла. В статье также отмечается, что этику ответственности не следует отделять от идеологии.

Ключевые слова: идеология, интерпретация, политическая идеология, образование, социализация, манипуляция, идеологофобия

Для цитирования: Жукоцкая А. В. Идеология: фобии и ожидания // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 3 (43). С. 17–28. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.2

Analytical

UDC 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.2

**IDEOLOGY:
PHOBIAS AND EXPECTATIONS****Alexandra V. Zhukotskaya**

Moscow City University,

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj pr., 4, Moscow, Russia, 129226,

ZhukotskayaAV@mgpu.ru, [https:// orcid.org/0000-0002-9382-7757](https://orcid.org/0000-0002-9382-7757)

Annotation. The article actualizes the problem of ideology and the choice of ideology, for this it is proposed to look at the phenomenon of ideology in the broad and narrow sense of the word. In the broad — as an interpretation of any, not only political ideas — artistic, religious. Philosophical, mythological, and so on. In a narrow sense — we are talking about political ideology. The author reveals the essential features of ideology, showing that society's need for ideology is objective, that ideology is not only a manipulative mechanism, but also a powerful factor in the activity of people. The author notes that ideology is not only political, but also value-based. In connection with many common ideological phobias, the author draws attention to the common features of ideology and education as factors of socialization. In addition, the article emphasizes that it is the ideology, political ideology, in particular, that largely determines the orientation of the subject and social groups in social space and time, and the adequacy of the reaction of the subject and social group to events and situations is largely determined by the level of critical thinking and common sense. The article also notes that the ethics of responsibility should not be separated from ideology in both a broad and narrow sense.

Keywords: ideology, interpretation, political ideology, education, socialization, manipulation, ideologophobia

For citation: Zhukotskaya, A. V. (2022). Ideology: phobias and expectations. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (43), 17–28. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.43.3.2>

Введение

Спустя несколько десятилетий в духовной жизни России вновь актуализировалась проблема идеологии. Недавно состоялся круглый стол Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ), в рамках которого прошла философская дискуссия о том, нужна ли России новая идеология и какой она должна быть. Участники круглого стола высказали разные позиции по проблеме идеологии в современной России. Например, руководитель экспертного совета ЭИСИ Глеб Кузнецов полагает, что все-таки не следует возвращаться к слову «идеология», а надо сконструировать некий

набор ценностей, который позволил бы стране развиваться далее. К ним отнесены патриотизм, солидарность, суверенитет и др. Если же и говорить об идеологии, то в терминах социальной идеологии. Прозвучали и иные мнения: так, Ф. Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», считает, что национальные интересы и задачи неразрывно связаны с идеологией и для того чтобы определиться с национальными задачами, надо определиться с местом России в глобализационной системе и уникальностью нашей страны. Прочно связывает идеологию с деятельностью политических партий философ и политолог А. Козырев. Он считает, что вопрос глобальных идеологий давно не стоит на повестке дня, а политическую идеологию следует рассматривать как инструмент конкретной политики. Если же говорить об идеологии, то в терминах национальной стратегии, также считает М. Ремизов, президент Института национальной стратегии, делая акцент на национальной самобытности и уникальности России. О. Матвейчев высказал идею о необходимости не только сильной экономики, но и сильной культуры, которая, по его мнению, является составной частью национальной стратегии и идеологии [Философы обсудили российскую идеологию..., 2022].

Постановка проблемы

Проблема идеологии чрезвычайно разнопланова и включает в себя множество аспектов: от национального сознания, национальной идентичности и самоидентичности россиян до сценариев развития будущего страны, роли и миссии России в мире. Многие исследователи феномена идеологии полагают, что мы вступили в исторический этап «реабилитации» и возврата идеологии [Щипков, 2020]. Так что же случилось? Почему наконец-то снято табу на слово «идеология», которое еще 30–40 лет назад пользовалось всеобщим одобрением, а сам феномен считался чуть ли не фундаментальным основанием социально-гуманитарного знания? Вспомним, что в статье 13 Конституции заявлено о невозможности в РФ общеобязательной (т. е. государственной) идеологии [Конституция Российской Федерации...]. Но означает ли это фактическое отсутствие всякой идеологии в стране или идеология/идеологии все-таки есть, но они не артикулированы так жестко, как была артикулирована идеология коммунистической партии? И так ли уж страшна идеология? Может ли быть такое, что идеологофобия, с одной стороны, или полная деидеологизация — с другой, окажутся опаснее, чем сама идеология?

Предметом исследования в данной статье является феномен идеологии в широком и узком смысле (как политическая идеология), ее ценностный характер и социализирующая функция, а также связь идеологии и образования.

Методологией выступает системный подход, универсальные методологические процедуры редукции, репрезентации и интерпретации, а также

компаративистский анализ феномена идеологии. В анализе феномена идеологии также использовался принцип социокультурной детерминации явления, позволивший рассматривать феномен идеологии в культурном и политическом контексте.

Результаты исследования

Понятие «идеология» широко и неопределенно, но при всей его многозначности очевидно, что в широком смысле речь идет о феномене интерпретации бытия, а в узком — используется привычное для нас значение политической идеологии. Тезис Д. Белла о «конце идеологий», выдвинутый в середине XX века и сильно повлиявший на духовную и политическую культуру Запада, в нашей стране оказался востребованным лишь после распада Советского Союза и укрепился на так называемом постперестроечном пространстве. Но так ли уж опасна идеология, чтобы ее считать «падшим словом и греховным делом» [Bell, 1988, p. 213]? Идеология как система идей и концепций и политическая идеология — это фундаментальные категории XX и XXI вв. В фундаментальных категориях всегда отражаются фундаментальные процессы, поэтому избавиться от слова еще не означает избавиться от самого феномена. Если оставить за скобками дебаты вокруг самого понятия «идеология» (иллюзорное отражение бытия, научная/ненаучная, мифологические системы и т. д.) (см., например: [Жукоцкая, 2014; Идеология..., 2017]), то придется признать, что идеология так или иначе, но присутствует во всех социально-политических науках, поэтому Р. Боудон и называл идеологию «клеем общественных структур» [Boudon, 1989, p. 11]. Очевидно, что идеология как любой социальный феномен, носит еще и ценностный характер: в любой идеологии всегда можно разглядеть набор доминирующих в обществе ценностей. Так стоит ли бояться того, без чего общество вообще существовать не может, — имеется в виду без идей, концепций, гипотез и теорий, в которых происходит осмысление общественной жизни и обозначаются некоторые перспективы? Для всех очевиден факт, что общество развивается и изменяется, всем интересен ответ на вопрос «Куда мы идем»? Ответ содержится не только в научных исследованиях социально-философского толка, но и в существующей идеологической системе, даже если она официально не сконституирована. Итак, опасна ли идеология и откуда возникают идеологические фобии?

Нет никаких сомнений, что в современном информационно-цифровом обществе особенно ярко проявляются властная и манипулятивная функции идеологии. На наш взгляд, во многом это обусловлено тем, что существующее цифровое общество находится в постоянном напряжении. С одной стороны, в условиях функционирования глобальных массмедиа мажоритарные этносы постоянно усиливают свое давление на культуру и политику, чтобы укрепить

и поддержать культурную идентичность, с другой — на сохранение культурной идентичности, языка законно претендуют и миноритарные этносы. Кроме того, постоянно происходит процесс трансформации традиционной ценностной картины мира [Хилханов, Хилханова, 2021]. Воздействие политической идеологии на массовое и индивидуальное сознание через каналы массмедиа, социальные сети в современном обществе настолько сильно, что мысль о чрезвычайной опасности и разрушающей, деструктивной силе идеологии не кажется невероятной. Агрессивная, насыщенная идеологемами, пропагандистскими штампами политико-идеологическая лексика еще одно тому подтверждение. И все-таки, прежде чем делать поспешные выводы, стоит разобраться в сущности самого феномена идеологии и ее имплицитного присутствия не только в индивидуальном и массовом сознании, но и в различных аспектах общественной жизни, в том числе и в сфере образования.

На первый взгляд, феномены идеологии и образования не имеют ничего общего и даже дихотомичны. Ценностно-смысловое пространство образования и идеологии всегда по-разному оценивается. Образование всегда в положительном коннотате, а идеология (как правило, подразумевается политическая идеология) — в отрицательном. Тем не менее общее между ними есть. Они выполняют важнейшую для общества и человека функцию — социализирующую. Но если для образования эта функция очевидна, то почему-то при анализе идеологии ею, как правило, пренебрегают. Традиционно считается, что сфера образования — одна из самых важных для формирования мировоззренческих основ, ценностей и смыслов будущего взрослого гражданина. Но разве идеология в широком смысле как система художественных, религиозных, научных и даже мифологических идей не участвует в формировании мировоззренческой позиции? А в узком смысле политическая идеология разве не является репрезентантом идей патриотизма, гражданственности, социальной и политической ответственности? И здесь можно пойти двумя путями: сформировать стойкую неприязнь к феномену идеологии вообще, и политической — в частности, вплоть до фобии, либо пойти по пути разъяснения сути этого явления, его особенностей, показывая не только минусы, но и плюсы идеологии как формы отражения бытия. Именно тогда будет видно, что идеология также обладает социализирующей функцией и мировоззренческим потенциалом. Дело-то не в самих феноменах образования и идеологии, а в том, как они интерпретируются на уровне власти, государства и репрезентируются через массмедиа. В этом контексте безусловный интерес приобретает проблема соотношения и взаимодействия идеологии и образования. Основной вопрос может быть сформулирован так: ограничивает ли идеология содержание образовательного процесса или само образование может поставить границы идеологии? (см. об этом: [Жукоцкая, Козловская, 2012, с. 278–281]). В разные временные и политические эпохи для нашей страны доминанты в этом странном союзе образования и идеологии расставлялись по-разному. В послереволюционное время, безусловно, система образования и его содержание контролировались

партийной революционной идеологией. П. Сорокин в статье «Современное состояние России» (1922, Прага) отмечал: «Уже с 1919 г. началась эпопея “реформы” и “обновления” высшей школы. Как и в средней, здесь каждое полугодие приносило новую реформу и усиливало развал. Было бы долго рассказывать обо всем этом. Основное задание в изменении преподавания сводилось к “коммунизации”. В специальном декрете в 1920 г. было объявлено, что “свобода научной мысли” — предрассудок, что все преподавание должно вестись в духе марксизма и коммунизма как последней и единственной истины» (см. об этом: [Сорокин, 1992]). Содержание образования в середине XX в. в нашей стране также было предельно идеологизировано. Это касалось образования всех уровней: как школьного, где активно происходило государственно-идеологическое «освоение» истории и литературы, с опорой на принципы пролетарского и партийного гуманизма, так и высшего. А. Касьян в статье «Университет: образование и идеология (середина XX века)» отмечает, что «дискуссия по философским вопросам физики в Советском Союзе — это нечто совершенно иное, чем аналогичная дискуссия в другом социально-культурном контексте. Вопросы философской интерпретации физики имели прямое отношение к идеологии, а значит, к политике» [Касьян, 2005]. Далее он пишет: «Ситуация с физикой в ГГУ (Горьковский государственный университет) отразила существовавший в СССР подход к трактовке отношения философии и науки. Причем это не столько теоретический подход, чисто теоретическая позиция по отношению к двум видам культуры, сколько государственная точка зрения, обусловленная особым статусом философии в СССР. Марксистская философия входила в государственную идеологическую систему, существовавшую в стране, была ее составной частью. Поэтому любые философские дискуссии — это не движение в сфере чистой мысли, а государственное дело» [Касьян, 2005]. Дальнейшие метаморфозы взаимодействия идеологии и образования нам хорошо известны. В 90-х гг. XX в. в результате стремительного демонтажа тоталитарного строя идеология была изгнана из образовательного пространства нашей страны. Отметим, что лишь в 2021 г. была возобновлена подготовка высших профессиональных кадров по философии по специальности 5.7.7. Социальная философия и философия политики. Результатом изгнания идеологии стал совершенно новый пласт проблем. Идеологическая ниша осталась незанятой, привычные стереотипы сломались, и в освободившееся пространство хлынул поток мракобесия, мистики, иррационализма, экзотических идей. Даже взрослому человеку, оказавшемуся в условиях мировоззренческого вакуума, трудно адаптироваться в разрушенном идеологическом и ценностном пространстве. Что уж говорить о молодежи, которая оказалась в ситуации ценностной, идеологической и мировоззренческой неопределенности. Все это явилось основанием морального и ценностного релятивизма, формированием «скрытой культуры», которая отличалась еще более мифологизированным и иллюзорным сознанием. Результат этого процесса мы наблюдаем сейчас — разные поколения вновь «требуют» идеологии.

С этим мы вошли в новое, так называемое цифровое общество. Казалось бы, вот она, полная свобода от идеологии. Но и здесь торопиться не следует. Ранее мы уже отмечали имманентно присущий идеологии манипулятивный характер. Вроде бы «сетевой» человек или, как говорят, «немассовый» человек, погруженный в Интернет, обладает определенной автономией, выбор информационного контента у него ничем не ограничен, и поэтому он должен быть менее подвержен манипулированию. В этом смысле, казалось бы, и идеология теряет объект своего воздействия. Но вряд ли это так на самом деле. Информационная анархия иллюзорна (см. об этом: [Алексейчева и др., 2021, с. 5–13]). Любое общество, как бы мы его ни называли — коммуникативное, цифровое, информационное или как-то иначе — это все равно система. Главными элементами этой системы являются люди, а потом уже технологии. Общество, даже цифровое, не существует вне и без механизмов управления, без государства, власти <...> а, значит, и без идеологии. Конечно, иными могут быть методы, формы, приемы, способы трансляции идей, но сами-то идеи (религиозные, политические, художественные, философские и т. д.) никуда не денутся (см. об этом: [Жукоцкая, 2019]). Идеологии как феномену духовной жизни общества для существования нужна только антропогенная среда, то есть человеческое общество (см. об этом: [Жукоцкая, 2019]). Техногенная форма этого общества может быть любой, от нее будут зависеть, как мы уже отметили, лишь формы идеологического воздействия, усложняясь и дифференцируясь по мере усложнения самой общественной системы (см. об этом: [Жукоцкая, 2019]). Мы начинали наши рассуждения с вопроса: насколько опасна идеология, учитывая ее манипулятивный, мировоззренческий, ценностный характер? Ответ: не менее опасна, чем образование. П. Бурдье, например, считал, что «внушение смыслов» социальных процессов можно делать и в процессе получения образования. Этим же занимаются и идеологи, и пропагандисты, и даже социологи при опросах общественного мнения. Во всех этих практиках манипулятивные методы могут рассматриваться как методы объективации социального мира [Жукоцкая, 2009]. Но образования мы не «боимся», а только приветствуем. Почему же идеология вызывает у нас такие опасения? Еще раз отметим, что опасны не сами идеи, а то, как они интерпретируются и затем объективируются в социальные практики. Поэтому А. Щипков отмечает, что «нет никаких реальных оснований для идеофобии — боязни идеологичности как таковой, недоверия к ней. По вине идеофобии рамки понятия “идеология” сегодня критически заужены» [Щипков, 2020].

Мнение, что идеология и образование — антиномия, вроде «истины» и «заблуждения», на мой взгляд, методологически безграмотно и опасно. Неверно расставленные акценты приведут либо к желанию «деидеологизировать» образование, что мы уже наблюдали, либо к его реидеологизации, что мы наблюдаем сейчас. Здесь мы возвращаемся к началу нашего разговора о том, что объединяет идеологию и образование. Мы уже отметили ранее,

что они выполняют социализирующую функцию. Призыв «освободить» образование от идеологии касался в основном ряда политических идей, которые долго господствовали в системе особенно социально-гуманитарного образования. Не стоит отрицать, что «советская эпоха сформировала искаженное представление об идеологии, и этим не преминули воспользоваться уже те, кто пришел на смену советским идеологам. Более 30 лет нас учили видеть в идеологии некую “теорию всего”, научно-философскую доктрину, претендующую на объяснение мира и человека. Мы были похожи на ребенка, которому показали черного лебедя или бесхвостую обезьяну и заставили поверить, что все лебеди черные, а все обезьяны — бесхвосты. Но идеология не родилась и не закончилась вместе с научным коммунизмом, ее исторические формы гораздо шире» [Щипков, 2020].

На наш взгляд, абсолютная идеологическая нейтральность образовательного процесса — это что-то из области мифологии. Вряд ли это возможно в силу ряда обстоятельств. Во-первых, любой субъект (и учитель и ученик) — это всегда интерпретаторы идей, в том числе и политических. Во-вторых, для обучающего субъекта выбор мировоззренческой позиции, дидактических концепций, набор ценностных установок и т. д. детерминированы, в свою очередь, философскими, религиозными, художественными, политическими и иными идеями и предпочтениями — а это тоже идеология, если рассматривать ее широкий контекст. В этом смысле рассматривать идеологию следует все-таки как формообразующую деятельность, поэтому и концепция «всестороннего развития личности», и идея «социально ориентированного и адаптационного образования», и система «открытого обучения», и «деятельностного подхода», и идея «инновационного образования», «компетентностного» обучения и многие другие, названия которым еще не придумали, это не что иное, как идеологические (в широком понимании этого термина) образовательные доктрины.

Сейчас существует объективный заказ на человека, который одинаково успешно может сориентироваться в ситуации неопределенности и быстрых перемен, умеющего адекватно оценить текущие события и предвидеть будущие вызовы, остающегося при этом личностью творческой и критически мыслящей. Задача сложная, но она обусловлена социально-экономической и идеологической потребностью сегодняшнего дня. По мнению М. Бахтина, «ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди» [Бахтин, 1961, 1996]. Несмотря на то что искушение «покончить с идеологией» будет всегда сопровождать движение социальной мысли, не стоит торопиться это делать. Лучше вспомнить, что через феномен идеологии (и в широком, и в узком смысле этого слова), как и через другие социальные феномены (религия, образование, искусство и т. д.), проявляется наша ментальность, наш культурный код. «Подлинная, живая идеология формируется в поле национального дискурса и всегда учитывает реальный опыт народа. В ней отражены культурный образ героя и образ врага, образ истории

и мировой культуры, образ человечества и его проблем, наконец, свой собственный словарь» [Щипков, 2020]. Особенность нашего культурного кода такова, что в нашем национальном сознании всегда огромную, гипертрофированную роль играл образ государственной власти и государственной идеологии. Опыт предыдущих десятилетий показал, что стремительно разрушить прежнюю идеологию не так уж и трудно. Но оказалось, что заменить-то ее нечем. Попытки сконструировать какую-то иную идеологию («идеологию выхода из кризиса», «евразийской идеи» или «гражданского общества», или «духовных скреп» и т. д.) пока не удались. И дело тут, на наш взгляд, не в словах, а в «качестве» самих идей, в том, в какой степени они экономически и исторически обусловлены, как они укоренены в исторической памяти и социально-политической практике.

Заключение

Возвращаясь к вопросу об идеологических фобиях и перспективах, еще раз отметим, что идеологии не стоит бояться, во-первых, потому, что если «никакая высшая цель не влечет людей за край привычного горизонта, их целями становятся средства, а сами они из свободных людей превращаются в рабов» [Февр, 1991, с. 36]. Во-вторых, потому что, скорее всего, в основание какой-либо «новой» идеологии все равно лягут знакомые нам принципы, составляющие культурно-политический код нашего общества: идеи равенства и справедливости, стремление к мессианству, евразийские представления об особом пути, этатизм и др. В-третьих, потому, что идеология вырабатывает не столько теоретические схемы, сколько предлагает различные, порой эффективные варианты решения социальных проблем. В-четвертых, как мы уже отмечали, «потребность в идеологии есть объективная потребность, так как «идеологическое воспроизводство» осуществляется в обществе непрерывно. По мере развития общественных связей и социальных структур все формы духовной жизни общества идеологизируются. Сама идеология предстает как синтез духовно-мировоззренческого опыта. Инструментальные формы обеспечивают идеологии практический выход. Поэтому как бы ни трансформировалось общество, сила идей всегда остается неизменной» [Жукоцкая, 2009, с. 275, 260–261]. Кроме того, в культурный код общества имманентно включены философские, этические, ценностные, художественные, правовые, политические и иные идеи, поэтому представление о том, что духовная и культурная жизнь общества может быть «очищена» от идеологии — это лишь иллюзия И, наконец, главное — это принцип ответственности, который по мере развития общества занимает все более важное место в общественном сознании. Если исключить его из идеологии и политики, то следует опасаться того, что наша цивилизация обрекает себя на уничтожение. Известные социологи (Т. Парсонс, М. Вебер), специалисты по постнеклассической «этике ответственности», утверждали,

что «лучшее будущее» — это то состояние общества, которое определяется оптимальным соотношением ценностей и совершаемых во имя их реализации поступков. Другими словами, в обществе должна быть гармония между «целедостигающим» поведением, «ценностным» и «целерациональным». К. Поппер, критикуя различные идеологии, в том числе и коммунистическую, не подвергал критике необходимость существования идеологии как таковой и даже предложил некий «идеологический проект», в котором идеология и этика ответственности занимали центральное место. Этот проект прост: «1. Укрепление свободы и осознание вытекающей из нее ответственности; 2. Мир во всем мире; 3. Борьба с бедностью; 4 Борьба с демографическим взрывом; 5. Обучение ненасилию» [Поппер, 1992, с. 488–489]. Идеология как интерпретация суммы различных идей, укорененных в общественном сознании, и как репрезентация политических идей в частности, всегда будет выполнять важнейшую функцию — организации социального опыта людей. Проблема может заключаться лишь в содержании этих идей и их объективации в социальных практиках.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>
2. Алексейчева Е. Ю. Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе: кол. монография / Е. Ю. Алексейчева, В. М. Ананишнев, Г. А. Ермоленко и др. М.: Книгодел, 2021. 144 с.
3. Бахтин М. Проблемы поэтики Ф. Достоевского [Электронный ресурс] // Сайт посвященный творчеству Ф. М. Достоевского. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bahtin-problemy-poetiki/4-zhanrovye-osobennosti-i.htm>
4. Идеология: социальная теория и практика: монография / под ред. А. В. Жукоцкой. М.: Социальный проект, 2017. 208 с.
5. Жукоцкая А. Миф, религия, идеология: о сходстве и различиях // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2014. № 1 (9). С. 10–20.
6. Жукоцкая А. В. Феномен идеологии / Московский городской педагогический университет. М., 2009.
7. Жукоцкая А., Козловская Г. Нужно ли идеологизировать наше образование? // Актуальные проблемы образования в Азербайджане: мат-лы IV Международной конференции, г. Баку, 2012, 1–4 мая / Бакинский государственный университет. Баку, 2012. 583 с. С. 278–281.
8. Касьян А. Университет: образование и идеология (середина XX) // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 130–136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitet-obrazovanie-i-ideologiya-seredina-xx-veka/pdf>
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. и под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
10. Сорокин П. Современное состояние России [Электронный ресурс] // Информационный портал «Питирим». П. А. Сорокин. Все о нем. URL: <https://pitirim.org/index.php/publications-pitirim-sorokin/from-pitirm-sorokin/161-current-state-of-russia>
11. Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

12. Философы обсудили российскую идеологию [Электронные ресурс] // Российское новостное интернет-издание «Lenta.ru». 2022. 2 июня. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/02/idea/>

13. Хилханов Д. Л., Хилханова Э. В. Проблемы трансформации культурных кодов в цифровую эпоху // Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе: колл. монография / Московский городской педагогический университет. М.: Книгодел, 2021. 144 с. С. 111–120.

14. Щипков А. Реабилитация идеологии [Электронный ресурс] // Парламентская газета. 2022. 5 февраля. URL: <https://www.pnp.ru/politics/reabilitaciya-ideologii.html>

15. Щипков А. Реабилитация идеологии: почему России нужна национальная идея // Культурная политика. 2020. № 3.

16. Bell D. Afterword. The End of Ideology revisited // D. Bell. The End of Ideology. N. Y., 1988.

17. Boudon R. The Analysis of Ideology / Translated by Malkolm Slater. Polity Press, 1989.

References

1. *Constitution of the Russian Federation*. (In Russian). Retrived from <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>

2. Alekseicheva, E. Yu., Ananishnev, V. M., Ermolenko, G. A. et al. (2021). *Digital humanities: a person in a “transparent” society*. Collective monograph. Moscow: Knigodel. 144 p. (In Russian).

3. Bakhtin, M. (n. d.). Problems of poetry by F. Dostoevsky. In *A website dedicated to the work of F. M. Dostoevsky*. (In Russian). Retrived from <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bahtin-problemy-poetiki/4-zhanrovye-osobennosti-i.htm>

4. Bell, D. (1988). Afterword. The End of Ideology revisited. In *D. Bell. The End of Ideology*. N. Y.

5. Boudon, R. (1989). *The Analysis of Ideology* (Translated by Malkolm Slater). Polity Press.

6. Febvr, L. (1991). *Boi za istorii*. Moscow. (In Russian).

7. Kasyan, A. (2005). Universitet: obrazovanie i ideologiya (seredina XX). *Higher Education in Russia*, 5, 130–136. (In Russian). Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/universitet-obrazovanie-i-ideologiya-seredina-xx-veka/viewer>

8. Khilkhanov, D. L., & Khilkhanova, E. V. (2021). Problems of transformation of cultural codes in the digital era. In *Digital humanities: a person in a “transparent” society*. Collective monograph (pp. 111–120) / Moscow City University. Moscow: Knigodel. 144 p. (In Russian). Retrived from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46693444>

9. Popper, K. (1992). *Open Society and Its Enemies. Vol. 2: The Time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles*. (Translated from English and ed. V. N. Sadovsky). Moscow: Phoenix, International Foundation “Cultural Initiative”. 528 p. (In Russian).

10. *Russian online news publication “Lenta.ru”*. (2022. June 2). Philosophers discussed Russian ideology. Retrived from <https://lenta.ru/news/2022/06/02/idea/>

11. Sorokin, P. (n. d.). The current state of Russia. *Information portal “Pitirim”*. P. A. Sorokin. *All about him*. (In Russian). Retrived from <https://pitirim.org/index.php/publications-pitirim-sorokin/from-pitirim-sorokin/161-current-state-of-russia>

12. Shchipkov, A. (2022, February 5). Rehabilitation of ideology. *Parliamentary newspaper*. (In Russian). Retrived from <https://www.pnp.ru/politics/reabilitaciya-ideologii.html>

13. Shchipkov, A. (2020). Rehabilitation of ideology: why Russia needs a national idea. *Cultural Policy*, 3. (In Russian).
14. Zhukotskaya, A. V. (Ed.) (2017). *Ideology: Social Theory and Practice*. Monograph. Moscow: Social Project. 208 p. (In Russian).
15. Zhukotskaya, A. V. (2009). *Phenomenon of ideology*. Moscow City University. Moscow. (In Russian).
16. Zhukotskaya, A. V. (2014). Myth, religion, ideology: on similarity and differences. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (9), 10–20. (In Russian).
17. Zhukotskaya, A., & Kozlovskaya, G. (2012). Is it necessary to ideologize our education? *Actual problems of Azerbaijani studies*. Materials of the IV International Conference, Baku, 2012, May 1–4 (pp. 278–281). Baku. 583 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Жукоцкая Александра Васильевна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет.

2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Москва, Россия, 129226,
ZHukotskayaAV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Zhukotskaya Alexandra Vasilyevna — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University.

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226,
ZHukotskayaAV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Аналитическая

УДК 323.1

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.3

ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА

Д. Л. Хилханов

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226,
khilkhanovdl@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Аннотация. Культурные коды как структурированное проявление культурных феноменов актуализируются в период стремительного развития межкультурной коммуникации в XX веке. К основным культурным кодам относятся язык и религия.

Для выявления изменений религиозных ценностных ориентаций в России мы проанализировали данные массовых опросов Всемирного исследования ценностей, находящихся в открытом доступе. Автором были проанализированы базы данных по России за 1995 (3-я волна исследований) и 2017 годы (7-я волна исследований). В 1995 году Россия только начинала развитие своих интернет-коммуникаций, 2017 год описывает современные ценностные ориентации россиян.

Французские философы Ж. Делез и Ф. Гваттари ввели понятие ризомы как символа постструктурализма и постмодернизма. Ризома подразумевает систему, где нет иерархии, централизации, линейности, упорядоченности. В интернет-эпоху ризоморфность коммуникаций приводит к ослаблению традиционной иерархии, сравнительно низкому уровню институционализации, что становится заметным явлением в российских религиозных конфессиях.

Такие традиционные культурные коды, как язык и религия, неизбежно трансформируются в условиях Интернета. Феномен транслингвальности, частичная утрата лингвистической чистоты и создание новых языковых гибридов характеризуют развитие языковых кодов. Появление виртуальной религиозной культуры, ризоморфность коммуникационных процессов в современной церкви создают более

индивидуализированные, нелинейные формы обрядности, которые неизбежно ослабляют принцип иерархической централизации в религиозных организациях.

В целом можно отметить тот факт, что движение России к ценностям самовыражения и индивидуализма сопровождается эффектом ризомы, который проявляется как в гибридных языковых формах, так и в ослаблении иерархической религиозной институционализации.

Ключевые слова: культурные коды, язык, религия, ризома

Для цитирования: Хилханов Д. Л. Традиционные культурные коды в эпоху Интернета // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 3 (43). С. 29–43. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.3

Analytical

UDC 323.1

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.3

TRADITIONAL CULTURAL CODES IN THE INTERNET AGE

Dorzhi L. Khilkhanov

Moscow City University,

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj pr., 4, Moscow, Russia, 129226,

khilkhanovdl@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Abstract. Cultural codes, as a structured manifestation of cultural phenomena, are actualized during the rapid development of intercultural communication in the twentieth century. The main cultural codes include language and religion.

To identify changes in religious value orientations in Russia, we analyzed data from mass surveys of the World Values Survey, which are in the public domain. The author analyzed databases on Russia for 1995 (3rd wave of research) and 2017 (7th wave of research). In 1995, Russia was just beginning to develop its Internet communications, 2017 describes the modern value orientations of Russians.

French philosophers J. Deleuze and F. Guattari introduced the concept of rhizome as a symbol of poststructuralism and postmodernism. Rhizome implies a system where there is no hierarchy, centralization, linearity, orderliness. In the Internet era, the rhizomorphism of communications leads to a weakening of the traditional hierarchy, to a relatively low level of institutionalization, which is becoming a noticeable phenomenon in Russian religious denominations.

Traditional cultural codes such as language and religion are inevitably transformed in the conditions of the Internet. The phenomenon of translanguality, partial loss of linguistic purity and the creation of new language hybrids characterize the development of language codes. The emergence of a virtual religious culture, the rhizomorphism of communication processes in the modern church, create more individualized, nonlinear forms of ritual, which inevitably weaken the principle of hierarchical centralization in religious organizations.

In general, it can be noted that Russia's movement towards the values of self-expression and individualism is accompanied by the rhizome effect, which manifests itself both in hybrid linguistic forms and in the weakening of hierarchical religious institutionalization.

Keywords: cultural codes, language, religion, rhizome

For citation: Khilkhanov D. L. (2022). Traditional Cultural Codes in the Internet AGE // *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (43), 29–43. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.43.3.3>

Введение

Культурные коды как структурированное проявление культурных феноменов актуализируются в период стремительного развития межкультурной коммуникации в XX веке [Жукоцкая, 2022, с. 124]. Код является основным элементом коммуникации в качестве базовой информационной модели. Ю. М. Лотман рассматривал всю культуру как определенную кодовую систему, подчеркивая, что именно язык является выражением культурных смыслов [Лотман, 2000, с. 487–489]. Знаки репрезентируют определенный культурный смысл, соответственно культурный код создается посредством текста. Код в сжатом виде отражает основные смыслы и ценности культуры определенной эпохи и социальной группы.

В широком понимании культурный код — это основной элемент культурной идентичности. М. Фуко отмечал, что «основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки» [Фуко, 1977, с. 37].

К основным культурным кодам относится язык и религия. Американский социолог С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» определял их как центральные элементы любой культуры [Huntington, 1996]. Культурные коды существуют с момента зарождения культуры и общества и являются основой идентификационных и коммуникативных процессов [Казенина, Жукоцкая, 2022, с. 140].

В современном информационном обществе коммуникативные процессы стремительно трансформируются [Черненькая, 2015, с. 304]. В 1994 году в России был зарегистрирован домен RU, это событие дало старт развитию русскоязычного Интернета.

Методы / Методологические обоснования

Для выявления изменений религиозных ценностных ориентаций в России мы проанализировали данные массовых опросов Всемирного исследования ценностей, находящиеся в открытом доступе на сайте: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>. Мы использовали как эмпирические данные, так и данные карт культурных ценностей Инглхарт – Вельцеля за 1996 и 2017 годы. Всемирное исследование ценностей является самым масштабным

социологическим опросом в мире с 1981 года, всего прошло 7 волн исследований, социологические данные собраны по 120 странам [Inglehart, 2018], Материалы Всемирного исследования ценностей использовались в более чем 30 000 публикациях по всему миру. На наш взгляд, это достоверный источник, предоставляющий репрезентативную информацию динамики ценностных ориентаций [EVS, 2020].

Для изучения всемирных ценностей данные авторы рассматривали такие основные критерии, как: традиционные — секулярно-рациональные ценности, и ценности выживания — самовыражения. На картах Инглхарт — Вельцеля страны расположены в пространстве этих двух факторов. Традиционные и секулярно-рациональные ценности Р. Инглхарт в своих исследованиях определяет именно в контексте религиозного фактора. Ценности самовыражения основаны на европейских ценностях либерализма и индивидуализма, ценности выживания — на идеях коллективизма и авторитаризма.

Автором были проанализированы базы данных по России за 1995 (3-я волна исследований) [Inglehart, 2014] и 2017 годы (7-я волна исследований) [Haerpfer et al., 2020]. В 1995 году Россия только начинала развитие своих интернет-коммуникаций, 2017 год описывает ценностные ориентации россиян в условиях доминирования сетевых коммуникаций. Нами были отобраны ответы на идентичные по формулировкам вопросы в 1995 и 2017 годах, направленные на выяснение степени важности религиозных ценностей для россиян. В таблицах представлены два варианта каждого вопроса: на русском и английском языках. Это связано с тем, что в первоисточнике, на сайте Всемирного исследования ценностей (<https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>) опросник 1995 года представлен на русском языке, в 2017 году те же самые вопросы изложены на английском языке. Автор приводит эти вопросы в оригинальном виде.

Результаты

Таблица 1

Значение религии для респондента, %

Table 1

The significance of religion for the respondent, %

Годы	Вопросы	Очень важно	Довольно важно	Не очень важно	Совсем не важно
1995	V9. Скажите, пожалуйста. Насколько важно для Вас то, что я сейчас перечислю: Религия?	14,0	25,9	34,8	22,5
2017	Q6 For each of the following, indicate how important it is in your life. Would you say it is (read out and code one answer for each): Religion	18,3	32,3	30,6	16,1

Таблица 2

Необходимость домашнего религиозного воспитания, %

Table 2

The need for home religious education, %

Годы	Вопросы	Это важно	Это не важно
1995	V22. Перед Вами список качеств, которые можно воспитать у детей в семье. Какие из них, если такие есть, являются, по-Вашему мнению, наиболее важными? — Религиозность	9,4	90,6
2017	Q15. Here is a list of qualities that children can be encouraged to learn at home. Which, if any, do you consider to be especially important? — Religious faith	11	89

Таблица 3

Степень доверия к церковным организациям, %

Table 3

The degree of trust in church organizations, %

Годы	Вопросы	Полностью доверяю	В некоторой степени	Не очень доверяю	Совсем не доверяю
1995	V135. Я перечислю Вам сейчас некоторые организации и общественные институты. Скажите, пожалуйста, насколько Вы доверяете каждой из них? — Полностью доверяете, в некоторой степени доверяете, не очень доверяете или совсем не доверяете? — Церковь	22,2	39,8	22	10
2017	Q64. I am going to name a number of organizations. For each one, could you tell me how much confidence you have in them: is it a great deal of confidence, quite a lot of confidence, not very much confidence or none at all? — The churches	23,4	37	20,1	13,3

Таблица 4

Степень участия в деятельности церковной организации, %

Table 4

The degree of participation in the activities of the church organization, %

Годы	Вопросы	Активный член организации	Неактивный член организации	Не вхожу в организацию
1995	V28. Сейчас я зачитаю Вам список некоторых организаций. Для каждой из них скажите, пожалуйста, являетесь ли Вы ее членом или нет, если являетесь, то принимаете ли активное участие в ее деятельности? — Церковная или религиозная организация	1,9	3,7	94,4
2017	Q94. Now I am going to read off a list of voluntary organizations. For each organization, could you tell me whether you are an active member, an inactive member or not a member of that type of organization? — Church or religious organization	2,8	7,2	88,7

Таблица 5

Частота посещения религиозных служб, %

Table 5

Frequency of attendance at religious services, %

Годы	Вопросы	Чаще чем раз в неделю	Раз в неделю	Раз в месяц	Только по религиозным праздникам	Раз в год	Реже чем раз в год	Никогда
1995	V181. Не считая венчаний, похорон и крещений, как часто Вы посещаете религиозные службы в настоящее время?	0,7	1,3	5,9	15,6	13,3	12,5	50,3
2017	Q171. Apart from weddings and funerals, about how often do you attend religious services these days?	1,5	4,6	10,1	29,4	7	10,5	32,7

Таблица 6

Показатель отношения к вере

Table 6

Indicator of attitude to faith

Годы	Вопросы	Я верующий	Я неверующий	Я атеист
1995	V182. Независимо от того, посещаете ли Вы церковь или нет, можете ли Вы сказать, что Вы...?	58,8	30	3,7
2017	Q173. Independently of whether you attend religious services or not, would you say you are...?	76,5	9,5	6

Таблица 7

Отношение к Богу, %

Table 7

Attitude to God, %

Годы	Вопросы	Да	Нет	Не знаю
1995	V183. Верите Вы или нет во что-нибудь из того, что я сейчас назову? — В Бога	60,1	27,5	12,4
2017	Q165. Which, if any, of the following do you believe in? — God	77,4	14,4	6,8

Таблица 8

Оценка роли Бога в жизни респондента, %

Table 8

Assessment of the role of God for the respondent's life, %

Годы	Вопросы	Совсем не важен	2	3	4	5	6	7	8	9	Очень важен
1995	V190. Насколько важен Бог в Вашей жизни?	17,1	8,1	7,5	5,2	15,7	6,3	5,5	7,8	5,2	17,7
2017	Q164. How important is God in your life?	7,5	3,2	5,3	5	16,6	11,9	11,3	11,3	4,7	17,8

Дискуссионные вопросы

Испанский социолог М. Кастельс в своих трудах, посвященных информационному обществу, рассматривает не только современные и будущие тенденции развития сетевого сообщества, но и проблемы формирования как новых форм культурной идентичности, так и изменения традиционных культурных кодов. М. Кастельс отмечает, что до информационной эпохи культура создавалась в определенном пространстве и времени, с созданием же сетевых сообществ, во внепространственных условиях возникает культура реальной виртуальности [Кастельс, 2000, с. 504]. Культурные явления конструируются и транслируются в электронных средствах коммуникации [Castells, 2011]. В этой конструируемой реальной виртуальности создаются как новые культурные коды, так и трансформируются традиционные знаки и символы.

М. Кастельс фиксирует появление двух новых типов идентичностей: идентичностей сопротивления и проектов. Проектные идентичности связаны с сетевыми глобальными проектами, возникшими благодаря технологиям Интернета, в первую очередь это феминистические и экологические движения. Идентичности сопротивления как выражение националистических сепаратистских движений возникают как ответная реакция миноритарных культурных групп на идеологическое давление государства.

М. Кастельс отмечает, что в многонациональных и поликонфессиональных государствах миноритарные этнические группы сегодня, как правило, актуализируют свою культурную идентичность. «Национализм, локализм, этнический сепаратизм и культурные общины порывают с обществом в целом, выстраивая его институты не снизу вверх, но изнутри вовне, т. е. “те, кто суть мы” против тех, кто к нам не принадлежит» [Кастельс, 2000, с. 506].

Язык является базовым кодом культурной идентичности [Черненькая, 2017]. Известная гипотеза Сепира – Уорфа предполагает, что лексическая и грамматическая структура каждого языка влияет на конструирование определенной культурной реальности. Радикальная гипотеза Сепира – Уорфа является очень дискуссионной научной темой и имеет достаточно много оппонентов. Более компромиссный вариант связи языка и культурной идентичности предложил Дж. Фишман. Он определяет, что язык и культурная идентичность прочно связаны тремя способами: 1) индексальным, 2) символическим и 3) отношением части к целому.

В первом случае язык ассоциируется с определенной культурой, «он в любое время, на протяжении которого эта связь наличествует, наилучшим образом может называть артефакты, формулировать выражения или выражать интересы, оценки и мировоззрение этой культуры» [Fishman, 1991, p. 20]. Язык и культура связаны также символически: это значит, что они символически представляют определенные этнические и национальные сообщества, которые говорят на этих языках.

Фишман считает, что именно в результате соотношения связи с целым «модели социализации ребенка ассоциируются с определенным языком,

что культурные стили межличностных отношений ассоциируются с определенным языком, что этические принципы, лежащие в основе повседневной жизни, ассоциируются с определенным языком, и что даже материальная культура и эстетическое восприятие обычно обсуждается и оценивается посредством фигур речи, которые по большей части существуют только в этой культуре, а не являются универсальными» [Fishman, 1991, p. 24].

Автор данной статьи уже рассматривал трансформацию этнических языков в условиях Интернета [Хилханов, 2021, с. 55–65]. Феномен транслингвальности, создание гибридных языковых форм является особенностью развития миноритарных языков в современном обществе в условиях интернет-коммуникаций. Исследователи делают вывод о том, что витальность языка зависит в основном от сформированного языкового сознания [Хилханова, 2019, с. 967]. Коммуникация на этническом языке в Интернете неизбежно носит характер смешанного кода [Хилханова, Хилханов, 2019, с. 38]. Использование смешанного кода сегодня настолько распространено, что термин *translanguaging* («транслингвальность», «трансьязычие») приобрел большую популярность. В нашем случае транслингвальность символизирует современные процессы трансформации культурных кодов, когда миноритарные языки в условиях Интернета теряют свою лингвистическую чистоту через создание новых языковых гибридов [Khilkhanova, 2021].

В результате экономической модернизации последних лет, большинство стран, участвующих во Всемирном исследовании ценностей, демонстрируют постоянную тенденцию движения стран к ценностям самовыражения, что наглядно демонстрирует карта культурных ценностей. Россия по шкале выживания-самовыражения сдвинулась значительно в сторону ценностей самовыражения (индивидуализма): в 1996 году — от $-1,9$, в 2017 году — $-0,5$.

Второй тенденцией является тот факт, что за последние годы карта Инглхарт – Вельцеля демонстрирует высокое влияние традиционных (религиозных) ценностей в посткоммунистических странах. Так, например, Россия, по данной шкале, опустилась с относительно высокой позиции секулярных ценностей $+1,3$ в 1990 году до $+0,5$ в 2020 году в сторону традиционных (религиозных) ценностей, при этом Россия является, согласно данным этой карты, более секулярной страной, чем США и страны Латинской Америки. Данная динамика постсекуляризации характерна для всех стран бывшего Советского Союза (атеистического государства) и отражает бурный рост всех основных религиозных конфессий, а также различных религиозных объединений в России.

Анализ данных опросов в сравнении 1995 и 2017 годов подтверждает эту тенденцию. Значительно выросло число верующих людей, которые признают большое значение Бога и религиозных представлений в своей личной жизни. Количество людей, считающих религию важной нравственной ценностью, выросло с $39,9\%$ в 1995 году до $50,6\%$ в 2017 году (см. табл. 1).

В 1995 году $23,5\%$ респондентов посещали службу чаще чем раз в год, в 2017 году их стало уже $45,6\%$ (почти в 2 раза больше). Значительно выросло

количество верующих, соответственно снизилось количество неверующих россиян. В таблице 8 оценивалась роль Бога для жизни респондента по десяти-балльной шкале. Мы считаем, что респонденты, которые поставили 5 баллов и выше, признают большую роль Бога в своей жизни. В 1995 году — таких было 58,2 %, в 2017 году — 73,6 %. При этом доля россиян считающих, что Бог очень важен для них, практически не изменилась.

В то же время результаты опроса респондентов по темам религиозного воспитания, доверия и участия в работе церковных организаций показывают нам отсутствие значимой динамики этих показателей. В 2017 году на 1,6 % стало больше респондентов, которые считают, что религиозность необходимо прививать детям дома. При этом около 90 % опрошенных в обоих случаях считает, что религиозность не является обязательной целью домашнего воспитания (см. табл. 2). На наш взгляд, в 1995 году такое мнение являлось результатом атеистического воспитания в Советском Союзе, в 2017 году это мнение подтверждает высокую роль ценностей самовыражения, которые прямо коррелируют со светскими ценностями, у современных россиян.

В целом доверяют церковным организациям в 2017 году еще меньше респондентов, чем в 1995-м: 60,4 % и 62 % соответственно. Процент вовлеченных в деятельность церковной организации (любой конфессии) людей остается очень низким, в 2017 году он составляет только 2,8 % респондентов. На взгляд автора, относительное недоверие современных россиян к церковным организациям, то есть к традиционным институциональным структурам, их очень слабая степень вовлеченности в институциональную деятельность отражает процессы, связанные с понятием ризомы церкви, характерной для эпохи Интернета.

Французские философы Ж. Делез и Ф. Гваттари ввели понятие ризомы как символ постструктурализма и постмодернизма. [Deleuze, Guattari, 1976]. Ризома это термин, обозначающий в ботанике отсутствие единого корня, вместо которого выступают множество запутанных и переплетенных мелких корней, как в грибнице. Они противопоставляли ризому «древовидной» иерархической линейной системе. Ризома подразумевает систему, где нет иерархии, централизации, линейности, упорядоченности. Ризома характеризуется множественностью взаимосвязей, в силу чего она является устойчивой, легко копируется и может воспроизводиться в гибридных формах. На наш взгляд, именно принцип ризомы отличает современные коммуникационные процессы в Интернете и проявляется при формировании крупных проектных идентичностей. Мы считаем, что данный принцип хорошо объясняет поведение многих языковых активистов в Интернете, которые по собственной инициативе выучили свой родной язык в достаточно взрослом возрасте и сегодня активно его пропагандируют, демонстрируя различные варианты языкового сдвига. Множественность и демократизация коммуникационных связей позволяет им успешно участвовать в развитии и сохранении родных языков, не имея соответствующего педагогического и лингвистического образования, наряду с дипломированными специалистами.

Церковь традиционно является ярко выраженной «древовидной» централизованной системой. В условиях интернет-коммуникаций, проявления различных образцов и форм религиозной виртуальной культуры верующие россияне могут исполнять обряды в режиме онлайн, что мы все наблюдали в период пандемии коронавируса. В этих условиях актуальность и значимость иерархической официальной институциональной структуры ослабевает. Верующие могут решать свои вопросы напрямую посредством интернет-коммуникаций. В эпоху Интернета принцип ризомы, то есть ослабление иерархии, низкий уровень институционализации, становится заметным явлением в традиционных религиозных конфессиях. В православии это явление уже получило свое название: «православие-light» («облегченное православие», «легкое православие»). На наш взгляд, именно ризоморфность интернет-коммуникаций определяет относительно слабое вовлечение верующих в практическую деятельность церковных организаций и заметное устойчивое недоверие к институциональным структурам с их стороны, что мы и наблюдаем в результатах опроса Всемирного исследования ценностей: таблица 3 «Степень доверия к церковным организациям» и таблица 4 «Степень участия в деятельности церковной организации».

Заключение

Такие традиционные культурные коды, как язык и религия, неизбежно трансформируются в условиях Интернета. Феномен транслингвальности, частичная утрата лингвистической чистоты и создание новых языковых гибридов характеризуют развитие языковых кодов. Появление виртуальной религиозной культуры, ризоморфность современных коммуникационных процессов создают более индивидуализированные, нелинейные формы обрядности, которые неизбежно ослабляют иерархический принцип в религиозных организациях.

В целом можно отметить тот факт, что движение России к ценностям самовыражения и индивидуализма сопровождается эффектом ризомы, который проявляется как в гибридизации языковых форм, так и в ослаблении иерархической религиозной институциональности.

Список источников

1. Жукоцкая А. В. «Диалог культур» и «культура диалога» — о взаимных гарантиях и дефицитах // Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации: Мат-лы Третьей Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29 февраля – 2 марта 2022 гг. / отв. ред. Л. Г. Викулова. М.: Языки Народов Мира, 2022. С. 124–130.
2. Казенина А. А., Жукоцкая А. В. Развитие навыков межкультурного и межличностного взаимодействия в условиях цифровой образовательной среды (на примере реализации кроссдисциплинарного курса «культурные коды») // Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации: Мат-лы Третьей Международной науч.-практ. конф., Москва, 29 февраля – 2 марта 2022 гг. / отв. ред. Л. Г. Викулова. М.: Языки Народов Мира, 2022. С. 140–144.

3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977. 488 с.
6. Хилханов Д. Л., Хилханова Э. В. Феномен культурной дистанции в современных условиях (языковые и религиозные факторы // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 3 (39). С. 55–65.
7. Хилханова Э. В. Интернет и миноритарные языки России: символическое присутствие или инструмент ревитализации? (На примере бурятского языка) // Монголоведение (Монгол судлал). 2019. № 4. С. 967–988. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-967-988
8. Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Этнокультурная идентичность мигрантов из восточных регионов бывшего СССР в свете теории «столкновения культур» // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 31–38. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38
9. Черненькая С. В. Философия языка: учеб.-метод. пособие / Московский городской педагогический университет. М., 2017. 120 с.
10. Черненькая С. В. Традиции университетского образования и новые коммуникативные технологии // Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества: Труды Междунар. науч.-теорет. конф. / Отв. за выпуск: О. Д. Шипунова. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический ун-т Петра Великого, 2015. С. 304–307.
11. Castells M. Communication Power. Oxford University Press, 2011. 592 p.
12. Deleuze G., Guattari F. Rhizome. Introduction. Paris: Les Éditions de Minuit, 1976. 74 p.
13. Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon, England: Multilingual Matters, 1991. 413 p.
14. EVS (2020). European Values Study Longitudinal Data File 1981–2008 (EVS 1981–2008). GESIS Data Archive, Cologne. ZA4804 Data file Version 3.1.0. DOI: 10.4232/1.13486
15. Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P. World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile / Eds. E. Ponarin, B. Puranen et al. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat, 2020. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>
16. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon and Schuster, 1996. 410 p.
17. Inglehart R. C. Moreno H. A., Welzel C. K., Kizilova, J. Diez-Medrano M., Lagos P. World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Datafile Version / Eds. N. E. Ponarin, B. Puranen et al. Madrid: JD Systems Institute, 2014. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>
18. Inglehart R. F. Cultural evolution: peoples motivations are changing, and reshaping the world. Cambridge University Press, 2018. 288 p. DOI: 10.1017/9781108613880
19. Khilkhanova E. Language ideologies and multilingual practices of post-soviet migrants in western europe from a translanguaging perspective// Balcania et Slavia. Studi linguistici | Studies in linguistics. 2021. Vol. 1. № 1. P. 01–30. DOI: 10.30687/BES/0/2021/01/000; URL: <https://www.worldvaluessurvey.org> (accessed: 10 April 2022).

References

1. Castells, M. (2000). *Informatsionnaia e'pokha: e'konomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. (Translated from English; Shkaratan, O. I. (Scientific Ed.). Moscow: Higher School of Economics. 608 p. (In Russian).
2. Castells M. (2011). *Communication Power*. Oxford University Press. 592 p.
3. Chernen'kaia, S. V. (2017). *Filosofiia yazy'ka* [Philosophy of language]. An educational and methodical manual. Moscow City University. Moscow. 120 p. (In Russian).
4. Chernen'kaia, S. V. (2015). Traditsii universitetskogo obrazovaniia i novy'e kommunikativny'e tekhnologii [Traditions of university education and new communication technologies]. In Shipunova, O. D. (Responsible for the release). *Socio-cultural environments and communicative strategies of the information society*. Proceedings of the International Scientific and Theoretical Conference (pp. 304–307). (In Russian).
5. Deleuze G., & Guattari F. (1976). *Rhizome*. Introduction. Paris: Les Éditions de Minuit. 74 p.
6. EVS (2020). European Values Study Longitudinal Data File 1981–2008 (EVS 1981–2008). GESIS Data Archive, Cologne. ZA4804 Data file Version 3.1.0. DOI: 10.4232/1.13486
7. Fishman J. A. (1991). *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon, England: Multilingual Matters. 413 p.
8. Fuko, M. (1977). *Slova i veshchi. Arkheologiiia gumanitarny'kh nauk* [Words and things. Archeology of the humanities] (Vizgin, V. P., & Autonomova, N. S. (Translated from French)). Moscow: Progress. 488 p. (In Russian).
9. Haerpfer, C., Inglehart, R., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., & Norris, P. (2020). *World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile* (Eds. by E. Ponarin, B. Puranen et al.). Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WWSA Secretariat. Retrived from <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>
10. Huntington, S. P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon and Schuster. 410 p.
11. Inglehart R. C., Moreno, H. A., Welzel, C. K., Kizilova, J., Diez-Medrano, M., & Lagos, P. *World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Datafile Version* (Eds. by N. E. Ponarin, B. Puranen et al.). Madrid: JD Systems Institute, 2014. Retrived from <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>
12. Inglehart R. F. (2018). *Cultural evolution: peoples motivations are changing, and reshaping the world*. Cambridge University Press. 288 p. DOI: 10.1017/9781108613880
13. Kazenina, A. A., & Zhukotskaya, A. V. (2022). Razvitie navy'kov mezhkul'turnogo i mezhlichnostnogo vzaimodeistviia v usloviakh tsifrovoi obrazovatel'noi sredy' (na primere realizatsii krossdistsiplinarnogo kursa «kul'turnye kody») [Development of skills of intercultural and interpersonal interaction in a digital educational environment (on the example of the implementation of the cross-disciplinary course “cultural codes”)]. In Vikulova, L. G. (Responsible Ed.). *Dialogue of Cultures. Culture of dialogue: Digital communications*. Materials of the Third International Scientific and Practical Conference, Moscow, 2022, February 29 – 2 March (pp. 140–144). Moscow: Languages of the Peoples of the World. (In Russian).
14. Khilkhanov, D. L., & Khilkhanova, E. V. (2021). Fenomen kul'turnoi distantсии v sovremenny'kh usloviakh (yazy'kovy'e i religiozny'e factory') [The phenomenon of cultural distance in modern conditions (linguistic and religious factors)]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (39), 55–65. (In Russian). DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06

15. Khilkhanova, E. V. (2019). Internet i minoritarny'e yazy'ki Rossii: simvolicheskoe prisutstvie ili instrument revitalizatsii? (na primere buriatskogo iazyka) [Internet and minority languages of Russia: a symbolic presence or a revitalization tool? (on the example of the Buryat language)]. *Mongol Studies (Mongol sudlal)*, 4, 967–988. (In Russian). DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-967-988

16. Khilkhanova E. (2021). Language ideologies and multilingual practices of post-soviet migrants in western europe from a translanguaging perspective. *Balkanica et Slavia. Studi linguistici | Studies in linguistics*, 1, 1, 01–30. DOI: 10.30687/BES/0/2021/01/000; Retrived from <https://www.worldvaluessurvey.org> (accessed: 10 April 2022).

17. Khilkhanova, E. V., & Khilkhanov, D. L. (2020). E'tnokul'turnaia identichnost' migrantov iz vostochny'kh regionov by' vshego SSSR v svete teorii «stolknoveniia kul'tur» [Ethnocultural identity of migrants from the eastern regions of the former USSR in the light of the theory of “clash of cultures”]. *Polylinguality and transcultural practices*, 17, 1, 31–38. (In Russian). DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38

18. Lotman, Iu. M. (2000). *Semiosfera* [The semiosphere]. Saint Petersburg: Iskustvo. 704 p. [in Russian].

19. Zhukotskaya, A. V. (2022). «Dialog kul'tur» i «kul'tura dialoga» — o vzaimny'kh garantiiakh i defitsitakh [“Dialogue of cultures” and “culture of dialogue” — about mutual guarantees and deficits]. In Vikulova, L. G. (Responsible Ed.). *Dialogue of Cultures. Culture of dialogue: Digital communications*. Materials of the Third International Scientific and Practical Conference, Moscow, 2022, February 29 – March 2 (pp. 124–130). Moscow: Languages of the Peoples of the World. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Хилханов Доржи Львович — доктор социологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет.

2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, Россия, 129226,
khilkhanovdl@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Khilkhanov Dorzhi Lvovich — Dr. Sc. (Sociology), Professor, Moscow City University.

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226,
khilkhanovdl@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Научно-исследовательская

УДК 316.752

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.4

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н. А. Трубина

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226,
Trubina-481@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2845-6929>

Л. Р. Миркушина

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226,
mirkushinalr@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7461-576X>

Аннотация. Статья посвящена активному развитию цифровизации общественной жизни, усиленным фактором которой стала пандемия коронавируса, в результате чего происходит процесс перемещения коммуникации в цифровое пространство, транспонируя за собой и вектор ценностных отношений общества. Цель исследования заключалась в верификации гипотезы о трансформации моральных ценностей в цифровой коммуникации с помощью эмпирического метода. В результатах исследования установлено, что формируются предпосылки к изменению; это отличает данное исследование от предшествующих, в которых ранее был установлен факт полной трансформации моральных ценностей и переход современного молодого поколения к ценностям цифровой среды. Было установлено, что для современного молодого поколения традиционные моральные ценности, в частности любовь и дружба, все также остаются значимыми, несмотря на то что переходят в цифровой формат. На сегодняшний день не сформирован кодекс морали для построения отношений в цифровой среде, поэтому отследить состояние моральных ценностей в цифровой коммуникации, имеющих релятивный характер, без обращения к эмпирическим методам невозможно. Значимость решения данной проблемы через обозначенный подход определяется тем, что человек и моральные ценности в цифровой реальности — это новое проблемное поле современной философской антропологии и аксиологии. От состояния моральных ценностей в современной цифровой среде зависит будущее общества, его духовно-нравственные основы. Дополнительное внимание к проблеме ценностей в цифровой коммуникации поможет в решении этических принципов и формированию в будущем стабильной обстановки в обществе, снижению тревожности, психологической напряженности. Комплексные характеристики дают возможность в полной мере оценить масштабы и динамику этапа цифрового перехода, его риски, ведь такая социальная повестка повлечет за собой корректировку стратегии на государственном уровне.

Ключевые слова: цифровизация, коммуникация, ценность, мораль, трансформация, этика, пандемия

Для цитирования: Трубина Н. А., Миркушина Л. Р. Трансформация моральных ценностей в цифровой коммуникации // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 3 (43). С. 44–56. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.4

Scientific research

UDC 316.752

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.4

TRANSFORMATION OF MORAL VALUES IN DIGITAL COMMUNICATION

Natalia A. Trubina

Moscow City University,

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj pr., 4, Moscow, Russia, 129226,

Trubina-481@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2845-6929>

Liya R. Mirkushina

Moscow City University,

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj pr., 4, Moscow, Russia, 129226,

mirkushinalr@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7461-576X>

Abstract. The article is devoted to the active development of the digitalization of public life, an intensified factor of which was the coronavirus pandemic. The result there is a process of moving communication into the digital space, transposing the vector of society's value relations. The purpose of the study was to verify the hypothesis about the transformation of moral values in digital communication using an empirical method. The results of the study found that the prerequisites for change are being formed, which distinguishes this study from the previous ones, in which the fact of a complete transformation of moral values and the transition of the modern young generation to the values of the digital environment was previously established. It was found that for the modern young generation, traditional moral values, in particular love and friendship, still remain significant, despite the fact that they are being transferred to a digital format. To date, a moral code has not been formed for building relationships in the digital environment, therefore, it is impossible to track the state of moral values in digital communication, which are of a relative nature, without resorting to empirical methods. The significance of solving this problem through the indicated approach is determined by the fact that a person and moral values in digital reality are a new problem field of modern philosophical anthropology and axiology. The future of society, its spiritual and moral foundations depend on the state of moral values in the modern digital environment. Additional attention to the problem of values in digital communication will help in addressing ethical principles and the formation of a stable environment in society in the future, reducing anxiety and psychological tension. Comprehensive characteristics make it possible to fully assess the scale and dynamics of the digital transition stage, its risks, because such a social agenda will entail an adjustment of the strategy at the state level.

Keywords: digitalization, communication, value, morality, transformation, ethics, pandemic

For citation: Trubina N. A., Mirkushina L. R. (2022). Transformation of moral values in digital communication // *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (42), 44–56. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.43.3.4>

Введение

Исследования проблемы моральных ценностей становятся особенно актуальными в периоды социальных перемен. Глобальный переход мирового сообщества к цифровизации ведет к изменениям во всех его сферах. Цифровизация затрагивает все аспекты деятельности человечества, изменяя сложившийся образ жизни, мышления, поведения, коммуникации, формирует облик современного общества, что не может не повлиять на сформированную систему моральных ценностей. Усиленный фактором пандемии коронавируса процесс перемещения коммуникации в цифровое пространство, транспонирует за собой и вектор ценностных отношений общества, необходимых для его существования.

Проблема исследования моральных ценностей в системе цифровой коммуникации не получила целостного целенаправленного научного ответа, который был бы подкреплён эмпирическими данными, полученными из оценок и суждений состояния моральных ценностей обществом. Причинами отсутствия целостного представления в решении данной проблемы являются слабое понимание того, что такое цифровое пространство, быстрые темпы развития самой коммуникации в цифровой реальности, отсутствие осознанности масштабов влияния цифрового пространства на моральные ценности, а также сложность изучения самой проблемы, так как субъект исследования — человек и объект исследования — моральные ценности, заключённые в человеке, синкретичны. Современные научные исследования проблемы моральных ценностей в цифровой коммуникации имеют частный характер. Обращение к актуальным подходам и аспектам изучения проблемы смогут дать целостное представление о состоянии моральных ценностей в цифровой коммуникации.

Регуляции поведения и отношений людей в обществе, становление сознания индивида, самоидентификация личности, отношение к собственной свободе и свободе другого напрямую зависят от моральных ценностей. Коммуникация, построенная на моральных ценностях добра, дружбы, любви, ответственности, совести, справедливости, долга, чести, достоинства человека отличается высоким уровнем духовности и несет в себе гуманистический смысл. Коммуникация же в изучении моральных ценностей выполняет методологическую функцию, через содержание и способы передачи информации позволяет установить ценностную парадигму общества.

В едином цифровом пространстве происходит взаимодействие участников коммуникационного процесса, построенного на следующих принципах: отсутствия временных и пространственных ограничений и препятствий, достаточно лишь иметь доступ к Сети; анонимности, что способствует открытости и свободе общения; равноправию лиц, участвующих в коммуникации, позволяющее выражать каждому собственное мнение; выбора собеседника, исключая тем самым нежелательные контакты. Участники процесса коммуникации имеют свободу выбора языка и манеры общения, а также возможность выразить

свои чувства, эмоции и моральные решения, которые опосредованы техническими средствами коммуникации [Dijk, 2006], и репрезентируются через систему знаков, символов, изображений. Принципы цифровой коммуникации становятся факторами, влияющими на мышление общества, формируя его утилитарность и мобильность. Сознание молодых участников цифровой коммуникации отличается фрагментарностью и дискретностью, так как большую часть времени на него оказывает воздействие техническая среда. Происходят изменения в обществе, трансформируется культура, менталитет общества, цифровая эпоха формирует новую ценностную парадигму, которая зачастую обуславливает условия существования социума в целом, а также обеспечивает экзистенциальную идентичность [Касавина, 2018, с. 135].

Проблема моральных ценностей в цифровом пространстве, а в частности коммуникации, приобрела актуальную значимость в научной среде. За последние 20 лет были созданы научные центры изучения этических особенностей поведения человека в цифровой реальности (International Center for Information Ethics, Center for Digital Ethics and Policy at Loyola). Современные научные разработки по теме сводятся к умозаключениям, построенным вне процедуры верификации, о трансформации моральных ценностей среди молодого поколения и имеют непредсказуемые последствия для общества в целом и для государства. А. В. Подстрахова видит проблему в несовпадении морально-этических установок между старшим поколением и молодым, которое уже не знает жизни вне Сети. Такие моральные ценности, как любовь, взаимоуважение, честность, достоинство, патриотизм, верность, альтруизм, трудолюбие, уважение к старшим, оказались неактуальными для современной молодежи, проводящей большую часть своего времени в Сети [Чудакова, Батарова, 2018]. На основе статистических данных, полученных путем социального опроса, ученые пришли в своем исследовании к выводу, что на смену старым ценностям приходят новые — цифровые ценности: информация, прозрачность, стандартизация, функциональность, гибкость, скорость передачи информации, ориентированность на выгоду, ориентированность на лайки, стремление к комфорту [Фактор и др., 2018, с. 98]. Н. В. Осинцева, И. А. Муратова видят в доступности информации, получаемой из Сети, о трагедиях, катастрофах причину утраты человеком способности сопереживания, которое ведет к хладнокровию, жестокости, черствости.

Пандемия коронавируса еще больше ускорила многие тренды цифрового развития: в условиях ограничений и борьбы с вирусом произошла форсированная цифровизация различных областей человеческой деятельности и обусловила продвижение дистанционных моделей взаимодействия. Эти два фактора: пандемия и дистанционная модель взаимодействия привели к утрате доверия, как важного измерения человеческого опыта, разрушая паутину человеческих отношений [Kramer, Faustino, 2021, с. 522].

Ссылаясь на существующие научные разработки в решении проблемы, следует обозначить подход данного исследования, заключающийся в эмпирическом подтверждении сформировавшейся идеи о трансформации моральных ценностей

в цифровую коммуникацию. На сегодняшний день не сформирован кодекс морали для построения отношений в цифровой среде, поэтому отследить состояние моральных ценностей в цифровой коммуникации, имеющих релятивный характер, без обращения к эмпирическим методам невозможно.

Цель исследования заключается в верификации гипотезы о трансформации моральных ценностей в цифровой коммуникации современного российского общества. Для достижения указанной цели требуется решить следующие задачи: обозначить возможные проблемы коммуникации цифрового пространства; выявить, как влияет удаленная коммуникация на осмысление таких категорий, как дружба, справедливость; сравнить проявление участников общения в реальной и виртуальной плоскости; понять, изменились ли традиционные ценности в киберпространстве, такие как любовь, совесть, честь.

Методы

В связи с установленной целью были использованы следующие принципы, законы, методы и подходы.

Экзистенциально-аксиологический подход определил контекст изучения научной проблемы. Исследования проблемы человека и проблемы его ценностей в истории философии осуществлялись в аспектах окружающего его бытия.

Метод сбора эмпирической информации — опрос в формате онлайн-анкетирования был использован для того, чтобы апробировать гипотезу: «трансформировались ли моральные ценности в цифровой коммуникации». Опрос проводился по разработанным вопросам, представленным в приложении Google-Docs. Все вопросы были сформулированы согласно цели и задачам исследования. Доступ к интернет-голосованию имели учащиеся Московского городского педагогического университета и все желающие, готовые добровольно пройти опрос. Целевой аудиторией опроса были студенты 2, 3, 4-х курсов (18–24 года, 81 %), родившиеся после 1997 года, так как это поколение будет задавать основные тенденции в будущем, влиять на экономические, политические аспекты общества, и непосредственно его духовно-нравственное содержание. Однако в опрос были включены респонденты других возрастных категорий (17,4 %), поэтому репрезентативность полученных ответов может быть трактована по-разному. Всего в опросе приняли участие 438 человек. Выборка репрезентативна по гендерной принадлежности, возрасту, образованию.

Результаты

В результате проведенного опроса было выявлено, что по критерию пола и возраста респонденты разделились следующим образом: из 438 человек,

принявших участие в интернет-голосовании, 79,4 % женщин, 20,6 % мужчин. Структура выборки по возрастам сложилась следующим образом: 81,1 % — 18–24 лет; 17,5 % — 25–49 лет; 1,4 % — 50 лет и старше. По уровню образования респондентов можно сделать вывод, что чуть больше половины опрошенных имеют неполное высшее образование — 56,9 %, 19,4 % — среднее, высшее образование — 18 %, неполное среднее (общее) — 4,4 %, дошкольное — 0,8 %, начальное — 0,5 %.

Ответы на вопрос «Для чего Вы чаще всего используете гаджеты?» распределились следующим образом: подавляющее большинство опрошенных — 89,7 % — используют гаджеты для социальных сетей и общения с людьми в блогах, на втором месте — 86,5 % опрошенных — используют для поиска информации для учебы, на третьем — 78,3 % — для поиска информации для себя, хобби и т. д., 73,1 % — для просмотров видео, 64,8 % — для работы и учебы; 52,2 % — для онлайн-покупок, 40,6 % — чтобы занять время; 12,3 % — для знакомств. Из результатов опроса можно сделать вывод, что интернет-площадка — это один из главных каналов коммуникации для современного поколения.

На вопрос «Встречались ли Вы с буллингом, агрессией в цифровом пространстве?» 66,8 % респондентов ответили «да», 33 % — «нет». Этот результат отражает, что ситуация кибербуллинга и травли является одной из важных проблем, с которой сталкиваются респонденты.

На вопрос «Удавалось ли Вам найти друзей на просторах Интернета?» ответ «да» — 73,7 %, «нет» — 26,1 %. На вопрос «Получается ли у Вас поддерживать дружеские отношения только посредством мессенджеров?» 62,2 % респондентов ответили «да», 37,8 % — «нет».

Согласно ответам, на вопрос «Чувствуете ли Вы разницу в общении с собеседником в сети и во время живой коммуникации» 88,1 % ответили «да», 11,9 % — «нет». На вопрос «Верите ли Вы в то, что можно влюбиться в сети Интернет?» 57,3 % ответили «да», 42,5 % — «нет». На вопрос «Влюбленность посредством цифровой реальности...» респонденты дали ответ: 39,7 % — «наступает медленнее», 30,7 % — наступает быстрее, 29,6 % — «пропустить». На вопрос «Влюбленность в условиях цифровой реальности...» респонденты ответили 43,7 % — «пропустить», 42,5 % — «проходит быстрее», 13,8 % — «проходит медленнее». На вопрос «Совпадает ли в Вашем представлении образ собеседника в сети и в реальной плоскости?» были следующие ответы: 59,4 % — «нет», 40,6 % — «да». На вопрос «Испытываете ли Вы навязчивое желание открыть сетевые каналы, мессенджеры?» ответы разделились практически поровну: 50,2 % — «нет», 49,8 % — «да». На вопрос «Дает ли цифровое пространство Вам ощущение отсутствия одиночества?» ответы составили: 53,2 % опрошенных — «нет», 46,6 % — «да».

На вопрос «Часто ли Вы сталкивались в цифровом пространстве с нарушением норм добра и зла?» 60,6 % опрошенных ответили «чаще, чем в реальности», 23,2 % — «реже, чем в реальности», 16,3 % — «не сталкивался». На вопрос «В каком пространстве Вам проще начать знакомство, общение?» респонденты

ответили: 45,8 % — «не имеет значения», 27,5 % — «в реальном», 26,8 % — «в цифровом». На вопрос «В каком пространстве безнравственные поступки чаще остаются безнаказанными?», по мнению опрошенных: 60,9 % — «в цифровом», 28,6 % — «не имеет значения», 10,1 % — «в реальном». На вопрос «Где Вы чаще встречаете проявление добра, долга, чести, совести в совершаемых поступках», 46,6 % респондентов ответили — «в реальной действительности», 41,8 % — «в равной степени», 11,6 % — «в цифровом пространстве».

Дискуссионные вопросы

Полученные результаты указывают на активную вовлеченность современного российского общества, как старшего, так и молодого поколения, независимо от пола и уровня образования в пространство цифрового взаимодействия и коммуникации. Следовательно, результаты исследования приобретают социальную значимость, поскольку в них отражены основные предпосылки трансформации моральных ценностей, которые образуют духовный каркас общественных отношений.

Апробация теоретических положений на эмпирическом уровне позволила установить факт изменчивости традиционных моральных ценностей в цифровой коммуникации, который способствует комплексному пониманию проблемы.

Оригинальность исследования представлена результатами, которые имеют отличия от результатов ранее опубликованных работ по части следующих выводов. Е. А. Чудакова, Т. В. Батарова констатировали в своих трудах, что для современного молодого поколения, проводящего большую часть времени в Сети, традиционные моральные ценности не являются актуальными. В трудах Л. Р. Усмановой обозначен кризис семейных ценностей современного общества по социокультурным и экономическим причинам. Британскими учеными было выявлено, что при использовании смартфонов моральные суждения людей становятся более утилитарными (по сравнению с деонтологическими), вследствие абстрактного представления о действиях и психологической дистанции, которое влияет на отношение между различными уровнями истолкования [Barque-Duran, et al., 2017, с. 190–194]. Напротив, полученные в результате апробации выводы говорят о том, что для современного молодого поколения традиционные моральные ценности все также остаются значимыми, несмотря на то что формируются и укрепляются в обществе и цифровые ценности. Это можно обосновать тем, что молодое поколение переносит моральные ценности в цифровое пространство. В цифровой среде сегодня: находят друзей — это отмечено 73,3 % респондентами, поддерживают дружеские отношения только посредством мессенджеров — 62,2 %, и даже могут влюбляться — 57,3 %. Особенности любви и влюбленности в виртуальном пространстве были рассмотрены авторами Н. А. Трубиной и Н. Г. Краснойровой, отмечалось, что объект влюбленности представляет

собой виртуальный бестелесный образ, воздействующий на сознание влюбленного. Результаты исследования дополняют предшествующие исследования, установлен тот факт, что влюбленность посредством цифровой реальности «наступает быстрее» — 30,7 %, и «проходит быстрее» — 42,5 %. Закономерно, что такие результаты установлены, поскольку объектом влюбленности является не воспринимаемый целостно человек, а только его ощущения через виртуальный образ.

Результаты опроса установили факты, подтверждающие идеи исследований Н. В. Осинцевой, И. А. Муратовой о том, что доступность информации о трагедиях, катастрофах стала причиной утраты человеком способности сопереживать и ведет к хладнокровию, жестокости, черствости: 66,8 % респондентов отметили, что встречались в цифровом пространстве с буллингом и агрессией; 60,9 % ответили, что в цифровом пространстве безнравственные поступки, чаще чем в реальности, остаются безнаказанными, а нарушение норм добра наблюдается 60,6 % респондентами в цифровой среде. Полученные данные являются свидетельством отсутствия кодекса морали при выстраивании отношений и коммуникации в цифровой реальности.

Данные, полученные вследствие процедуры верификации настоящего исследования, также обосновывают идеи как современных ученых, так и классиков в вопросах трансформации человека, находящегося под влиянием цифровой техники. Такие исследователи, как А. Турен, Э. Тоффлер, считали, что важными признаками информационного общества являются креативность, содействие индивидуального развития и культурного своеобразия. Негативной стороной данного процесса они считали проблему идентичности личности. Э. М. Молчан установил, что вследствие чрезмерного разнообразия виртуальных сред общения, способов самопрезентации: аватаризации субъектов, использования масок дополненной реальности, — с одной стороны, увеличивается выбор для пользователя, скрывая возможные недостатки, а с другой стороны, сильнее погружает в мир фантомов и мифологических объектов [Молчан, 2019, с. 58–59], отдаляя от себя самого. На основе результатов исследования можно с уверенностью утверждать, что в современности действительно грань между реальностью и цифровым пространством стирается. Основные привычные для повседневной реальности процессы жизнедеятельности, отношений и коммуникации переносятся в цифровую среду. Данный тезис сформулирован на основе ответов респондентов на вопрос: «Для чего Вы чаще всего используете гаджеты?» В большинстве случаев гаджеты используются именно в коммуникативных целях — 89,7 %. С целью поиска информации для учебы — 86,5 %, для себя, хобби — 78,3 %. В досуговых и трудовых целях гаджеты используют для просмотра видео — 73,1 %, а также для работы и учебы — 52,2 %. Шопинг постепенно переносится в цифровое пространство, что отмечено 52,2 % респондентов, 40,6 % респондентов используют гаджеты, чтобы занять время, а 12,3 % опрошенных совершают знакомства в цифровой сети.

В публикациях Т. В. Данилкиной установлено, что в процессе виртуализации и технического прогресса стираются границы между «реальным» человеком и его программно-компьютерной симуляцией, что может привести в дальнейшем к возможной деантропологизации субъекта коммуникации [Данилкина, 2021, с. 187]. Это положение находит обоснование в ответах на вопрос «Совпадает ли в Вашем представлении образ собеседника в сети и в реальной плоскости?», где ответ «да» — 59,4 %, и «нет» — 40,6 % являются почти равнозначными, что свидетельствует об изменениях в восприятии человеком объектов цифровой реальности как подлинно реальных, а также «В каком пространстве Вам проще начать знакомство, общение?», респонденты не видят трудностей, 45,8 % — «не имеет значения», 27,5 % — «в реальном», 26,8 % — «в цифровом». У Patridge и Botz-Borstein сформулирована мысль о том, что личность, подвергаясь воздействию многообразия предоставляемой информации, подвергается деструктивному влиянию, все больше отдаляясь от природы, привязываясь к миру техники, вызывая при этом аутические симптомы [Partridge, 2011; Botz-Borstein, 2004]. Особенно остро данная зависимость прослеживается у основных участников современного образовательного пространства — поколения Z, чье взросление пришлось на цифровую эпоху. Они с рождения задействованы в электронной культуре, и это существенно отражается на всей системе ценностей данного поколения, формируя новое ценностно-мировоззренческое ядро молодежи. Опрос показал, что «навязчивое желание открыть сетевые каналы, мессенджеры» существует практически у половины респондентов — 49,8 %, и также почти половина респондентов имеет «ощущение отсутствия одиночества» — 46,6 %, и 53,2 % — такого ощущения не имеют.

Исследование показало, несмотря на воздействие цифровой среды на жизнедеятельность, поведение и мышление современного человека, человек не может отказаться от фундаментальных моральных ценностей, образующих духовные основы отношений. Формируются предпосылки к трансформации моральных ценностей в цифровой коммуникации, параллельно же формируются ценности, необходимые для построения взаимоотношений в цифровой реальности. Дальнейшее исследование проблемы должно учитывать факт предпосылок трансформации моральных ценностей в цифровой коммуникации и принимать во внимание, что альтернативные ценности цифровой среды могут постепенно вытеснять традиционные моральные ценности.

Заключение

Таким образом, исследование еще раз подтверждает, что цифровая среда является важным каналом коммуникации для современного поколения, где реализуются важные составляющие человеческой социализации: передача идей, обмен опытом и эмоциями, самопрезентация с помощью новых инструментов, а главное, перенос традиционных ценностей в цифровую среду и формирование

новых. В связи с тем, что способ существования ценностей неразрывно связан с социальным опытом, являясь элементом человеческой личности, а в эпоху глобализации и ускоренных темпов цифровизации личность испытывает на себе влияние данных процессов, следовательно, претерпевает изменения и иерархия социальных ценностей, в том числе и моральных.

Подтвердился следующий тезис о нарушении безопасности в киберпространстве, а именно о нарастании этических проблем информационного мира, вследствие отсутствия четких этических принципов и норм, что может привести к росту нестабильности социальных систем, на что также указывает Л. В. Баева.

Обосновывается положение, что в цифровой среде и в реальности образ субъекта общения существенно различается в связи с отсутствием чувственной компонентой общения, а также анонимизацией. Однако важно отметить, в результате апробации было выявлено, что для современного молодого поколения традиционные моральные ценности, в частности любовь и дружба, все также остаются значимыми, несмотря на то что переходят в цифровой формат.

Цель исследования заключалась в верификации гипотезы о трансформации моральных ценностей в цифровой коммуникации с помощью эмпирического метода. В результатах исследования установлено, что формируются предпосылки к изменению, это отличает данное исследование от предшествующих, в которых был установлен факт полной трансформации моральных ценностей и переход современного молодого поколения к ценностям цифровой среды.

Дополнительное внимание к проблеме ценностей в цифровой коммуникации поможет в решении этических принципов и формирования в будущем стабильной обстановки в обществе, снижения тревожности, психологической напряженности. Комплексные характеристики дают возможность в полной мере оценить масштабы и динамику этапа цифрового перехода, его риски, ведь такая социальная повестка повлечет за собой корректировку стратегии на государственном уровне.

Список источников

1. Баева Л. В. Информационная этика в условиях развития электронной культуры. // Информационное общество. 2020. № 6. С. 36–46. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44506330>
2. Данилкина Т. В. Антропологические и аксиологические аспекты анонимности коммуникации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 176–188. DOI: 10.24412/2071-6141-2021-2-176-188
3. Касавина Н. А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2018. № 55 (4). С. 129–142. DOI: 10.5840/eps201855479
4. Краснаярова Н. Г., Трубина Н. А. Модальности любви в бытии человека // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2013. № 12. С. 126–130. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21041289>

5. Молчан Э. М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 55–66. DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-55-66
6. Осинцева Н. В., Муратова И. А. Трансформация этических ценностей в условиях развития цифровых технологий // Манускрипт. 2020. № 13 (1). 171–175. DOI: 10.30853/manuscript.2020.1.35
7. Подстрахова А. В. Поколение «цифрового века»: жизненные ориентиры и образовательные ценности. // Молодой ученый. 2019. № 15 (253). С. 287–290. URL: <https://moluch.ru/archive/253/58044/>
8. Усманова Л. Р., Баева Л. В. Женщина как хранитель семейных ценностей в России (на основе анализа философского творчества В. В. Розанова) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1 (34). С. 161–165. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18981966>
9. Фактор А. М., Камолов С. Г., Никандорова А. А. Человеческие ценности в цифровую эпоху // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2018. № 2 (21). С. 86–103. URL: http://smart-city.institute/researches/FactorSoavtors_2_18_1.pdf
10. Чудакова Е. А., Баторова Т. В. Влияние Интернета на нравственные ценности молодежи. 2018. URL: <https://videouroki.net/razrabotki/vliianiie-intiarnieta-na-nravstviennyye-tsiennosti-molodiezhi.html>
11. Barque-Duran A., Pothos E., Hampton J. A., Yearsle J. M. Contemporary morality: Moral judgments in digital contexts // Computers in Human Behavior. 2017. № 75. P. 184–193. DOI: 10.1016/j.chb.2017.05.020
12. Botz-Borstein T. Virtual Reality and Dreams. Towards the Autistic Condition? // Philosophy in the Contemporary World. 2004. № 11 (2). P. 43–49. DOI: 10.5840/pcw.200411218
13. Boyd D. Social network sites as networked publics: Affordances, dynamics, and implications // Networked Self: Identity, Community, and Culture on Social Networking Sites, edited by Z. Papacharissi. 2011. P. 39–58. URL: <https://www.danah.org/papers/2010/SNSasNetworkedPublics.pdf>
14. Dijk J. Van. The Network Society. Social Aspects of New Media. 2006. URL: <http://www.bookre.org/reader?file=1244491>
15. Kramer E., Faustino M. Reconstructing Professional Philosophy: Lessons from Philosophy as a Way of Life During a Time of Crises // Revista Portuguesa de Filosofia. 2021. № 77 (2–3). P. 513–546. URL: https://doi.org/10.17990/rpf/2021_77_2_0513
16. Papacharissi Z. The Virtual Geographies of Social Networks: A comparative analysis of Facebook, Linked In and ASmallWorld // New Media & Society. 2009. № 11. P. 199–220. URL: https://www.academia.edu/4714527/The_virtual_geographies_of_social_networks_a_comparative_analysis_of_Facebook_LinkedIn_and_ASmallWorld
17. Patridge S. The Incurable Social Meaning of Video Game Imagery // Ethics and Information Technology. 2011. № 13. P. 303–312. DOI: 10.1007/s10676-010-9250-6
18. Toffler A., Toffler H. Revolutionary Wealth. Knopf Doubleday Publishing Group, 2007. 512 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=bhIR2PD6zaoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
19. Touraine A. After the Crisis. Polity Press, Cambridge, 2014. 180 p. URL: https://www.academia.edu/11867367/Alain_Touraine_After_the_Crisis_Polity_Press_Cambridge_2014_180pp

References

1. Baeva, L. V. (2020). Informacionnaja e'tika v uslovijah razvitija e'lektronnoj kul'tury'. [Information ethics in the development of electronic culture]. *Information society*, 6, 36–46. (In Russian).
2. Barque-Duran, A., Pothos, E., Hampton, J. A., & Yearsle, J. M. (2017). Contemporary morality: Moral judgments in digital contexts. *Computers in Human Behavior*, 75, 184–193. DOI: 10.1016/j.chb.2017.05.020
3. Botz-Borstein, T. (2004). Virtual Reality and Dreams. Towards the Autistic Condition? *Philosophy in the Contemporary World*, 11 (2), 43–49. DOI: 10.5840/pcw200411218
4. Boyd, D. (2011). Social network sites as networked publics: Affordances, dynamics, and implications. In Papacharissi, Z. (Ed.). *Networked Self: Identity, Community, and Culture on Social Networking Sites* (pp. 39–58). Retrived from <https://www.danah.org/papers/2010/SNSasNetworkedPublics.pdf>
5. Danilkina, T. V. (2021). Antropologicheskie i aksiologicheskie aspekty' anonimnosti kommunikacii. [Anthropological and axiological aspects of the anonymity of communication]. *News of the Tula State University. Humanitarian sciences*, 2, 176–188. (In Russian). DOI: 10.24412/2071-6141-2021-2-176-188
6. Dijk J., V. (2006). *The Network Society. Social Aspects of New Media*. Retrived from <http://www.bookre.org/reader?file=1244491>
7. Kasavina, N. A. (2018). Chelovek i tehnika: ambivalentnost' e'lektronnoj kul'tury'. [Man and technology: the ambivalence of electronic culture]. *Epistemology and philosophy of science*, 55 (4), 129–142. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201855479
8. Krasnojaraova, N. G., & Trubina, N. A. (2013). Modal'nosti ljubvi v by'tii cheloveka. [Modalities of love in human existence]. *Human Science: Humanities Research*, 12, 126–130. (In Russian). Retrived from <https://elibrary.ru/item.asp?id=21041289>
9. Kramer, E., & Faustino, M. (2021). Reconstructing Professional Philosophy: Lessons from Philosophy as a Way of Life During a Time of Crises. *Revista Portuguesa de Filosofia*, 77 (2–3), 513–546. DOI: 10.17990/rpf/2021_77_2_0513
10. Molchan, Je. M. (2019). Vlijanie cifrovizacii na formirovanie duhovno-nravstvenny'h cennostej sub'ektov vzaimodejstvija v jepohu globalizacii. [The impact of digitalization on the formation of spiritual and moral values of the subjects of interaction in the era of globalization]. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 2, 55–66. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-55-66
11. Osinceva, N. V., & Muratova, I. A. (2020). Transformacija e'ticheskikh cennostej v uslovijah razvitija cifrovy'h tehnologij. [Transformation of ethical values in the context of the development of digital technologies]. *Manuscript*, 13 (1), 171–175. (In Russian). DOI: 10.30853/manuscript.2020.1.35
12. Papacharissi, Z. (2009). The Virtual Geographies of Social Networks: A comparative analysis of Facebook, Linked In and ASmallWorld. *New Media & Society*, 11, 199–220. Retrived from https://www.academia.edu/4714527/The_virtual_geographies_of_social_networks_a_comparative_analysis_of_Facebook_LinkedIn_and_ASmallWorld
13. Patridge, S. (2011). The Incorrigible Social Meaning of Video Game Imagery. *Ethics and Information Technology*, 13, 303–312. DOI: 10.1007/s10676-010-9250-6
14. Podstrahova, A. V. (2019). Pokolenie «cifrovogo veka»: zhiznenny'e orientiry' i obrazovatel'ny'e cennosti [Generation of the «digital age»: life guidelines and educational values]. *Young scientist*, 15 (253), 287–290. (In Russian). Retrived from <https://moluch.ru/archive/253/58044/>

15. Toffler, A., & Toffler H. (2007). *Revolutionary Wealth*. Retrived from <https://books.google.ru/books?id=bhIR2PD6zaoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
16. Touraine, A. (2014). *After the Crisis*. Retrived from https://www.researchgate.net/publication/281608269_After_the_CrisisBy_Alain_Touraine_Cambridge_Polity_Press_2014_first_published_in_French_2010
17. Usmanova, L. R., & Baeva, L. V. (2013). *Zhenshhina kak hranitel` semejny`h cennostej v Rossii (na osnove analiza filosofskogo tvorchestva V. V. Rozanova)* [Woman as a guardian of family values in Russia (based on the analysis of the philosophical work of V. V. Rozanov)]. *Caspian region: politics, economics, culture*, 1 (34), 161–165. (In Russian). Retrived from <https://elibrary.ru/item.asp?id=18981966>
18. Faktor, A. M., Kamolov, S. G. & Nikandorova A. A. (2018). Chelovecheskie cennosti v cifrovuju e`pohu. [Human values in the digital age]. *Modeling, optimization and information technologies*, 2 (21), 86–103. (In Russian). Retrived from http://smart-city.institute/researches/FactorSoavtors_2_18_1.pdf
19. Chudakova, E. A., & Batorova, T. V. (2018). *Vlijanie Interneta na npravstvenny`e cennosti molodezhi* [The influence of the Internet on the moral values of young people]. (In Russian). Retrived from <https://videouroki.net/razrabotki/vliianiie-intiernieta-na-npravstviennye-tsiennosti-molodiezhi.html>

Информация об авторах / Information about the authors:

Трубина Наталья Алексеевна — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет.

2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, Россия, 129226,
Trubina-481@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2845-6929>

Trubina Natalia Akekseevna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University.

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226,
Trubina-481@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2845-6929>

Миркушина Лия Рафиковна — кандидат философских наук, ассистент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет.

2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, Россия, 129226,
mirkushinalr@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7461-576X>

Mirkushina Liya Rafikovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University.

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226,
mirkushinalr@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7461-576X>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научно-публицистическая

УДК 17.02/.03 + 7.011

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.5

ГЕНИЙ В ИНТЕРЬЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

О. П. Бабицкая

Сибирский государственный индустриальный университет,

ул. Кирова, 42, Новокузнецк, Россия, 654057,

olya_olga_1910@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3143-6689>

Ю. С. Серенков

Сибирский государственный индустриальный университет,

ул. Кирова, 42, Новокузнецк, Россия, 654057,

juriyy-serenkov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7677-8837>

Аннотация. В статье очерчивается круг вопросов, связанных с динамикой понятийной трансформации креативного таланта, гениальности, гения и, шире, закономерностей проявления креативности и гениальности в контексте исторических и национальных цивилизационных парадигм. Предполагая о важности присутствия в национальных культурах так называемых гениев-амбивалентов, реализующих свою научную и практическую продуктивность в двух и более деятельностных сферах, авторы характеризуют складывающуюся культурную ситуацию в постинформационном/постпотребительском обществе, обосновывая актуальную потребность социальных систем в появлении людей, инкорпорирующих в рамках одной биографии гений ученого, деятеля искусства, общественного деятеля и т. д. С опорой на исследования отечественных и зарубежных ученых, авторы намечают пункты, могущие стать опорными в перспективе пересмотра критериев гениальности в обществе людей, становление личности которых произошло в условный период существования так называемого поколения Z. Не ставя задачей выявление национально-географической компоненты гения-амбивалента, авторы тем не менее обращаются к новейшей культурной истории Финляндии в поисках фигуры, отвечающей критериям гениальности в актуальном смысле слова. Анализируя карьеру Эркки Куренниemi как физика, искусствоведа, композитора, предпринимателя, мыслителя-философа, авторы показывают гений Куренниemi в качестве характерного финского культурного феномена. Опираясь на положения теории региональных культурных текстов, гуманитарной географии, теории национальных менталитетов и философии деконструктивизма, авторы приходят к выводу об абсолютизации зависимости между стабильным развитием социальной системы и становлением новых локальных брендов, оригинальных продуктов, определяемым, в свою очередь, появлением и проявлением гениальности как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Ключевые слова: гениальность, гений места, взаимовлияние науки и искусства, национальные культуры, гуманитарная география

Для цитирования: Бабицкая О. П., Серенков Ю. С. Гений в интерьере национальной культуры // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 3 (43). С. 57–74. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.5

© Бабицкая О. П., Серенков Ю. С., 2022

Scientific and Journalistic

UDC 17.02/.03+7.011

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.5

A GENIUS IN THE INTERIOR OF NATIONAL CULTURE

Olga P. Babitskaya

Siberian State Industrial University,

ul. Kirova, 42, Novokuznetsk, Russia, 654057,

olya_olga_1910@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3143-6689>

Yuri S. Serenkov

Siberian State Industrial University,

ul. Kirova, 42, Novokuznetsk, Russia, 654057,

juriyy-serenkov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7677-8837>

Abstract. The article outlines a range of issues related to the dynamics of the conceptual transformation of creative talent, genius and, more broadly, the patterns of creativity and genius in the context of historical and national civilizational paradigms. Assuming the importance of the presence of so-called ambivalent geniuses in national cultures who realize their scientific and practical productivity in two or more activity spheres, the authors characterize the emerging cultural situation in a post-information/ post-consumer society, justifying the urgent need of social systems for the appearance of people who incorporate the genius of a scientist, an artist, a public figure etc. Based on the research of domestic and foreign scientists, the authors outline points that can become a reference in the perspective of reviewing the criteria of genius in the society of people whose personality formation occurred during the conditional period of the so-called generation Z. Without setting the task of identifying the national-geographical component of the genius-ambivalent, the authors, nevertheless, turn to the latest cultural history of Finland in search of a figure that meets the criterion of genius in the actual sense of the word. Analyzing the career of Erkki Kurenniemi as a physicist, art critic, composer, entrepreneur, thinker-philosopher, the authors show the genius of Kurenniemi as a characteristically Finnish cultural phenomenon. Relying on the provisions of the theory of regional cultural texts, humanitarian geography, the theory of national mentalities and the philosophy of deconstructivism, the authors come to the conclusion about the absolutization of the dependence between the stable development of the social system and the formation of new local brands, original products, determined, in turn, by the appearance and manifestation of genius — both at the regional and global levels.

Keywords: genius, genius loci, science to art cross-influence science, national cultures, humanitarian geography

For citation: Babitskaya, O. P., & Serenkov, Yu. S. (2022). A Genius in the interior of national culture. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (43), 57–74. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.43.3.5>

Введение

Креативность одиночки, воплощенная в схеме избавления от глобальной трудности, определяющей в научном открытии, шедевре, призванном изменить судьбы силою суггестивного воздействия на сознание, всегда была дефицитным, желанным и как дар явленным фактором устойчивого развития общества, как правило, на пороге очередного кризиса — даже в те времена, когда словосочетание *sustainable development* и не использовалось, и не наполнялось культурно-контекстными смыслами. Едва ли что-то в этом отношении поменялось и в третьем десятилетии XXI века — мы по-прежнему ждем гения, который придет и спасет мир.

С самого начала предыдущего XX века проблема креативности изучалась вкупе с другими темами и проблемами, например проблемой взаимодействия творческой личности с обществом, темой патологии творческого сознания. В первой трети XX века исследованием именно этих переходных проблем и тем занимался директор «Института гениального творчества» Г. В. Сегалин. Сфера его научных интересов напрямую касалась изучения специфики гениальности как проявления своего рода творческой «находки» вследствие психического «нарушения» [Сегалин, с. 65]. Ученый долгие годы посвятил изучению родословных великих людей. Принимая гениальность как данность, он пытался вникнуть в суть ее специфики, пытался понять, почему гениальны не все, а лишь избранные, в чем сущность, какова обратная сторона этого явления. Он считал, что одаренный человек должен быть правильно оценен и использован обществом [Каранфилова, с. 95].

Исследователи Д. Н. Замятин, А. Ю. Петухова, Г. В. Лютикова предложили новые научные интерпретации понятия «гений места». Опираясь на классические исследования (труды, трактаты) А. Е. Левинтова, И. И. Тучкова, К. Норберг-Шульц, а также научно оформляя идеи, высказанные в 80-е годы XX века в популярном культурологическом труде 80-х П. Вайля, Д. Н. Замятин концептуализировал ряд понятий так называемой гуманитарной географии, а Г. В. Лютикова предложила еще одно толкование выражения «гений места» — как «гениальное пространственное чутье и человек обладающий таким талантом» [Лютикова, с. 149].

Далее, зарубежные (английские и финские) исследователи Дж. Крыса, Дж. Парикка, В. Огнен, Дж. Суоминен, Т. Каллио, К. Лессфолк предметно изучая креативное наследие Эркки Куренниemi, пришли к выводам об особенностях онтологии и аксиологии гениальности в современном мире, пользуясь, по преимуществу, финским культурно-историческим материалом.

Работы Е. В. Каранфиловой непосредственно перекликаются с линией данного исследования; автор подошел вплотную к рассмотрению гения, реализовавшегося в двух (и более) областях, развивающихся в ответ на культурно-обусловленные потребности региона, этноса, нации.

Постановка проблемы

Представляет интерес возможность построения теории культурообусловленного гения, поиск исследовательских подходов в изучении гения в интерьере культуры, социальные и культурные истоки творческого потенциала личности, могущей реализовать себя одновременно в науке и искусстве. В качестве центральной фигуры, иллюстрирующей многосторонность культурообусловленного гения, взят Э. Куренниemi — финский футуролог, композитор, музыкант и музыкальный теоретик, ученый-физик, инженер-приборостроитель, программист, режиссер. Интересны как вопрос randomness/закономерности всего, вошедшего в эклектичный спектр творческого выбора Куренниemi, так и вопрос поиска способов/стратегий превращения идеи в артефакт.

Методология исследования

Несмотря на избранный нами научно-публицистический жанр, мы посчитали возможным опираться на положения ряда теорий и методологических разработок крупных ученых-гуманитариев. Так, при написании статьи мы опирались на теорию региональных культурных текстов (В. Н. Топоров); дисциплинарные положения гуманитарной географии (Д. Замятин), теорию национальных менталитетов (Космо-Психо-Логос Гачева), положения философии деконструктивизма (Делез, Гваттари).

Результаты исследования

А. Гений и креативность. Большинство ученых, исследующих феномен гениальности, придерживаются подхода слияния (confluence) (Cheng, p. 2). В рамках этого подхода креативность экстраординарного порядка, выходящая за предсказуемые в определенной области знания/деятельности пределы, рассматривается как способность поддаваться влиянию множества факторов и синтезировать новое, исходя из существующего, но особым, опосредованным способом. Помимо изучения элементов, конституирующих факторы, которые стимулируют креативность незаурядно способных, некоторые ученые сосредотачиваются на разноуровневом изучении креативности как таковой. Некоторые придерживаются дихотомической точки зрения (в толковом словаре Т. М. Ефремовой слово «дихотомия» определяется как последовательное разделение целого на две части, с дальнейшим делением каждой части еще на две и т. д.; разновидность классификации, при которой понятия, термины, множества разбиваются на пары соподчиненных элементов (подклассов, подмножеств и т. д.¹)

¹ Ефремова Т. М. Толковый словарь [Электронный ресурс] // Gufo.me — словари и энциклопедии. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 15.03.2022).

и концентрируются на изучении творчества на выдающемся уровне, таком как изучение творческих гениев и их работ, как, например, Саймонтон [Cheng, p. 1–2].

С декабря 2019 по январь 2020 год Министерством образования Тайваня был проведен индивидуальный опрос 11 экспертов образовательного движения STEAM, в рамках которого продвигался подход к преподаванию и обучению, который объединяет науку, технологии, инженерию, искусство и математику. Опрос касался как методологических воззрений, эстетических и научных убеждений, так и видения причин, влияющих на вероятность проявления гения и гениальности в национальных культурах и определяющих характеристик гения. Один участник в группе экспертов, прошедших квалификационный отбор (наличие степени доктора философии в сочетании с квалификацией искусствоведа, специализирующегося в области искусства новых медиа), высказал мнение об определяющей важности отсутствия повседневного благополучия как привычного стандарта, как фактора, стимулирующего неожиданность научного и эстетического видения, исключительную оригинальность креативной деятельности субъекта культуры: «У людей разные взгляды почти на все <...>, но лишь искусство предоставляет людям возможность выражать мысли и чувства уникальным образом» [Liu, p. 9]. Другие эксперты (трое из одиннадцати) представили идеи относительно определения креативности. Например, творчество — как важнейший компонент художественного образования — должно быть связано с тем, как учащиеся наблюдают за миром, исследуют его с помощью различных материалов, а затем демонстрируют свою оригинальность и т. д. Все эксперты, участвовавшие в исследовании, согласились с тем, что одной из необходимых составляющих творчества гения является новизна [Там же, p. 10].

Б. Гении вообще. Говоря о гении как человеке, повлиявшем на культурную, социальную, духовную среду условных сообществ (таких, например, как нация), следует сразу указать на значительность вклада в историю (условного сообщества либо всего человечества), который можно, не колеблясь, приписать индивиду, а не группе. Исторический масштаб перемен, произошедших под влиянием одного исключительно одаренного и работоспособного человека, переводит исследование гения в междисциплинарную перспективу. Действительно, история знает повороты, случившиеся благодаря оригинальным идеям и продуктам мысли гениев. Но это лишь объективная констатация эффекта гения, а не его сути. Суть гения скорее ментальна, чем исторична. И здесь на помощь приходят нейронаука и психология.

Первая связана с мозгом; изучая мозг, ученые вторгаются в невероятно сложную область. Исследуя функции мозга и множество взаимодействий между электрическими импульсами и химическими сигналами, ученые приходят к выводам о запредельной, «межгалактической» сложности организации работы мозга. Миллионы нейронов взаимодействуют в различных направлениях благодаря синапсам, которые имеют разную интенсивность и могут

образовываться либо исчезать благодаря эластичности нейронов. Сказать, что мозг шире неба, было бы метафорой, но не гиперболой. Говоря в культурологическом ключе, следует также помнить о том, что мозг — это измерение, в котором «наследственные функции генов встречаются с культурными традициями» [Жу, с. 94].

Далее, психология. В качестве характеристик гения можно рассматривать его когнитивные и аффективные качества. Именно на эти качества ссылаются авторы определений одаренности. Одаренность включает в себя характеристики креативности, особого таланта, высокого интеллекта, представленного главным образом механическими проявлениями. Гений объединяет креативность, эстетическую интуицию и интеллект. Интеллект латентен, поэтому определить его тем же образом либо исследовать его теми же способами, что и материальный феномен, было бы ошибкой. В разговорах об интеллекте одаренных людей даже встречается немало намеков на его сакральный характер. В научной же ретроспективе было создано немало теорий, касающихся типов интеллекта. Одна из них — триархическая теория интеллекта Роберта Стернберга. Также существует теория множественного интеллекта Говарда Гарднера. Например, теория Стернберга предлагает три различные формы интеллекта: аналитический, практический и творческий в контексте одаренности. В триархии Стернберга каждому из них дан равный статус, но каждый может меняться в конкретном индивидуальном случае. Аналитический интеллект задействован в анализе, оценке, суждении, сравнении, противопоставлении. Аналитический интеллект аналогичен традиционным представлениям об IQ; практический интеллект и творческий интеллект вряд ли можно представить, как нечто отвечающее пунктам стандартного теста. Практический интеллект относится к способностям, помогающим людям интерпретировать то, что они ищут в социальных, личных и профессиональных ситуациях, и разрабатывать успешные стратегии для достижения успеха в реальных ситуациях в условиях реального мира. Творческий интеллект предполагает поиск уникальных решений для решения конкретных проблем, уменьшения трудностей, обогащения опыта, а также преобразования условий окружающей среды в желаемые. В рамках концепции Стернберга интеллект может быть показан в любом из трех измерений [Duran, p. 173–174].

В начале XX века всесторонним изучением проблемы взаимодействия творческой личности с обществом, а также проблемой патологии творческого сознания занимался в России директор «Института гениального творчества» Г. В. Сегалин. Как уже было сказано выше, сфера его научных интересов напрямую касалась изучения специфики гениальности. Ученый использует термин «эвропатология», под которым «мы понимаем всякую патологию, которая связана и сопровождается (так или иначе) с творчеством и с творческой личностью, безразлично с какой: гений, талант, вундеркинд, обыкновенный человек, вдруг, ни с того, ни с сего, в приступе своего безумия творящий необычайное; точно так же безразлично, какого рода творчество: творчество ли

гения или таланта, или творчество душевнобольного, раз это творчество связывается с патологией. Мы выделяем такого рода творческую патологию в особую область — эвопатологию» [Сегалин, с. 66].

Г. В. Сегалин характеризовал также одаренные личности как «категории людей, которые по существу своему обладают антисоциальными, то есть резко индивидуальными свойствами (подчас не дающим им возможности приспособиться ни к каким экономически общественным условиям), а при подавлении этих индивидуальных особенностей не может быть общественно-полезного творчества, ибо в силу только этих аномальных или даже явно патологических особенностей, эти люди одарены, талантливы, гениальны и проявляют эту энергию одаренного творчества» [Сегалин, с. 65].

Но сегодня отношение общества к гениальным людям не только не изменилось, но и приобрело угрожающий характер. Проблема кроется в том, что для социального прогресса необходимо, чтобы талантливый человек был правильно оценен и использован, однако на практике мы видим к нему совершенно другое отношение. Ведь творческие личности — это чаще всего категория людей, которые обладают антисоциальными свойствами, которые не дают им возможности приспособиться к общественно-экономическим условиям. Очень часто сознательное нежелание автора следовать каким-то правилам, делает продукт творчества гениальным.

Гений обладает не только природными предпосылками творчества, но и способен видеть то, что еще только зарождается в социальной и духовной жизни общества, это выдающаяся личность, которая может выйти за пределы интересов своей социальной группы или класса, а в ряде случаев — и противопоставить им себя и свою деятельность [Каранфилова, с. 96].

В. Гений в более современном понимании. Расхожим публицистическим клише является утверждение о том, что гений бывает не сразу понят и признан современниками (в отличие от таланта — талант распознается, признается, поощряется). Непризнанный гений — почти синоним личной драмы, либо человеческой трагедии. Можно привести в качестве примера французского художника Ж. Дюбюффе. Он является выдающимся представителем art-brut, который разработал концепцию чистого искусства. Однако при жизни он не был признан у себя на родине. Признание пришло только после его смерти.

Гению тем не менее свойственна убежденность в правоте своего дела, гений способен преодолеть трагические коллизии, все это мы видим на примере жизни Ж. Дюбюффе. Он был вынужден покинуть родные места, чтобы заниматься любимым делом. Только благодаря делу он чувствовал себя живым человеком. Именно поэтому гений — исключительная личность [Бабицкая, с. 27].

Раньше (в исследованиях периода 1910–2010 годов (Жу, Сегалин, Галинская, Оянен) считалось, что только положительные эмоции подпитывают творчество и что счастливый писатель с большей вероятностью будет креативным. Но новые исследования показывают, что на творчество влияет интенсивность эмоции, а не ее позитивность или негативность. Исследования более позднего

времени — Е. В. Каранфиловой, К. Райта, В. Дюрана, Л. Ченга, М. Ванга, Ю. Чена (Wright) — показывают, что эмоциональные состояния низкой интенсивности способствуют улучшению мыслительной деятельности мозга, а состояния высокой интенсивности ухудшают наши когнитивные способности. Иначе говоря, легкая нервозность или радость лучше способствуют творчеству, чем ужас или экстаз. Положительные и отрицательные эмоции влияют на нашу креативность одинаково [Виллайнс, URL]. Но как же цивилизационная пассионарность, как же национальный темперамент — понятия, стоящие у истоков культурологии как академической дисциплины и, неизбежно, соотносимые, с биографиями многих выдающихся людей? Как насчет «русского гения», «британского гения», «германского гения» и подобных клише, которые износились в процессе многовековой эксплуатации и потому частично либо полностью утратили свой исходный смысл?

Г. Гений места. Вспомним и о «гении места» — речь как о публицистическом телепроекте «Гений места» культуролога П. Вайля (2005), так и, шире, об исследовательском видении феномена. Гений места — это, в одной из интерпретаций, художник или творец, чья жизнь (биография), работа и/или произведения связаны с определенным местом (домом, усадьбой, поселением, деревней, городом, ландшафтом, местностью) и могут служить существенной частью образа места, или *географического образа*. Понятие «творец» в данном случае может толковаться расширительно и включать в себя образы властителей, политиков, ученых, философов и любых других деятелей различных сфер жизни общества, оказавших существенное влияние на формирование образа места. Понятие «гений места» активно используется в искусствоведении, культурологии, литературоведении, истории, юнговском психоанализе (глубинной психологии), архитектуре, гуманитарной географии, имажинальной географии, мифогеографии, публицистике и эссеистике [Замятин, с. 154–155].

Исследователь Г. В. Лютикова предлагает еще одно толкование выражения «гений места» — гениальное пространственное чутье и человек, обладающий таким талантом [Лютикова, с. 149].

К. Норберг-Шульц, норвежский архитектор, историк и теоретик архитектуры в книге «Локусы гениев: к феминологии архитектуры» использует три ключевых слова, чтобы обобщить результаты своего исследования «места». Это ключевые слова — смысл, идентичность и историчность. По мнению ученого, понятие «место» применительно к городу Медан формируется благодаря смешению культур, которые основаны на потребности в равно интенсивной экономической активности представителей разных этносов, проживающих там [Siregar, p. 1].

Феномен идентичности исследуется с XX века учеными различных гуманитарных областей, включающих психологию, философию, историю, социологию, культурологию и т. д. Современное понимание требует изучения феномена как единого целого, но с учетом особенностей отдельно взятых аспектов. Составляющие идентичности, находясь между собой в тесной иерархичной связи, характеризуются сопричастностью личности определенным областям

культуры. В данном процессе проявляется приобщение человека к основным достижениям региональной, национальной и мировой культуры общества. Это реализуется через трансляцию индивидууму стержневых концептов культуры, формирующих ценности и нормы определенного социума в конкретный период его развития и выражающихся в языке, религии, истории народа, его культурных героях (в том числе местных и общечтимых святых), традициях и т. д. Через них передается определенный культурный код, представляющий собой информацию для потомков, накапливаемую поколениями для построения уникального будущего, отличающего один народ от другого. Информация эта закодирована, что также служит задачам идентификации, позволяя отличать представителей разных культур друг от друга. С культурными кодами также связан комплекс стереотипов, опирающихся на коллективное бессознательное. Распространяемая информация может быть достаточно сложна, для того чтобы воспринимать ее непосредственно и сразу, но может проявляться в поступках и поведенческих реакциях [Voroshin, с. 143].

Сохранение культуры местной мудрости (the culture of local wisdom) является одним из усилий, предпринимаемых для поддержания существования общества, чтобы оно не было лишено своих собственных культурных корней в соответствии с нынешней глобализацией и модернизацией. Есть опасения, что темпы глобализации и модернизации приведут к разрушению местной культуры, которая долгое время росла и развивалась в жизни местных жителей [Hasbi, p. 1416].

Мудрость в контексте традиционной культуры этнических групп может трактоваться и как гений места. Такой гений места охватывает общественные нормы и ценности, а также идеи, влияющие на качество жизни в эпоху модернизации. Гений места в данной концепции включает в себя как формы деятельности, так и культурные артефакты. Гений места здесь — это знание в философском его понимании, практики и артефакты, сопряженные с нобилитетом, обычаи этноса, его жизненная философия [Петухова, с. 273].

Гений места необходим для отбора и обработки внешних культурных и/или глобализационных влияний. Как выражение местной жизни, гений места может быть и ядром культурной жизни народа. Потеря духовных и символических смыслов может ослабить народ не только духовно, но и эмоционально. Интеллектуальная культура также определяется уникальностью региона — идет ли речь о идее *per se*, либо идее, воплощенной в практиках, в артефактах. Знания в определенной исторически развиваемой отрасли, материальная культура, обусловленная климатом, ландшафтом и т. д., — вот что помогает определиться гению места [Parameswara, p. 1553]. Те, чьи творчества и биографии воплощают гений места, невероятно плодотворны, гиперактивны (если адаптировать к нашим нуждам термин из области медицины), способны к самостоятельной и единоличной реализации частей триады «аналитика — синтез — практика», обычно разрабатываемых разными людьми, за рекордно короткое время [Marcov, p. 818].

Д. Куренниemi. Развитие творчества в ХХI веке принципиально отличается от художественно-интеллектуального процесса других эпох: старая парадигма личности претерпевает кризис, а творчество впервые в истории не предлагает новой актуальной концепции мира и личности. Современному творчеству присущи коллажность, ассоциативность, аллюзивность, эклектизм, утрата высоких идеалов и соединение несовместимого и утверждение надличностных целей человеческого существования.

Один из самых ярких авторов в сегодняшнем художественном ландшафте, американский художник Джефф Кунс, обращается к массовому сознанию, смешивая понятия «высокого» и «низкого», классики и китча в своей серии *Antiquity* [Getashvili, p. 18]. Можно привести и другой пример: итальянский художник Микеланджело Пистолетто повернул спиной к зрителю белоснежную фигуру безрукой Венеры и обратил ее к куче пестрого тряпичного «мусора». Исследовательница современного искусства К. Христов-Бакарджиева видит в комбинации классической статуи с пестрой грудой тряпок серию оппозиций: твердое/мягкое, сформированное/несформированное, монохромное/цветное, фиксированное/подвижное, драгоценное/игнорируемое, историческое/современное, уникальное/обычное и культурное [Getashvili, p. 16].

Отметим, что и «классическая» музыка также сильно изменилась за последние десятилетия. Времена, когда «схема высокой культуры» была обязательной для социальной среды, прошли уже несколько десятилетий назад. Что касается поп-музыки, то она все чаще поднимается до уровня актуальной и признанной обществом формы культуры и претендует на то, чтобы ее воспринимали как искусство. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации, такие как книга Д. Дидерихсена о поп-музыке, в которой она обсуждается на интеллектуальном уровне с той же серьезностью, что и классическая музыка, например опера [Grotjahn, p. 380].

Обозначенные выше тренды стимулирует плюралистичный характер некоторых индивидуальных творчеств, реализуемых на наших глазах. Поэтому важной практической задачей для современного общества является проблема правильного использования творческих ресурсов людей, которые не укладываются в привычные шаблоны и стандарты, понимание особого дара этих людей, помощь в поиске путей применения их творчества в практическом измерении [Каранфилова, с. 95]. Но сейчас вопрос в ином: каким образом современное творчество с его уникально иными — постнеклассическими — установками может вписываться в пространство между наукой и искусством, чтобы и приносить пользу, и вместе с тем идти за пределы утилитаристского взгляда на все, которым грешит отечественная современность?

Исследователи в области теории культуры Л. Колуччи-Грей и П. Бернард, отметили, что современная перспектива отношений между наукой и искусством может и должна выходить за рамки ограничений парадигмы, ориентированной на человека [Liu, p. 8]. Убедительным комментарием к этому замечанию может служить жизнь, творчество и философия Эрки Куренниemi. Тем же

образом, что жителей, соответственно, XIX и XX века Марка Твена и Луи Армстронга можно считать проявлением американского ренессансного гения, как и регионального гения Миссисипи, так как у Америки не случилось и исторически не могло случиться Возрождения в соответствующую европейскую эпоху, Эрkki Куренниemi мог бы претендовать на звание финского ренессансного гения, как и быть иллюстрацией гения места современной столицы финнов Хельсинки. С такой пометкой — да простят нам дерзость историки, искусствоведы, геополитики и другие серьезные исследователи — финский Ренессанс случился в переходную пору смены тысячелетий, не раньше, и сейчас мы, возможно, переживаем его Высокий период. Да, рубеж тысячелетий стал порой открытия историками и философами науки, искусствоведами, культурологами финна Эрkki Куренниemi (1941–2017). Считаясь отцом финской электронной музыки, Куренниemi тем не менее смог реализовать свой многогранный дар во многих других областях: он создал уникальные микропроцессоры, системы автоматизации, робототехнику, электронные музыкальные инструменты с цифровыми интерфейсами управления — и это в 60–70-е годы прошлого века; он участвовал в смелых художественных проектах, стал автором трактатов по философии искусства, предложив новую, по сути, модель художественного сознания. Этим список не исчерпывается.

Началось все с того, что в 1960-е годы Куренниemi создал электронную студию при факультете музыковедения Хельсинкского университета, первый хеппенинг с американским авангардистом Терри Райли в Финляндии. Затем сотрудничал с представителем финского музыкального андеграунда М. Нумминеном, сочинял музыку для короткометражных фильмов. В 1970-е годы Куренниemi возглавил компанию Digelius Electronics, которая занималась производством, начиная от автоматики для молочной промышленности и заканчивая первыми в мире цифровыми музыкальными инструментами. В то же время Куренниemi был сосредоточен на разработке электронных музыкальных инструментов, называвшихся DIMI-S. Их предназначением было создание минималистских звуковых ландшафтов при помощи input-сигналов различного происхождения — инструмент имел в том числе «визуальные» и «биологические» входы. В звук превращались движения танцора, движения группы актеров в постановке пьесы Сэмюэла Беккета «Акт без слов II», мимика одного актера. Использовалась и живая электрическая цепь, состоящая из четырех человек, которые образовывали импровизированные пластические композиции [Hollingshaus, p. 68].

Эволюцию конструкций приборов Куренниemi можно рассматривать как логичный и постепенный переход от аналоговой к «квазицифровой» и цифровой электронике. В своих электронных разработках Куренниemi больше интересовался программируемостью, чем звуковой гибкостью или разработкой новых методов синтеза. В частности, Куренниemi не реализовал чисто цифровую систему синтеза звука ни в одном из своих ранних инструментов или инструментов DIMI. Однако на дизайн его пользовательского интерфейса большое влияние оказала цифровая логика.

Несмотря на их нетрадиционный пользовательский интерфейс, во многих инструментах есть что-то привлекательное и завораживающее. В частности, компактные размеры и строгий, но визуально сбалансированный пользовательский интерфейс DIMI-A сделали его классикой и приобрели статус произведения искусства. Оптический интерфейс DIMI-O и интерфейс DIMI-S сами по себе принесли Куренниemi репутацию эксцентричного художника и ученого. (В некоторых аспектах DIMI-S и DIMI-O напоминают нам электронные инструменты Льва Сергеевича (Леона) Термена.)

Видения Куренниemi часто выходили за рамки того, что можно было реализовать с помощью современных технологий или что было финансово реалистично в то время. Тем не менее он преуспел в качестве дизайнера инструментов, создав в общей сложности 9 различных музыкальных устройств в период с 1968 по 1973 год. С тех пор как маркетинговые попытки для инструментов DIMI потерпели неудачу, его инструменты оставались довольно неизвестными вплоть до конца 1990-х годов, когда финская электронная музыкальная сцена приняла его как своего Предтечу и крестного отца. В результате Куренниemi был отмечен как почетный гость и признанный художник международного фестиваля медиаискусства Avanto 2002 года в Хельсинки.

Большинство инструментов Куренниemi сохранилось до наших дней, и многие из них все еще находятся в рабочем состоянии. Основные инструменты в Финляндии хранятся и иногда используются в студии электронной музыки на факультете музыковедения Хельсинкского университета [Ojanen, p. 90].

Заметим, что в середине 70-х годов на научном горизонте появилась так называемая лазерная голография. Это феноменальное технологическое достижение науки дало эстетикам пищу для дальнейших серьезных размышлений о будущем искусства, ибо художники все чаще стараются приспособливать свои эстетические задачи к достижениям науки. Но ведь художники, как правило, используют технические новинки не ради создания новых изобразительно-выразительных средств и не ради каких-то новых эстетических возможностей. Зачастую они интуитивно тяготеют к новизне ради новизны, что, по словам Прессера, «делает успешное создание новых методов визуального изображения не правилом, а исключением» [Галинская, с. 56].

Но вернемся к Куренниemi, хотя и не все его эксперименты в технонауке были в равной степени художественными экспериментами; и не все его художественные эксперименты были в равной степени и технаучными, но его творчество ясно свидетельствует о стремлении исследовать взаимосвязь между областями науки и искусства. Это подтверждается философскими трудами Куренниemi. Если поинтересоваться одним из самых известных эссе Э. Куренниemi «Сообщение — это массаж», а также неопубликованным трактатом «Интегрированное компьютерное искусство», можно увидеть примеры размышления о взаимосвязи науки и искусства. В «Интегрированном компьютерном искусстве» Куренниemi описывает этапы деятельности ученого-творца, на которых исчезают различия между искусством, компьютерами и людьми.

Во-первых, существующие формы искусства начинают использовать компьютеры для расширения своих возможностей. Это приводит к появлению новых форм искусства, которые со временем сливаются во всеобъемлющее и чистое компьютерное искусство. Далее он утверждает, что по мере того как компьютеры становятся более похожими на людей, люди также становятся более похожими на компьютеры, вплоть до того, что человек и компьютер в конечном итоге объединяются. Логическим следствием всего этого является то, что искусство, компьютеры и люди входят в новое объединенное целое. Грядущая неразрывность между искусством, компьютерами и людьми — центральная тема в творчестве Куренниemi [Hollingshaus, p. 65]. Несмотря на смелые эксперименты и внушительный вклад в развитие техники и музыки, Куренниemi остается известен только сравнительно узкому кругу искусствоведов, любителей электронного авангарда. Исключением является Финляндия, где наследие Эрки — это предмет национальной гордости. В 2003 году Куренниemi получил премию от министерства образования и культуры своей страны. В 2004 году физика и композитора сделали почетным членом Университета искусства и дизайна в Хельсинки, в 2011 году президент Финляндии Тарья Халонен наградила Куренниemi орденом Льва Финляндии.

Куренниemi считают также одним из пионеров цифрового искусства, музыковеды отмечают его талант как композитора-авангардиста и высоко ценят его передовые эксперименты в создании электронной музыки. Искусствовед С. Рейнолдс в своей книге «Ретромания: привязанность поп-культуры к собственному прошлому» дал интересную оценку личности Куренниemi, назвав его гибридом Карла-Хайнца Штокхаузена, Бакминстера Фуллера и Стива Джобса². А авторы Дж. Крыса и Дж. Парикка рассматривают Куренниemi в качестве показательной иллюстрации того, как искусство менялось после Второй мировой войны, пересекая многочисленные дисциплинарные границы в движении «от эстетического до научного и технического» [Krysa].

В последние 10 лет жизни вклад Куренниemi в культуру, науку, развитие музыкального синтеза, цифровых интерфейсов и промышленной автоматизации было высоко оценено в Северной Европе. В ряде столиц прошла серия выставок, посвященных Эрки и его наследию.

Одной из амбициозных идей изобретателя является цифровая реконструкция собственного сознания по материалам подробного личного архива. В соответствии с прогнозами ученого достаточные вычислительные мощности для подобного будут достигнуты в 2048 году. Как свидетельствуют Ларс Банг Ларсен (исследователь, искусствовед), Джефф Кокс (музыкант, медийная личность), Николас Малева (художник, программист) и Майкл Мурто (актер), «2048» хорошо согласуется с траекторией художественного развития, которую наметил Куренниemi. В своем эссе «Нехудожник от “человека-машины”

² Чивле А. Эрки Куренниemi — человек из 2048 года [Электронный ресурс] // Arterritory. Арт-территория: портал об искусстве и культуре стран Балтии. URL: https://artterritory.com/ru/vizualnoe_iskusstvo/sut_dnja_qa/9038-erkki_kurenniemi_-_celovek_iz_2048_goda (дата обращения: 20.12.2021).

до алгоритмической загробной жизни: картезианская кибернетика и ее эстетическое воплощение в Эрkki Куренниemi» Л. Барс Ларсен признает, что в то время как Куренниemi действительно занимался созданием произведений искусства, фрагментация и «чувство незавершенности», которые «пронизывают все, к чему прикасался Куренниemi в своей трудовой жизни, превратили Куренниemi в “раздробленное целое” и сделали его жизнь произведением искусства» [Hollingshaus, p. 63].

Заключение

Спрос на гениев и гениальность лишь повысился в условиях трансформаций и кризисов, неизбежных в постинформационную и постпотребительскую эпоху. Критерии гениальности стали строже в целом, не утратив определенной размытости. Зависимость стабильного развития и роста продуктивности социальной системы в рамках национальных культур от гения места, открывающего путь новым локальным брендам и гениальности индивида, репрезентируемой новыми оригинальными и уникальными продуктами, становится абсолютной.

Список источников

1. Бабицкая О. П., Серенков Ю. С. К вопросу о науке как части культуры и науке как культуре в собственном смысле слова // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 5 А. С. 21–29.
2. Виллаинс З. Креативность на перепутье. Как амбивалентность освобождает ваш разум // Наша психология. 2019. URL: <https://www.psyh.ru/kreativnost-na-perepute-kak-ambivalentnost-osvobozhdaet-vash-razum>
3. Галинская И. Л. Наука и художественное творчество. Суггестивная сила искусства // Человек, образ и сущность. 2001. № 1 (12). С. 48–62.
4. Жу Д. Мозг: наука и искусство // Природа. 2010. № 7. С. 93–96.
5. Замятин Д. Н. Гений и место: ускользающая со-в-местность // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 154–165.
6. Каранфилова Е. В. Амбивалентные характеристики гениальности в философском осмыслении // Грані. 2017. Т 20. № 2 (142). С. 92–96.
7. Лютикова Г. В. Гений-место-гений места (к постановке проблемы) // География и туризм. 2018. № 1. С. 143–149.
8. Петухова А. Ю. Образ дома и образ города в книге П. Вайля «Гений места» (к вопросу о художественном хронотопе // Научный потенциал: работы молодых ученых. Дальневосточный федеральный университет. 2013. № 2. С. 272–275.
9. Сегалин Г. В. Основные задачи эврико-патологии, как учения о патологии гениальности и патологии творчества // Уральский врач. 1922. № 3. С. 62–67.
10. Сегалин Г. В. Патогенез и биогенез великих и замечательных людей // Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии). 1925. Т. 1. Вып. 1. 273 с.

11. Cheng L., Wang M., Chen Y., Niu W., Hong M., Zhu Y. Design My Music Instrument: A Project-Based Science, Technology, Engineering, Arts, and Mathematics Program on The Development of Creativity // *Frontiers in Psychology*. January 2022. Vol. 12. Article 763948. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.763948
12. Duran V., Ersanli E. Psychological traits of geniuses and its implications for curriculums for «gifted individuals». Antalya. ILTERG Conference Proceeding, 2019, April 8–10 / Liu Ch., Wu Ch. STEM without art: A ship without a sail // *Thinking Skills and Creativity*. 2021. November 23. P. 1–12.
13. Getashvili N. «Eternal Images» of Antiquity: Functional Analysis in the Scope of the Late 20-th – Early 21-st Centuries Visual Culture // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022. № 15 (1). P. 9–22. DOI: 10.17516/1997-1370-0873
14. Grotjahn R., Iffland J. Digitale Musikedition und die Wissenschaft der Popularen Musik. Center of Musik Edition. Paderborn. January 2018 // *Musikforschung*. № 71 (4). P. 379–303. DOI: 10.52412/mf2018.H4.296
15. Hasbi A., Ratih C. Preservation of Local Genius Culture as Efforts to Maintain Nation Existence // *International Journal of Recent Technology and Engineering*. 2019. Vol. 7. Issue 6S5, April. P. 1416–1422.
16. Hollingshaus W. A. Literary (Techno) science. The Silent Speech of Erkki Kuren-
niemi's 2048 Performance // *Nordic Theatre Studies*. 2019. Vol. 31. № 1. P. 58–72.
17. Krysa J., Parikka J. Writing and Unwriting (Media) Art History: Erkki Kurenniemi in 2048. The MIT Press, Cambridge MAS, London, 2015. 340 p.
18. Marcov B., Yarochkin D. Music Against the Challenges of Digital Society // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2021. № 14 (6). P. 810–821. DOI: 10.17516/1997–1370–0762
19. Ojanen M., Suominen J., Kallio T., Lassfolk K. Design Principles and User Inter-
faces of Erkki Kurenniemi's Electronic Musical Instruments of the 1960's and 1970's // *Proceedings of the 2007 Conference on New Interfaces for Musical Expression (NIME07)*. New York, 2007. P. 88–93.
20. Liu Ch., Wu Ch. STEM without art: A ship without a sail / *Thinking Skills and Creativity*. 23 November. 1–12. Parameswara, A., Saskara I., Utama, M., Setyari, N. The Role of Place Identity, Local Genius, Orange Economy and Cultural Policies for Sustainability of Intangible Cultural Heritage in Bali // *International Journal of Sustainable Development and Planning*. 2021. Vol. 16. № 8, December. P. 1551–1561.
21. Siregar H., Natalivan P., Ekomadyo A. Cultural Assemblage as Genius Loci: Cha-
racter Analysis of Medan City Center District. SHS Web of Conferences 41.04011 (2018). DOI: 10.1051/shs.conf20184104011
22. Voroshin S. Reflection of the Spiritual World of Nikita Grigorievich Stroganov in Church Art // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022. № 15 (1). P. 141–152. DOI: 10.17516/1997-1370-0884
23. Wright Ch. The nature of Genius, City University of New York. 2020. January 21. URL: https://www.researchgate.net/publication/338711020_The_Nature_of_Genius?enrichId=rgreq-d112769b1b5fdf32474450d11fd591d4-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdlOzMzODcxMTAyMDtBUzo4NDk2NjE4MTIyODU0NDBAMTU3OTU4NjU3MDUzNg%3D%3D&el=1_x_2&_esc=publicationCoverPdf

References

1. Babickaya, O. P., & Serenkov, Yu. S. (2018). К вопросу о науке как части культуры и науке как культуре в собственном смысле слова [On the question of science as part of culture and science as culture in the proper sense of the word]. *Culture and Civilization*, 8 (5 A), 21–29. (In Russian).
2. Cheng, L., Wang, M., Chen, Y., Niu, W., Hong, M., & Zhu, Y. (2022). Design My Music Instrument: A Project-Based Science, Technology, Engineering, Arts, and Mathematics Program on The Development of Creativity. *Frontiers in Psychology*. January, 12, article 763948. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.763948
3. Duran, V., & Ersanli, E. (2021). Psychological traits of geniuses and its implications for curriculums for «gifted individuals». Antalya. ILTERG Conference Proceeding, 2019, April 8–10 In Liu, Ch., & Wu, Ch. STEM without art: A ship without a sail. *Thinking Skills and Creativity*, November 23, 1–12.
4. Galinskaya, I. L. (2001). Nauka i hudozhestvennoe tvorchestvo. Suggestivnaya sila iskusstva [Science and artistic creativity. The suggestive power of art]. *Man, image and essence*, 1 (12), 48–62. [in Russian].
5. Getashvili, N. (2022). «Eternal Images» of Antiquity: Functional Analysis in the Scope of the Late 20-th – Early 21-st Centuries Visual Culture. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, № 15 (1), 9–22. DOI: 10.17516/1997-1370-0873
6. Grotjahn, R., & Iffland, J. (2018). Digitale Musikedition und die Wissenschaft der Popularen Musik. Center of Musik Edition. Pandeborn. January 2018. *Musikforschung*, 71 (4), 379–303. DOI: 10.52412/mf2018.H4.296
7. Hasbi, A., & Ratih, C. (2019). Preservation of Local Genius Culture as Efforts to Maintain Nation Existence. *International Journal of Recent Technology and Engineering*, 7, issue 6S5, April, 1416–1422.
8. Hollingshaus, W. A. (2019). Literary (Techno) science. The Silent Speech of Erkki Kurenniemi's 2048 Performance. *Nordic Theatre Studies*, 31, 1, 58–72.
9. Karanfilova, E. V. (2017). Ambivalentny'e harakteristiki genial'nosti v filosofskom osmy'slenii [Ambivalent characteristics of genius in philosophical comprehension]. *Science-theoretical almanac "Grani"*, 20, 2 (142), 92–96. [in Russian].
10. Krysa, J., & Parikka J. (2015). *Writing and Unwriting (Media) Art History: Erkki Kurenniemi in 2048*. The MIT Press, Cambridge MAS, London. 340 p.
11. Liu, Ch., & Wu, Ch. (2021). STEM without art: A ship without a sail / Thinking Skills and Creativity. 23 November. 1–12. Parameswara, A., Saskara I., Utama, M., Setyari, N. The Role of Place Identity, Local Genius, Orange Economy and Cultural Policies for Sustainability of Intangible Cultural Heritage in Bali. *International Journal of Sustainable Development and Planning*, 16, 8, December, 1551–1561.
12. Lyutikova, G. V. (2018). Genij-mesto-genij mesta (k postanovke problemy) [Genius-place-genius of place (to the formulation of the problem)]. *Geography and tourism*, (1), 143–149. [in Russian].
13. Marcov, B., & Yarochkin, D. (2021). Music Against the Challenges of Digital Society. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 14 (6), 810–821. DOI: 10.17516/1997–1370–0762
14. Ojanen, M., Suominen, J., Kallio, T., & Lassfolk, K. (2007). Design Principles and User Interfaces of Erkki Kurenniemi's Electronic Musical Instruments of the 1960's

and 1970's. *Proceedings of the 2007 Conference on New Interfaces for Musical Expression (NIME07)* (pp. 88–93). New York.

15. Petuhova, A. Yu. (2013). *Obraz doma i obraz goroda v knige P. Vajlya «Genij mesta» (k voprosu o hudozhestvennom hronotope)* [The image of the house and the image of the city in P. Weil's book "The Genius of the Place" (on the question of the artistic chronotope)]. *Scientific potential: works of young scientists. Far Eastern Federal University*, (2), 272–275. (In Russian).

16. Segalin, G. V. (1922). *Osnovny'e zadachi e'vriko-patologii, kak ucheniya o patologii genial'nosti i patologii tvorchestva*. [The main tasks of eureka-pathology, as the doctrine of the pathology of genius and the pathology of creativity]. *Ural doctor*, (3), 62–67. (In Russian).

17. Segalin, G. V. (1925). *Patogenez i biogenez velikih i zamechatel'ny'h lyudej* [Pathogenesis and biogenesis of great and remarkable people]. *Clinical Archive of Genius and giftedness (Evropathology)*, 1, 1, 273. (In Russian).

18. Siregar, H., Natalivan, P., & Ekomadyo, A. (2018). Cultural Assemblage as Genius Loci: Character Analysis of Medan City Center District. *SHS Web of Conferences* 41.04011 (2018). DOI: 10.1051/shs.conf20184104011

19. Villajns, Z. (2019). *Kreativnost' na pereput'e. Kak ambivalentnost' osvobozhdaet vash razum* [Creativity is at a crossroads. How Ambivalence Frees Your Mind]. *Our Psychology*. (In Russian). Retrived from <https://www.psych.ru/kreativnost-na-perepute-kak-ambivalentnost-osvobozhdaet-vash-razum>

20. Voroshin, S. (2022). Reflection of the Spiritual World of Nikita Grigorievich Stroganov in Church Art. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15 (1), 141–152. DOI: 10.17516/1997-1370-0884

21. Wright Ch. (2020). The nature of Genius, City University of New York. 2020. January 21. Retrived from https://www.researchgate.net/publication/338711020_The_Nature_of_Genius?enrichId=rgreq-d112769b1b5fdf32474450d11fd591d4-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdlOzMzODcxMTAyMDtBUzo4NDk2NjE4MTIyODU0NDBAMTU3OTU4NjU3MDUzNg%3D%3D&el=1_x_2&_esc=publicationCoverPdf

22. Zamyatin, D. N. (2013). *Genij i mesto: uskol'zayushchaya so-v-mestnost'*. [Genius and place: an elusive co-locality]. *Social Sciences and modernity*, (5), 154–165. (In Russian).

23. Zhu, D. (2010). *Mozg: nauka i iskusstvo* [Brain: Science and art]. *Nature*, (7), 93–96. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Бабицкая Ольга Петровна — старший преподаватель кафедры филологии, Сибирский государственный индустриальный университет.

ул. Кирова, 42, Новокузнецк, Россия, 654057,

olya_olga_1910@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3143-6689>

Babitskaya Olga Petrovna — Senior lecturer of the Department of Philology, Siberian State Industrial University.

42 Kirova str., Novokuznetsk, Russia, 654057,

olya_olga_1910@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3143-6689>

Серенков Юрий Сергеевич — доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой филологии, Сибирский государственный индустриальный университет.

ул. Кирова, 42, Новокузнецк, Россия, 654057,

juriy-serenkov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7677-8837>

Serenkov Yuriy Sergeevich — Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Department of Philology, Siberian State Industrial University.

42 Kirova str., Novokuznetsk, Russia, 654057,

juriy-serenkov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7677-8837>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Дорогой Виктор Васильевич!

Примите наши искренние поздравления с юбилеем!

Вы сыграли огромную роль в создании научного коллектива нашего университета, воспитали многих профессиональных исследователей и преподавателей.

В день юбилея от всей души желаем Вам творческого долголетия, вдохновения, благополучия, счастья и любви!

Виктор Васильевич — один из организаторов Всероссийского конкурса «Учитель года». Ниже мы публикуем его статью, посвященную вопросам реформирования и развития современного социально-гуманитарного образования.

УДК 37.01

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.6

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК НОВАЯ РАМКА ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ, МЕНЯЮЩАЯ И УСЛОВИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

В. В. Рябов

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226,
RyabovVV@mgsu.ru

¹ Общие тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного образования в российской школе: монография / В. В. Рябов [и др.]; науч. ред. И. М. Реморенко, В. В. Рябов. М.: МГПУ, 2017. 136 с.

UDC 37.01

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.6

**EDUCATIONAL SPACE AS A NEW FRAMEWORK
OF PROBLEMATIZATION, WHICH ALSO CHANGES
THE CONDITIONS FOR REFORMING SOCIAL
AND HUMANITARIAN EDUCATION**

Victor V. Ryabov

Moscow City University,

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj pr., 4, Moscow, Russia, 129226,

RyabovVV@mgpu.ru

В заметной степени новые представления о том, как ориентироваться в проблемах обновления в сфере образования, сегодня сконцентрировались в понятии «образовательное пространство». Не только гуманитарии пользуются для конкретизации отдельных элементов концептосферы пространственными метафорами. Примечательно, что и политики любят говорить о всякого рода дорожных картах и на редкой дискуссии сегодня не звучит вопрос: «Где мы находимся?». Это не только дань модному дискурсу, но и действительно эффективный способ компактного представления сложных объектов. Несомненно, эта тенденция связана с технологизацией и компьютеризацией, затрагивающей стиль мышления в различных сферах деятельности, доминирование визуальных моделей и ментальных карт как привычного рабочего инструмента. Можно сказать, что в общем смысле распространение понятия «образовательное пространство» символизирует отход от линейного (пусть и диалектически спирального, как мы привыкли ранее) представления о нормальном пути развития к принятию полифонической вариативности и широкого спектра, если даже не в чем-то равноценных, то, по крайней мере, равно имеющих право на существование решений и моделей в области образования... Прежде всего, возникает необходимость более четко развести два понятия: «среда воспитания и обучения» и «образовательное пространство»... Без этого терминологического уточнения трудно оперировать этими новыми понятиями, содержание которых в известной степени оказываются пересекающимися. Первое понятие является более частным, например говорят о семье или коллективе как о конкретной среде воспитания и обучения личности. Однако этот частный терминологический вопрос невозможно решить без ориентации в системе образования, понимаемой как более широкое образовательное пространство. В самом общем смысле образовательная среда понимается как специфическое пространство, в котором осуществляется преобразующая деятельность, направленная на совершенствование условий, в которых создаются возможности для решения как задач жизнедеятельности людей, так и задач познавательных. Вместе с тем образовательной средой не ограничивается то пространство или те виды социальных пространств,

в которых происходит развитие отдельной личности. На развитие последней накладывает свой существенный отпечаток и социокультурная среда, которая понимается как сложная структура всего комплекса условий, в которых протекает деятельность человека, в том числе и развитие личности. Однако и эта среда преобразуется человеком. Взаимоотношения человека и среды рассматриваются в рамках различных научных дисциплин. Таким образом, образовательная среда как подсистема социокультурной среды оказывается включенной во все эти взаимоотношения. Сегодня все чаще говорят о несовпадении понятий «образовательная среда» и «среда обучения». Понятно, что и прежде ребенок учился не только в школе. Например, об истории авиации или физических опытах он мог прочитать в книге, а полезные навыки рыбной ловли он получал обычно от старших, а не от учителя зоологии. Однако сегодня рамки обучения заметно расширились. «Среда воспитания, — как пишет Валентина Сергеевна Безрукова, доктор педагогических наук, профессор Института специальной педагогики и психологии им. Р. Валленберга, — это совокупность внешних по отношению к человеку факторов, посредством чего он воспитывается и развивается...». Факторы среды оказывают определяющее влияние на ресурсы и механизм их актуализации в процессе развития личности, детерминируют формирование ценностных установок. Новый подход к образованию учитывает роль средовых факторов при построении различных концепций и практик с учетом особенностей этнической культуры, мировоззренческих и духовных принципов их родителей... Речь идет об уникальном опыте России, который признан во многих странах, — опыте организации системы дополнительного образования детей. Целью развития этого сектора образования всегда было и остается раскрытие творческого потенциала подрастающего поколения... Сегодня ставится задача переориентировать системы территориального планирования в целом на учет интересов детей, подростков и молодежи, создать образовательную и развивающую среду, найти новые формы пространств для проявления творческой активности, клубной деятельности». Образовательное пространство в конечном счете реализуется в пространстве физическом. В России в этой области имеются интересные и успешные проекты. В одной из реализованных концепций используется модель организации пространства, которая применяется в обучении младших школьников 1–4-х классов, подростков 5–9-х классов и старших школьников 10–11-х классов в отдельно стоящих зданиях школы. Основная задача модели — обеспечить необходимыми условиями обучение школьников и их возрастное становление.

Действительно, процессы, связанные с изменением технологий и социальных институтов, требуют обновления образовательной среды. К важнейшим направлениям ее развития могут быть отнесены следующие направления:

- информационные технологии в рамках традиционного образовательного процесса;
- открытые массовые образовательные программы, ресурсы и сервисы сети Интернет;

- новые технологические устройства в курсах естественных наук и технологий;
- среды, позволяющие индивидуализировать образовательный процесс;
- новые технологические решения оценки учебных и воспитательных достижений детей;
- безбарьерная среда для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья;
- межведомственная инфраструктура предоставления программ дообразования детям;
- новый дизайн привычных школьных зданий с использованием современных материалов и услуг.

Все эти параметры вскоре станут актуальными для школ. Новое пространство виртуальной коммуникации сегодня уже является частью привычной действительности. Стало обычной практикой активное использование учебно-информационных видеоматериалов, ЦОР (цифровых образовательных ресурсов), ЭФУ (электронных федеральных учебников), компьютерных обучающих программ и тренажеров. Вместе с тем невозможно ограничить использование ресурсов Интернета только сертифицированными ресурсами. Академик РАН Н. Н. Моисеев отметил, что одна из острейших проблем образования в наши дни — это борьба со стремительно растущим информационным изобилием, грозящим реальным хаосом. Прогресс в области ИКТ и средств коммуникации привел к такой интенсификации информационных потоков, что, как и прежде, важная задача отбора релевантной информации сегодня становится первейшей. Возрастает количество и интенсивность связей между отдельными людьми и учреждениями, границы между разными дисциплинарными областями науки и вообще знаний размываются, а найти универсального или хорошего междисциплинарного специалиста в условиях углубления и ранней специализации становится настолько трудно, что его приходится готовить заранее и адресно. При этом объем информации, который сваливается на индивида на рабочем месте, растет заметно быстрее, нежели совершенствуются навыки ее эффективной переработки. В итоге важные (а не просто полезные) сведения теряются в «шумах», но при существующих традиционных техниках порой бывает очень трудно «выявить нужный сигнал, тем более его интерпретировать». Таким образом, говоря о современном образовательном пространстве, следует отметить тенденцию к расширению и расслаиванию образовательной среды. Это ведет к возникновению конкурентных альтернатив традиционному образовательному процессу в формате открытых массовых образовательных программ, ресурсов и сервисов сети Интернет. Это не может не менять и школьные практики, новые технологические решения в организации учебного процесса, и оценки учебных и воспитательных достижений обучающихся. Виртуальное пространство становится частью повседневной жизни, но, наряду с массой положительных последствий, оно порождает огромный поток информации

различной степени достоверности, вплоть до полного вымысла, неотличимого от реальности, это в ближайшей перспективе ставит перед общеобразовательной школой задачу выстраивания метапредметной системы обучения безопасным приемам работы с информацией, позволяющей каждого обучающегося вооружить необходимыми навыками для индивидуального анализа информации на предмет ее достоверности.

Информация об авторе / Information about the author:

Рябов Виктор Васильевич — доктор исторических наук, профессор, президент Московского городского педагогического университета.

2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, Россия, 129226,
RyabovVV@mgpu.ru

Ryabov Viktor Vasilyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow City University.

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226,
RyabovVV@mgpu.ru

Научно-исследовательская

УДК 101.8

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.7

ВОПРОС О ГЕГЕЛЕВСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА В ФИЛОСОФИИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

П. В. Владимиров

Российский государственный гуманитарный университет,

Миусская пл., 6, Москва, Россия, 125047,

pvladimirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1431-4011>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об интерпретациях учения Гегеля о государстве в философии диалектического материализма конца XIX – первой половины XX века. Актуальность исследования связана с выявлением особенностей восприятия идей европейской философии с учетом их адаптации к отечественным историческим и политическим условиям. Исследование проведено с использованием метода контент-анализа произведений диалектического материализма, связанных с гегелевской проблематикой, что позволило выявить основные направления интерпретаций по вопросу о теории государства Гегеля. Показана неоднородность направлений интерпретаций, а также некоторые особенности развития диалектического материализма в части преобладающих направлений. Идеи Гегеля по вопросам теории государства могли интерпретироваться как в ключе подчеркивания их прогрессивно-революционного значения, так и в стиле обозначения их реакционно-консервативной природы. В статье также описаны основные факторы, повлиявшие на противоречивость трактовок гегелевской теории государства в части выявления как внутренних философских причин, характерных для российской и советской философии, так и внешних исторических обстоятельств. Исследование дополняет общую историко-философскую картину развития отечественной философии в части рецепции и адаптации западноевропейских идей, а также способствует лучшему пониманию специфики интерпретаций работ Г. В. Ф. Гегеля в условиях

существенного влияния государственной идеологии на деятельность философских работников СССР.

Ключевые слова: Гегель, диалектический материализм, философия государства, философия права, советская философия, марксизм

Для цитирования: Владимиров П. В. Вопрос о гегелевской теории государства в философии диалектического материализма конца XIX – первой половины XX века // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 3 (43). С. 80–94. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.7

Scientific research

UDC 101.8

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.7

THE QUESTION OF THE HEGELIAN THEORY OF THE STATE IN THE PHILOSOPHY OF DIALECTICAL MATERIALISM OF THE LATE XIX – FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Pavel V. Vladimirov

Russian State University for the Humanities,
Miuskaya pl., 6, Moscow, Russia, 125047,
pvladimirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1431-4011>

Abstract. The article is devoted to the problem of assessing G. W. F. Hegel's philosophy in dialectical materialism in the late 19th – first half of the 20th century in terms of its theory of the state. The relevance of the study is related to identifying the features of the perception of European philosophical ideas, with their adaptation to Russian and Soviet historical and political conditions. The study was carried out using the method of content analysis of works of dialectical materialism related to Hegelian problems. It allowed to identify the main directions of interpretations on the issue of Hegel's theory of the state. The heterogeneity of ways of interpretations is shown, as well as some features of the development of dialectical materialism in terms of prevailing interpretations. Hegel's ideas on the theory of the state could be interpreted both in terms of emphasizing their progressive or revolutionary significance, and in the style of designating their reactionary or conservative character. The article also describes the main factors that influenced the inconsistency of interpretations of the Hegelian theory of the state, in terms of identifying both internal philosophical reasons inherent to Russian and Soviet philosophy, and external historical circumstances. The study complements the views on the development of Russian philosophy in terms of reception and adaptation of Western European ideas, and also contributes to a better understanding of the specifics of the Hegelian interpretations in the context of significant influence of state ideology on Soviet philosophy.

Keywords: Hegel, dialectical materialism, philosophy of the state, philosophy of right, Soviet philosophy, Marxism

For citation: Vladimirov P. V. (2022). The question of the Hegelian Theory of the State in the Philosophy of Dialectical Materialism of the Late XIX – first half of the XX century // *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (43), 80–94. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.43.3.7>

Введение

Дialeктический материализм долгое время был официальной философской доктриной нашей страны в советский период ее развития. При этом одним из исторических источников формирования диалектического материализма зачастую называлась философия Г. В. Ф. Гегеля. Однако проблематика восприятия философии Гегеля не имела однозначного решения в рамках диалектического материализма, вызывая многочисленные споры среди его представителей.

Вопрос об отношении к теории государства является одним из аспектов комплексного исследования об интерпретациях философии Гегеля в диалектическом материализме конца XIX – первой половины XX века, проведенного на базе кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета. В рамках данного исследования с использованием метода контент-анализа были рассмотрены 194 произведения, отнесенных к направлению «диалектический материализм», в которых содержатся интерпретационные тезисы относительно философии Гегеля. Из данных произведений в целях настоящей статьи были выделены те произведения и тезисы, которые связаны с вопросом об отношении философии Гегеля к теории государства. На основании указанной группировки выделены основные направления интерпретаций, описанные ниже.

Основные направления интерпретаций

В произведениях диалектического материализма были распространены оценки философии Гегеля как в целом двойственной и противоречивой, характеризующейся сочетанием прогрессивно-революционных начал (как правило, относимых к диалектическому методу Гегеля) с реакционно-консервативными (как правило, относимыми к идеалистической системе Гегеля). Соответственно, подобный двойственный характер оценок был свойствен интерпретациям практически по всем направлениям и аспектам философии Гегеля, в том числе и по гегелевской теории государства. В различных работах диалектического материализма могло утверждаться превалирование как прогрессивных, так и реакционных начал в тех или иных разделах философии Гегеля, что формировало некие полюсы интерпретационных направлений, между которыми и находилась значительная часть интерпретаций. При этом хронологически в рассматриваемом периоде (конец XIX – первая половина XX века) основной тенденцией было общее ухудшение отношения к философии Гегеля — от в целом умеренно-позитивного отношения в конце XIX – начале XX века до в целом негативного в конце 1940-х и начале 1950-х годов.

Эта общая тенденция может быть прослежена и в отношении интерпретаций по вопросу о теории государства Гегеля. В ранние периоды развития

диалектического материализма (условно — до конца 1920-х годов) основное внимание уделялось не столько вопросам непосредственно гегелевского учения о государстве, содержащегося в «Философии права», сколько идеям о революционном значении диалектического метода Гегеля в применении к актуальным проблемам общества и государства. В этой связи оценки соответствующих аспектов гегелевской философии были, как правило, в целом положительными, что выражалось в подчеркивании прогрессивного, революционного и научного характера диалектики Гегеля, в том числе по отношению к вопросам теории развития общества и государства.

Другой полюс интерпретаций, более характерный для периодов с середины 1930-х и до начала 1950-х годов, состоял в трактовке гегелевского подхода к государству в качестве реакционного, консервативного, мистического, пронизанного идеализмом и т. д. Теория государства Гегеля в подобных интерпретациях могла называться инструментом философского обоснования сословного деления общества, а также господства буржуазии и аристократии. Кроме того, в этой связи Гегель мог обозначаться как предшественник теорий империализма или фашистского корпоративного государства.

Часть интерпретаций, близкая к сбалансированным или нейтральным позициям, находилась между двумя этими полюсами. Одно из таких направлений интерпретаций могло состоять в признании наличия в теории государства Гегеля некоторых потенциально реакционных начал при одновременном обозначении крайнего раздувания этих начал различными буржуазными и фашистскими идеологами. Подобное направление характерно в большей степени для 1930-х годов.

Таким образом, общая линия преобладающих интерпретаций может характеризоваться тремя этапами:

1. *Ранний этап*: условно-положительные трактовки, акцентирующие внимание на революционном и прогрессивном характере философии Гегеля (в том числе применительно к вопросам теории государства).

2. *Средний этап*: нейтральные или сбалансированные интерпретации, в том числе в части исследования проблематики о легитимности использования гегелевского наследия буржуазными и/или фашистскими идеологами.

3. *Поздний этап*: негативные оценки, акцентирующие внимание на реакционности как философии права Гегеля в целом, так и его теории государства.

При этом оценки различных авторов внутри каждого из этапов не были однородными и наряду с преобладающими оценками, соответствующими обозначенным тенденциям, могли присутствовать и интерпретации, отличающиеся от них. Некоторые примеры интерпретаций в соответствии с указанными группами приведены ниже.

Направление 1: диалектический метод Гегеля, примененный к вопросам государства и общества, имеет революционное и прогрессивное значение.

Для дореволюционных периодов развития диалектического материализма характерно внимание как к сугубо философским аспектам учения Гегеля

(логика и ее категории, теория познания, теория развития и т. д.), так и к потенциальным выводам из этих аспектов, связанным с практикой революционной борьбы, а также с вопросами философского обоснования неизбежности смены существующего государственного строя в ходе революционных, скачкообразных преобразований. Философия Гегеля, в ее марксистской переработке, в этой связи зачастую рассматривается как орудие, которое может и должно быть использовано для дела подготовки и совершения революции, для коренного переустройства общества и государства.

Так, например, Г. В. Плеханов в ряде работ акцентирует внимание на тезисах Гегеля о скачкообразном, в моменты перерыва постепенности, переходе количественных изменений в качественные. Соответствующие тезисы интерпретируются Плехановым как обоснование возможности и оправданности революционных вариантов переустройства общества при наличии достаточных внутренних оснований для этого¹. Кроме того, Плеханов обращает внимание на революционную значимость тезисов Гегеля о противоречиях как движущей силе общественно-государственного развития, утверждая, что гегелевская установка «Противоречие ведет вперед» должна браться на вооружение пролетариатом, передовым классом общества². В соответствии с плехановской интерпретацией Гегеля, каждая совокупность явлений в своем развитии из себя самой создает те силы, которые ведут к ее исчезновению или отрицанию. Соответственно, применительно к государству и общественно-политической сфере, революционное (скачкообразное) изменение того или иного строя обосновано, когда оно совпадает с объективным процессом отрицания, происходящим в недрах этого строя³.

Схожее значение философии Гегеля подчеркивается и В. И. Лениным. Скажем, в работе «Фридрих Энгельс» (1895) он отмечает, что из учения Гегеля следует, «что и борьба с действительностью, борьба с существующей неправдой и царящим злом коренится в мировом законе вечного развития», а самодержавие прусского короля или русского царя не может продолжаться вечно⁴.

Период 1920-х годов характеризуется коренным изменением общественно-политических условий: революция, для теоретического обоснования которой использовалась в том числе и философия Гегеля, совершилась и советская власть, пройдя через период гражданской войны, встала перед необходимостью как существенных преобразований полученного «наследия» во всех сферах общественной и экономической жизни, так и формирования новой, стабильной

¹ Плеханов Г. В. Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова. Ответ на брошюру «Почему я перестал быть революционером?» (1889) // Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956. С. 388–389.

² Плеханов Г. В. В Амстердаме (1904) // Сочинения. Т. 16. М.: Госиздат, 1928. С. 341.

³ Плеханов Г. В. Предисловие переводчика и примечания ко второму изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах» (1905) // Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956. С. 455.

⁴ Ленин В. И. Фридрих Энгельс (1895) // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 2. М.: Изд-во политической литературы, 1967. С. 7.

государственной системы. Тем не менее революционный мотив в действиях новой власти был еще силен и актуален: после совершения политической революции предстояло осуществить полное переустройство общества на новых принципах. В этой связи обращение к соответствующим интерпретациям философии Гегеля также представлялось востребованным. В 1920-х годах (в продолжение соответствующего призыва Ленина в статье 1922 года «О значении воинствующего материализма») нередко ставится задача по материалистически ориентированной доработке диалектики Гегеля для возможности применения ее как научного метода, в том числе и в отношении государственных или общественно-политических вопросов. В этой связи представляется оправданным и наблюдающийся в данном периоде рост интереса к философии права Гегеля, а также к его философии истории. В отношении теории государства начинается в том числе активно прорабатываться вопрос о зачатках исторического материализма или же политической экономии у Гегеля.

При этом тезисы о революционном значении диалектики Гегеля применительно к вопросам государственного устройства зачастую сопровождаются оговорками о скрытом характере соответствующих начал в философии Гегеля. Сам по себе Гегель может называться противником революционных преобразований общества, что не мешает его философии, будучи правильно интерпретированной и развитой, носить революционный характер. В этой связи, в частности, прорабатываются вопросы о вскрытии соответствующего значения гегелевской философии Марксом и Энгельсом или же о важности различения между действительным и существующим в работах Гегеля. Так, например, М. А. Дынник отмечает, что тезис Гегеля о разумности действительного и о действительности разумного может интерпретироваться по-разному. В случае приравнивания действительного к существующему этот тезис становится консервативным, оправдывающим любые пороки и изъяны существующего общественно-политического строя — «философским освящением деспотизма, полицейского государства, келейных расправ, цензуры»⁵. Более правильной Дынник считает другую интерпретацию — действительное не всегда есть существующее: некоторые аспекты существующей реальности могут являться преходящими, отмирающими, т. е. неразумными и недействительными. При этом другие аспекты и явления могут быть внутренне необходимыми, имеющими потенциал своего развития и полного проявления, хотя и не явленными до определенного момента в актуальном существовании. В такой интерпретации соответствующие тезисы Гегеля становятся революционными и прогрессивными. В этой связи Дынник утверждает, что сам Гегель в явном виде не делает соответствующих революционных выводов применительно к вопросам государства и общества, хоть и подразумевает их. Схожие позиции по вопросу о значимости гегелевского различия действительного

⁵ Дынник М. А. От примирения с действительностью к апологии разрушения (к вопросу о развитии гегельянства М. Бакунина) // Летописи марксизма. 1927. № 4. С. 34.

и существующего содержатся и в ряде других работ относительно ранних периодов развития диалектического материализма⁶.

Направление 2: буржуазные философы раздувают реакционную сторону учения Гегеля о государстве. Другое направление интерпретаций, в большей степени свойственное для 1930-х годов, а также для начала 1940-х, состоит в обозначении использования гегелевского учения о государстве различными реакционными, буржуазными и фашистскими идеологами. В рамках данного направления в теории государства Гегеля признается наличие некоторых реакционных начал, однако делается акцент именно на раздувании или же искажении этих начал современными западными философами.

Так, например, В. К. Брушлинский обозначает потенциал использования гегелевской теории права, в том числе в части понятия свободы, воплощаемого в рамках государства, для обоснования произвола и вседозволенности правящих классов буржуазных и фашистских государств⁷. В. Г. Вандек и В. Тимоско отмечают попытки социал-фашистов и национал-фашистов «использовать реакционную сторону Гегеля для прикрытия своей гнусной буржуазной практики», в том числе в части раздувания реакционных идей Гегеля о государстве и нации (обожествление государства в качестве вечной надклассовой организации нации и в качестве абсолютной самоцели)⁸. Ф. А. Горохов отмечает стремление различных неогегельянцев, социал- и национал-фашистов и т. д. превратить Гегеля в теоретика якобы внеклассового буржуазного государства, подхватывая «слабую, реакционную струю в гегелевской философии»⁹. О. М. Танхилевич подчеркивает, что реакционная сторона Гегеля вызывает внимание и симпатии буржуазных философов в том числе и в связи с тем, что Гегель воспринимается как идеолог и пророк империалистического государства¹⁰. М. Б. Митин отмечает в философии Гегеля его склонность к возвеличиванию и даже обожествлению государства, что приводит к трактовкам Гегеля в качестве предтечи идеологий империализма или фашистского корпоративного государства¹¹. М. А. Аржанов утверждает, что гегелевские категории единства, целостности и общности имеют потенциал для интерпретаций в духе примата интересов государства над интересами отдельных индивидуумов

⁶ Горохов Ф. А. Философско-исторические взгляды Гегеля и исторический материализм // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12; Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм (1933) // Избранные философские труды. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 351–379.

⁷ Брушлинский В. К. Современное гегельянство на Западе // Под знаменем марксизма. 1931. № 7–8. С. 204–223.

⁸ Вандек (Тер-Григорьян) В. Г., Тимоско В. Гегель и Кант // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12. С. 134.

⁹ Горохов Ф. А. Философско-исторические взгляды Гегеля и исторический материализм // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12, С. 59.

¹⁰ Танхилевич О. М. Об историческом и логическом. К вопросу о гегелевском наследстве // Под знаменем марксизма. 1931. № 6. С. 31.

¹¹ Митин М. Б. Гегель и теория материалистической диалектики. М.: ОМВД; Партийное издательство, 1932. С. 9.

и групп (в том числе класса трудящихся), что активно используется различными фашистскими идеологами¹². Г. К. Баммель подчеркивает, что некоторые фашиствующие неогегельянцы трактуют Гегеля в теолого-этатистском ключе (государство как «шестивие бога в мире»). Утверждается, что их привлекает догмат о сверхъестественности и незыблемости государства, стоящего «выше природы», а также примат государства перед индивидом¹³. Г. Ф. Александров утверждает, что буржуазные реакционные философы фальсифицируют учение Гегеля о государстве, «стремясь оправдать при помощи его «философии права» современную реакцию»¹⁴.

Направление 3: теория государства Гегеля носит преимущественно реакционный характер. Гегель обожествляет государство, придает ему идеалистическое значение и обосновывает примат интересов государства над индивидуумом.

Другое направление интерпретаций связано с акцентированием внимания на гегелевских тенденциях по обожествлению государства, являющегося воплощением нравственной идеи или стадией развития объективного духа, что трактуется как проявление реакционного и мистического начала философии Гегеля. Соответствующие интерпретации присущи произведениям и относительно ранних периодов развития диалектического материализма, но наибольшее распространение они получают с середины 1930-х годов.

Так, например, М. Б. Митин утверждает, что Гегель рассматривает государство как выражение объективной идеи в форме нравственного духа народа. Правительство, в свою очередь, является выразителем воли народного духа, а деятельность правительства есть обнаружение гражданами «их свободы, их собственной разумной нравственной сущности». Это приводит Гегеля, по мнению Митина, к обоснованию необходимости безусловного и добровольного повиновения всех граждан своему правительству. Делается вывод, что таким образом Гегель «философски обслуживает здесь крепостническую диктатуру»¹⁵.

П. Ф. Липендин и С. Николаев отмечают теорию государства в качестве реакционной стороны гегелевской философии. Утверждается, что Гегель исходит из идеалистической посылки о том, что семья, гражданское общество и государство якобы являются только выражением развития некоего объективного народного духа. Правительство же является выразителем воли этого духа, а деятельность правительства трактуется Гегелем не как внешнее принуждение по отношению к гражданам, а как «обнаружение их свободы, их собственной разумной нравственной сущности». Отсюда Гегель, в понимании Липендина

¹² Аржанов М. А. Гегельянство на службе германского фашизма. М.: Партиздат, 1933. С. 60–61.

¹³ Баммель Г. К. О фашизации истории философии в Германии // Против фашистского мракобесия и демагогии. М.: Соцэкгиз, 1936. С. 260–261.

¹⁴ Александров Г. Ф. Философские предшественники марксизма. 2-е изд. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940. С. 102.

¹⁵ Диалектический и исторический материализм: учеб. для комвузов и вузов / под ред. М. Б. Митина. М.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1934. С. 89–90.

и Николаева, выводит догмат о необходимости подчинения всех граждан правительству и объявляет всякое неповиновение правительству преступлением, связанным с нарушением гражданами их собственной нравственно-духовной сущности. В этом авторы видят прислужничество Гегеля перед правящими кругами прусской монархии¹⁶.

М. Д. Каммари утверждает, что Гегель обожествляет государство как воплощение некоего мистического, объективного, всеобщего духа, стоящего над индивидуальным и субъективным сознанием. Подчеркивается, что Гегель обозначает государство как действительность «нравственной идеи», как земно-божественное существо и т. д. Каммари называет это полной мистификацией и обожествлением эксплуататорского государства. Отмечается, что Гегель выводит «мыслимое понятие» государства априорно, из идеи, а не на основе изучения конкретных исторических типов форм государственности. Обозначаются также: 1) непонимание Гегелем роли классовых отношений в части теории государства; 2) проявления у Гегеля буржуазного юридического фетишизма с его метафизическими теориями «правового государства» и т. п.¹⁷

Б. Э. Быховский в качестве негативных сторон философии Гегеля отмечает обожествление государства и восхваление буржуазно-помещичьей конституционной монархии. Он обозначает также совершенную Гегелем идеалистическую мистификацию понятий нравственности и государства — государство трактуется Гегелем как объективация нравственной идеи, вместо выведения нравственных представлений из общественных и государственных форм. Кроме того, отмечается непонимание Гегелем классового характера сущности государства¹⁸.

Г. Ф. Александров отмечает ограниченность и консервативность гегелевского учения о государстве, рассматриваемом как воплощение нравственной идеи (в том числе в отношении реакционного помещичьего прусского государства)¹⁹.

Во втором издании «Большой советской энциклопедии» утверждается, что в социально-политической области основной идеей Гегеля была идея о том, что «не массы, не социальные революции, а монархическое государство, характеризующееся им как «земно-божественное» существо, является движущей силой истории». Кроме того, подчеркивается, что Гегель «отождествлял сущность государства с монархией и провозглашал вечность монархии в ее конституционной форме». Отмечается сословный характер философии Гегеля — власть в государстве, по Гегелю, должна принадлежать помещикам (с допуском буржуазии к участию в управлении государством). Утверждается, что государство

¹⁶ Липендин П. Ф., Николаев С. О философском развитии Маркса // Под знаменем марксизма. 1933. № 2. С. 87.

¹⁷ Каммари М. Д. Философия права Гегеля // Под знаменем марксизма. 1935. № 2. М.: Правда. С. 36–38.

¹⁸ Быховский Б. Э. Метод и система Гегеля. М.: Госполитиздат, 1941. С. 56–57.

¹⁹ Александров Г. Ф. История западноевропейской философии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. С. 417–419.

для Гегеля являлось важнейшим воплощением абсолютной идеи, а монархия воспринималась как имеющая божественный суверенитет²⁰.

Развитие вопроса об отношении к гегелевской теории государства

Вопрос об отношении к философии Гегеля является одним из ключевых во всей проблематике развития диалектического материализма конца XIX – первой половины XX века. С его фигурой связано большинство споров и дискуссий в рамках этого философского направления. Интерпретации различных сторон учения Гегеля отличались противоречивостью и двойственностью в произведениях как классиков марксизма-ленинизма, так и отдельных философских работников СССР, что свидетельствует о богатой и широкой палитре мнений в рамках советской философии того времени. При этом общее отношение к Гегелю в рассматриваемом периоде в целом ухудшалось, что могло объясняться как внутренними философскими причинами, так и внешними историческими обстоятельствами.

Философия права Гегеля, включая и его теорию государства, зачастую называлась самой реакционной частью учения Гегеля. Это связывалось с обозначением ярко выраженного буржуазного классового характера гегелевской философии права. Тем не менее даже в ней авторы произведений диалектического материализма могли выделять относительно прогрессивные черты, схожие с философией марксизма (например, в части наличия в учении Гегеля зачатков исторического материализма или же политической экономии, в части постановки Гегелем вопросов о необходимости борьбы с бедностью и преодоления существенного имущественного расслоения и т. д.). При этом востребованность и актуальность тех или иных аспектов философии Гегеля могла меняться, что влияло как на общий характер ее восприятия, так и на превалирование различных, в том числе противоречащих друг другу, интерпретаций отдельных ее аспектов.

Так, в ранние периоды развития диалектического материализма (ориентировочно до конца 1920-х годов) существенное внимание уделялось революционности диалектического метода Гегеля, в том числе применительно к выявлению значения этого метода для решения общественно-политических вопросов.

В 1930-е годы совершилось изменение общественно-политических и исторических условий: непосредственный постреволюционный период становления советского государства был завершен, произошло формирование и укрепление государственных институтов, осуществились серьезные изменения во всех сферах общественной жизни. Запрос на радикальные, революционные преобразования во многом сменился потребностью в крепкой, стабильной и эффективно

²⁰ Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 10. М.: Советская энциклопедия, 1952. С. 308–309.

работающей системе. В СССР происходит некое сосредоточение государственных сил, внутренняя мобилизация, выражающаяся в том числе и в партийной установке об обострении классовой борьбы, а также в расширяющихся репрессиях. Страна также оказывается перед растущими внешнеполитическими угрозами, в том числе в связи с приходом НСДАП к власти в Германии. Сложные условия 1930-х годов отражаются на характере проработки гегелевской проблематики, в том числе по вопросу о теории государства. Снижается как уровень акцентирования внимания на революционном характере философии Гегеля, так и интерес к наиболее теоретическим частям его учения (в том числе в части детализированного разбора различных логических категорий, углубления в вопросы теории познания и т. д.). На первый план выходят интерпретации, связанные с общественно-политическими или историческими аспектами философии Гегеля — в центре внимания оказываются вопросы философии права, философии истории, классовой проблематики применительно к Гегелю. 1930-е годы также характеризуются и определенным ростом интереса к Гегелю в Европе, в связи с чем для диалектического материализма становится актуальным вопрос осмысления характера использования гегелевского наследия как в буржуазной, так и в марксистской философии. Появляются работы, посвященные раздуванию реакционных сторон учения Гегеля буржуазными и/или фашистскими идеологами. В этой связи прослеживается общая линия интерпретаций, связанная с обозначением двойственности отношения к философскому наследию Гегеля: с одной стороны, законным наследником «рационального зерна» его учения объявляется пролетариат, но, с другой стороны, все более отчетливо звучат тезисы о наличии в философии Гегеля (в том числе в части философии права и теории государства) реакционного потенциала. На отношении к философии Гегеля сказывается и характерное для данного периода усиление принципа партийности в философии. В различных работах, посвященных гегелевской проблематике, сокращается количество цитат из текстов самого Гегеля при увеличении количества цитат, связанных с Гегелем, из произведений Маркса, Энгельса и Ленина. Происходит плавный переход от интерпретаций непосредственно Гегеля к «интерпретациям интерпретаций» классиков марксизма.

На ухудшение отношения к Гегелю существенно влияет и начавшаяся Великая Отечественная война. Если до войны преобладала скорее ориентация на тезисы о раздувании реакционных, германско-шовинистических, агрессивных-захватнических начал философии Гегеля буржуазно-фашистскими идеологами (в том числе путем искажений философии Гегеля, вытравливания из нее всего рационального содержания и т. д.), то в 1940-е годы соответствующие обвинения зачастую адресуются уже непосредственно к Гегелю, который начинает обозначаться как апологет войны, как идеолог прусской милитаристской экспансии, как философ, пренебрежительно относящийся к славянам и другим негерманским народам, и т. д. Тем не менее отношение к Гегелю продолжает сохраняться далеко не однозначным, и наряду с резко критическими оценками отдельных аспектов его философии сохраняются (причем зачастую в рамках

одних и тех же работ) и крайне положительные оценки Гегеля как вершины буржуазной философской мысли, автора гениальных идей о диалектическом развитии и т. д.

Значимым событием этого периода становится философская дискуссия 1947 года по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», на которой гегелевская проблематика становится одной из центральных тем. Итогом дискуссии становится выраженное А. А. Ждановым утверждение партийной позиции о преобладании в Гегеле реакционных начал, а также указание о сворачивании дальнейших споров о Гегеле. После дискуссии 1947 года на какое-то время количество работ о Гегеле заметно снижается, а в общей характеристике гегелевской философии преобладают сильные негативные оценки. Впрочем, встречается и критика приверженности крайним позициям в отношении Гегеля, что называется шараханьем из стороны в сторону, пережитком метафизических воззрений и недостаточным пониманием сути диалектики²¹.

Возможно выделить ряд основных факторов, повлиявших на разнообразие и противоречивость направлений интерпретаций философии Гегеля в рамках диалектического материализма конца XIX – первой половины XX века. Существенная часть из них затрагивается и в самих произведениях этого периода, при попытках осмысления феномена постоянных споров о Гегеле. Среди таких факторов возможно отметить следующие:

1) незавершенность внутреннего, собственного, авторского пути развития философии Гегеля в связи с его относительно ранней и скоростижной смертью;

2) проблематика спорной аутентичности и корректности текстов ряда работ Гегеля, изданных после его смерти, что вызывало различные предположения о действительном содержании идей Гегеля;

3) допущение Гегелем ряда внутренних противоречий в собственных работах;

4) некоторые стилистические особенности отдельных текстов Гегеля, связанные с их тяжеловесностью и высокой степенью абстрактности, что вызывало впоследствии проблемы неоднозначности их трактовки;

5) постепенное снижение уровня цитирования работ Гегеля при проведении интерпретаций в рамках диалектического материализма в силу характерной для некоторых периодов установки по борьбе с «цитатным подходом», что позволяло допускать весьма широкие интерпретации, вплоть до прямых искажений тезисов Гегеля;

6) свойственный отдельным периодам развития диалектического материализма принцип критики объективизма в философии (то есть позиций о беспристрастном и объективном характере научных исследований);

7) отягощение философии диалектического материализма принципом партийности, что влияло на вопросы интерпретаций философии Гегеля в связи с недостаточно четкими или меняющимися партийными установками;

²¹ Кедров Б. М. Критические заметки на философские темы // Вопросы философии. 1948. № 1. С. 53–71.

8) неоднозначность и противоречивость оценок философии Гегеля со стороны классиков марксизма-ленинизма (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин);

9) проблематика неоднозначного решения вопроса об исторической преемственности, а также общем характере развития философских учений в рамках доктрины диалектического материализма;

10) внутренняя противоречивость философии диалектического материализма по вопросу о собственном развитии: сочетание тенденций по догматизации диалектического материализма и установок о необходимости его постоянного обновления;

11) использование отдельными группами философов диалектического материализма гегелевской проблематики как инструмента во внутрисполитических, «корпоративных» спорах;

12) становление культа личности Сталина в 1930-х годах, наряду с относительно критичным отношением Сталина к философии Гегеля;

13) влияние крупных исторических событий указанного периода на актуальность тех или иных аспектов гегелевской проблематики.

Если исходить из тезисов самого Гегеля о том, что философия есть «дух времени как мыслящий себя дух», то бурные исторические события конца XIX и первой половины XX века, безусловно, сказались на неоднократном изменении «духа времени» и на соответствующем восприятии философии Гегеля. Вопросы, задачи по философскому осмыслению которых ставились каждой эпохой, менялись, и представители каждой эпохи находили в работах Гегеля что-то свое. Идеи западноевропейской философии, будучи перенесенными на отечественную почву и адаптированными к конкретным историческим условиям, могли существенно изменяться. Таким образом отечественная философская мысль не останавливалась в своем движении, показывая способность к постоянному развитию даже в непростых условиях работы с учетом сильнейшего партийного и государственного влияния на нее.

Список источников

1. Александров Г. Ф. История западноевропейской философии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. 508 с.

2. Александров Г. Ф. Философские предшественники марксизма. 2-е изд. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940. 68 с.

3. Аржанов М. А. Гегельянство на службе германского фашизма. М.: Партиздат, 1933. 152 с.

4. Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм (1933) // Избранные философские труды. 1971. Т. 2. М.: Изд-во Московского университета, 1971. С. 351–379.

5. Баммель Г. К. О фашизации истории философии в Германии // Против фашистского мракобесия и демагогии. М.: Соцэкгиз, 1936. С. 216–264.

6. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 10. М.: Сов. энциклопедия, 1952. 620 с.

7. Брушлинский В. К. Современное гегельянство на Западе // Под знаменем марксизма. 1931. № 7–8. С. 204–224.

8. Быховский Б. Э. Метод и система Гегеля. М.: Госполитиздат, 1941. 68 с.
9. Вандек В. Г., Тимоско В. Гегель и Кант // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12. С. 133–145.
10. Горохов Ф. А. Философско-исторические взгляды Гегеля и исторический материализм // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12. С. 54–85.
11. Дialeктический и исторический материализм: учебник для комвузов и вузов: в 2 ч. / под ред. М. Б. Митина. М.: ОГИЗ; Соцэкгиз, 1934. 480 + 624 с.
12. Дынник М. А. От примирения с действительностью к апологии разрушения // Летописи марксизма. 1927. № 4. С. 30–44.
13. Каммари М. Д. Философия права Гегеля // Под знаменем марксизма. 1935. № 2. С. 26–56.
14. Кедров Б. М. Критические заметки на философские темы // Вопросы философии. 1948. № 1. С. 53–71.
15. Ленин В. И. Фридрих Энгельс (1895) // ПСС. Т. 2. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1967. С. 3–230.
16. Липендин П. Ф., Николаев С. О философском развитии Маркса // Под знаменем марксизма. 1933. № 2. С. 74–109.
17. Митин М. Б. Гегель и теория материалистической диалектики. М.: ОМВД; Партийное изд-во, 1932. 58 с.
18. Плеханов Г. В. В Амстердаме (1904) // Сочинения. Т. 16. М.: Госиздат, 1928. 384 с.
19. Плеханов Г. В. Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова. *Otvét na broshjuru «Pochemu ja perestal byt' revoljucionerom?»* (1889) // Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. М.: Госполитиздат; Соцэкгиз, 1956. 848 с. С. 382–418.
20. Плеханов Г. В. Предисловие переводчика и примечания ко 2-му изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах» (1905) // Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. М.: Госполитиздат; Соцэкгиз, 1956. 848 с. С. 451–503.
21. Танхилевич О. М. Об историческом и логическом. К вопросу о гегелевском наследстве // Под знаменем марксизма. 1931. № 6. С. 29–44.

References

1. Aleksandrov, G. F. (1946). *History of Western European philosophy* [*Istorija zapadno-evropejskoj filosofii*]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 508 p. (In Russian).
2. Aleksandrov, G. F. (1940). *Philosophical predecessors of Marxism* [*Filosofskie predshestvenniki marksizma*] (2nd ed.). Moscow: Politizdat. 68 p. (In Russian).
3. Arzhanov, M. A. (1933). *Hegelianism on the service of German fascism* [*Gegel'janstvo na sluzhbe germanskogo fashizma*]. Moscow: Partizdat. 152 p. (In Russian).
4. Asmus, V. F. (1971). Marx and the bourgeois historicism [Marks i burzhuazny`j istorizm]. *Izbranny'e filosofskie trudy*, 2, 351–379. Moscow: Izd-vo Moskovskogo Universiteta. (In Russian).
5. Bammel, G. K. (1936). *On fascist tendencies in history of philosophy* [*O fashizacii istorii filosofii v Germanii*] (pp. 216–264). Moscow: Socjkgiz. (In Russian).
6. *Great Soviet Encyclopedia* (2nd ed., vol. 10) (1952). [Bol'shaja Sovetskaja Jenciklopedija]. Moscow: Sovetskaja Jenciklopedija. 620 p. (In Russian).
7. Brushlinskij, V. K. (1931). Modern Hegelianism on the West [Sovremennoe gegel'janstvo na Zapade]. *Pod znamenem marksizma*, 7–8, 204–224. (In Russian).

8. By`hovskij, B. E. (1941). *Hegel's method and system* [*Metod i sistema Gegelja*]. Moscow: Gospolitizdat. 68 p. (In Russian).
9. Vandek, V. G., & Timosko V. (1931). Hegel and Kant [Gegel' i Kant]. *Pod znamenem marksizma*, 11–12, 133–145. (In Russian).
10. Gorohov, F. A. (1931). Philosophical and historical views of Hegel and Historical materialism [Filosofsko-istoricheskie vzgljady` Gegelja i istoricheskij materializm]. *Pod znamenem marksizma*, 11–12, 54–85. (In Russian).
11. Mitin, M. B. (1934). *Dialectical and Historical Materialism* [*Dialekticheskij i istoricheskij materializm*] (In 2 parts). Moscow: OGIZ. P. 1, 480 p.; P. 2. 624 p. (In Russian).
12. Dy`nnik, M. A. (1927). From conciliation with reality to apology of destruction [Ot primirenija s dejstvitel'nost'ju k apologii razrushenija]. *Letopisi marksizma*, 4, 30–44. (In Russian).
13. Kammari, M. D. (1935). Hegel's philosophy of right [Filosofija prava Gegelja]. *Pod znamenem marksizma*, 2, 26–56. (In Russian).
14. Kedrov, B. M. (1948). Critical essays on philosophical themes [Kriticheskie zametki na filosofskie temy']. *Voprosy` filosofii*, 1, 53–71. (In Russian).
15. Lenin, V. I. (1967). Friedrich Engels [Fridrih Jengel's]. In *Polnoe sobranie sochinenij* (5 ed., vol. 2, pp. 1–14). Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. (In Russian).
16. Lipendin, P. F. & Nikolaev S. (1933). Philosophical development of Marx [O filosofskom razvitii Marksa]. *Pod znamenem marksizma*, 2, 74–109. (In Russian).
17. Mitin, M. B. (1932). *Hegel and the theory of materialistic dialectic* [Gegel' i teorija materialisticheskoy dialektiki]. Moscow: Gosizdat. 58 p. (In Russian).
18. Plekhanov, G. V. (1928). In Amsterdam [V Amsterdame]. In *Sochinenija*, 16. Moscow: Gosizdat. 384 p. (In Russian).
19. Plekhanov, G. V. (1956). New defender of autocracy or grief of Mr. Tikhomirov. The answer to the pamphlet “Why did I stop being a revolutionary?” (1889) [Novyj zashhitnik samodержavija, ili gore g. Tihomirova. Otvet na broshjuru «Pochemu ja perestal byt' revoljucionerom?» (1889)]. In *Izbranny`e filosofskie proizvedenija* (In 5 vols., vol. 1, pp. 382–418). Moscow: Gospolitizdat; Sotsekgiz. 848 p (In Russian).
20. Plekhanov, G. V. (1956). Foreword to 2 ed. of ‘Ludwig Feuerbach’ [Predislovie perevodchika ko 2-mu izdaniyu «Ljudvig Fejerbah»]. In *Izbranny`e filosofskie proizvedenija* (In 5 vols., vol. 1, pp. 451–503). Moscow: Gospolitizdat; Sotsekgiz. 848 p. (In Russian).
21. Tanhilevich, O. M. (1931). On historical and logical [Ob istoricheskom i logicheskom]. *Pod znamenem marksizma*, 6, 29–44. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Владимиров Павел Викторович — соискатель на кафедре истории зарубежной философии, Российский государственный гуманитарный университет.

Миусская площадь, 6, Москва, Россия, 125047,

pvladimirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1431-4011>

Vladimirov Pavel Victorovich — candidate at the Department of History of Foreign Philosophy, Russian State University for the Humanities.

Miuskaya ploshhad, 6, Moscow, Russia, 125047,

pvladimirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1431-4011>

Научно-теоретическая

УДК 17.023.36

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.8

РАЗВИТИЕ ВОИНСКИХ ТРАДИЦИЙ В РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ АРМИЯХ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XIX–XX ВЕКОВ

А. Л. Репетенко

Московский городской педагогический университет,

2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226,

RepetenkoAL058@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7887-8724>

Аннотация. Сегодня научные и политические деятели военного строительства современных Вооруженных Сил Российской Федерации нередко обращаются к историческому прошлому государства, в частности к социально-культурным, национальным и религиозным традициям русского народа. Вместе с тем особый интерес вызывают воинские традиции Русской императорской и Советской армий в целях их практического использования для совершенствования военной организации Российской Федерации. В статье рассмотрен опыт развития воинских традиций Русской императорской и Советской армий и их место в политической истории России XIX–XX веков.

Ключевые слова: традиции, армия, воинские традиции, воинская честь, храбрость, мужество, героизм, патриотизм, любовь к Родине, Русская императорская армия, Советская армия, Вооруженные Силы Российской Федерации

Для цитирования: Репетенко А. Л. Развитие воинских традиций в Русской императорской и Советской армиях в контексте социально-политической истории России XIX–XX веков // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 3 (43). С. 95–104. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.8

Scientific and theoretical

UDC 17.023.36

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.8

DEVELOPMENT OF MILITARY TRADITIONS IN THE RUSSIAN IMPERIAL AND SOVIET ARMIES IN THE CONTEXT OF THE SOCIO-POLITICAL HISTORY OF RUSSIA OF THE XIX–XX CENTURIES

Alexander L. Repetenko

Moscow City University,

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj pr., 4, Moscow, Russia, 129226,

RepetenkoAL058@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7887-8724>

Abstract. Today, scientific and political figures in the military construction of the modern Armed Forces of the Russian Federation often turn to the historical past of the state, in particular to the socio-cultural, national and religious traditions of the Russian people. At the same time, the military traditions of the Russian Imperial and Soviet armies are of particular interest for the purpose of their practical use to improve the military organization of the Russian Federation. The article considers the experience of the development of military traditions of the Russian imperial and Soviet armies and their place in the political history of Russia in the 19th – 20th centuries.

Keywords: tradition, army, military traditions, military honor, bravery, courage, heroism, patriotism, love for the Motherland, Russian imperial army, Soviet army, Armed Forces of the Russian Federation

For citation: Repetenko A. L. (2022). Development of military traditions in the Russian imperial and Soviet Armies in the context of the Socio-political history of Russia of the XIX–XX centuries // *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (43), 95–104. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.43.3.8>

С момента ликвидации СССР российским гражданам с телевизионных экранов, страниц интернет-ресурсов и СМИ активно внушали, что для устойчивого развития и процветания России необходимо совершенствовать институты рыночной экономики и идти по пути либерально-демократических реформ. Известный русский общественный деятель и ученый-энциклопедист Д. И. Менделеев в своем произведении «Заветные мысли» разъяснял: «Сколько бы нам ни твердили извне и сколько бы раз сами мы ни чувствовали, что будущность наша много зависит от качества внутреннего строя жизни, но живой, чисто реальный инстинкт подсказывает нам при этом всегда, что важнее-то всего оборона страны и организация ее военных сил» [Менделеев, 1995, с. 205].

Обращаясь к реакции общества на поствоенный синдром, советский педагог и театральный деятель В. И. Немирович-Данченко отмечал, что «после всякой войны самосознание народное растет» [Книга российского офицера...,

2021, с. 352]. В сознании российского общества вследствие продолжительных чеченских кампаний на Северном Кавказе; государственных переворотов с силовым вмешательством США и блока НАТО в национальные интересы Югославии, Афганистана, Ирака и Ливии; специальных военных операций Российской Федерации в Сирии и на Украине постепенно возвращается трезвое понимание своих жизненных интересов и приходит осознание того, что будущее безопасное и суверенное существование России возможно только на основе боеспособных, оснащенных современным оружием и подготовленных вооруженных сил.

Русский философ И. А. Ильин отождествлял «солидарность граждан» с «основой государства», утверждая, что «оно держится не насилием, а правовым авторитетом, правосознанием граждан, их добровольной лояльностью» [Ильин, 1991]. Никакие экономические показатели — высокий уровень жизни, индекс развития экономики и промышленности, уровень котировки рубля — не помогут поднять экономику России без воссоединения и консолидации российского народа. Ядром воссоединения духа народа, хранителем его героических традиций в России всегда выступала ее армия, ее защитники, ее воины. Именно служение своей Родине формирует особый характер российского этноса. Ильин считал важным с «младых ногтей» воспитывать у детей чувство уважения к своей армии как к «сосредоточенному воплощению государственной силы», «элементу государственного бытия» и «реальной опоре Родины» [Ильин, 1993, с. 158–159].

Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации В. В. Путин в своем послании к Федеральному собранию в 2012 году отметил, что «боевой дух вооруженных сил держится на традициях, на живой связи с историей, на примерах мужества и самопожертвования героев» [Послание Президента Федеральному Собранию..., 2012].

Слово «традиция» латинского происхождения. По мнению С. И. Ожегова, под традицией понимается, во-первых, «то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений (напр., идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычаи)» и, во-вторых, «обычай, установившийся порядок в поведении, в быту»¹.

Согласно определению С. И. Даля, «традиция — преданье, все, что устно перешло от одного поколения на другое. Традиционные обычаи дипломатики, искони условно принятые»².

«Краткий философский словарь» понятие «традиция» трактует как универсальную «форму сохранения жизни социальной организации, культуры, духовных сил человека» и «форму бытия духовного»³.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук; Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

² Толковый словарь живого великорусского языка / [Соч.] В. И. Даля. Ч. 1–4. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863–1866. 4 т.; 1866. [2], 625, [5], 4 с. С. 389.

³ Краткий философский словарь / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев [и др.]; под ред. А. П. Алексеева. 2 изд., перераб. и доп. М.: Велби; Проспект, 2004. 496 с. С. 397.

В «Кратком политическом словаре» под «традицией» понимается «обычай; укоренившийся порядок; устоявшиеся нормы поведения и т. п.» и «то, что сохраняется из поколения в поколение, например, древние предания и сказки, знания, производственные навыки и другие»⁴.

Армия любого государства обладает воинскими традициями, сложившимися исторически и передаваемыми от старшего поколения воинов к младшему через опыт, обычаи, свод профессиональных и моральных норм поведения в военное и мирное время, духовными ценностями. Воинские традиции проявляются не только в передающихся из поколения в поколение идеях, моральных нормах, но и в предписанных правилах поведения (ритуалах) и воинской символике. Воинские ритуалы сопровождают армию на всем протяжении ее существования. Они выполняются в ходе торжественных мероприятий, посвященных знаменательным историческим событиям и датам, при вручении воинским частям боевых знамен, награждении и захоронении военнослужащих, честно и самоотверженно выполнивших свой воинский долг, в повседневной жизни и в ходе боевой подготовки войск.

Российскую армию можно сравнить с единым организмом, связующими звеньями которого являются воинская честь, долг перед Родиной по ее защите и патриотизм. Воинскими традициями российской армии с начала ее основания стали: почитание Боевого знамени; верность военной присяге и воинскому долгу, героизм и самоотверженность в бою; личный пример мужества и храбрости офицера; войсковое товарищество; забота командира о сохранении жизни подчиненных; защита командира в бою⁵, преданность военной форме, публичная вежливость, забота о пристойности брака и др.

Основополагающими воинскими традициями российской армии являются героизм и мужество, самопожертвенность, стойкость и отвага в бою. Добровольная сдача российских солдат в плен или отдача крепости врагу без кровопролитного и самоотверженного боя издревле считалась на Руси величайшим и несмываемым позором. Были случаи, когда, теряя более половины боевого состава или вступая в бой с противником, в несколько раз превышающим по численности, российские войска опрокидывали и гнали вражеские войска обратно, о чем свидетельствуют славные победы Суворова и Кутузова, Жукова и Рокоссовского и др. В боях и сражениях рождалась и крепла главная воинская традиция наших российских войск — всеохватывающая любовь к своей земле, своей Родине, готовность всегда выступить на защиту ее границ и рубежей.

Личный пример командира боевого подразделения — это еще одна устойчивая и славная воинская традиция российской армии. Вместе с тем «необходимыми качествами всякого начальника являются его выдержка, спокойствие

⁴ Краткий политический словарь. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Политиздат, 1969. 397 с. С. 346.

⁵ Военный энциклопедический словарь / пред. гл. ред. комиссии А. Э. Сердюков. М.: Воениздат, 2007. 832 с.: ил. С. 730.

и уважение к подчиненным. На войне же — в особенности» [Рокоссовский, 2017, с. 93]. Генерал царской армии А. А. Брусилов замечал, что младший командный состав и рядовые становятся гораздо храбрее, самоотверженней и энергичнее, когда видят личный пример в своем командире [Брусилов, 1929, с. 138]. Пример этому — жертвенный подвиг майора Ф. М. Горталова во время Русско-турецкой войны, практически позабытый в наши дни. Отбивая яростные атаки превосходящих сил противника, комендант занятого редута майор Горталов дал честное слово офицера в том, что укрепление не будет сдано туркам. Оставаясь примерно с отделением солдат, по другим источникам — один, на приказ генерала Скобелева отойти от удержанного редута майор заявил: «Передайте генералу Скобелеву, что русского офицера от данного им слова может освободить только смерть» [Книга российского офицера..., 2021, с. 180–181].

Во время Первой мировой войны перед атакой немецко-австрийских позиций командир Московского лейб-гвардии полка полковник В. П. Гальфтер, находившийся впереди, повернулся к своим бойцам: «Славные, Московцы, вперед! Помните честь полка!» И, прикрыв лицо саперной лопаткой, пошел вперед. И полк стройно, как на красносельских маневрах, двинулся за ним. Командиры рот шли впереди и подбадривали солдат, то же самое делали фельдфебели, шедшие позади рот [Бюллетень объединения лейб-гвардии Московского полка..., 1964, с. 13]. Воспитанные в лучших традициях Русской императорской армии, офицеры шли в убийственные атаки в первых рядах наступающих подразделений, являя собой пример для нижних чинов.

В 1939 году в районе Халкин-Гола бригада под командованием М. П. Яковлева поддержала наступление пехоты. Попав под огонь противника, пехота стала отставать от танков. Тогда комбриг Яковлев покинул свой танк с гранатой в руке и с возгласом «Вперед! За Родину!» повел бойцов на врага. Красноармейцы устремились за героем-танкистом и в рукопашной схватке довершили разгром японского отряда. Комбриг Яковлев погиб. Обнаружившие его после боя солдаты нашли на его теле семь пулевых ран [Книга российского офицера..., 2021, с. 249].

Защита братских народов — традиция, мобилизованная общественным мнением и славянофильским настроением. Русско-турецкая война 1877–1878 годов велась в помощь национально-освободительному движению на Балканах. Победу в ней во многом предопределили высокие морально-боевые качества российских солдат, а также профессионализм командного состава. Славянская солидарность, стремление защитить Сербию и другие балканские народы от германо-австрийской агрессии подтолкнуло Россию к участию в Первой мировой войне. Отсюда — подъем патриотизма в стране в июльские дни 1914 года.

Значение крепкости фронтовой дружбы трудно переоценить. Убеждение в этом не покидало не одно поколение российских солдат и офицеров. Вспоминая моменты боя с японской армией, генерал А. И. Деникин в своих мемуарах

писал: «...8 уральских казаков, никем не побуждаемые, остались до ночи в цепи, подвергшиеся сильнейшему обстрелу, желая вынести тело убитого своего урядника, лежавшего в 100 шагах от японской позиции, чтобы не остался он “без честного погребения”. И вынесли» [Деникин, 2012, с. 167].

Отдание воинских почестей всем погибшим на поле боя, в независимости от прошедшего времени, — эта традиция свято соблюдается российскими воинами на протяжении веков. До сих пор по всей России действуют поисковые отряды, ищущие останки воинов, отдавших жизнь за Родину, устанавливая по возможности их имена и разыскивая их родственников, и совершая процедуру погребения их тел с соблюдением всех воинских почестей. Деятельность поискового движения служит увековечиванию памяти погибших защитников Отечества во всех вооруженных конфликтах.

Беспощадные к своему врагу на поле боя, российские солдаты были всегда гуманны к пленным воинам и гражданскому населению вражеской страны. Героизм, мужество и храбрость присутствуют в иностранных армиях, однако доброта, милосердие, любовь, великодушие — истинно христианские добродетели — характерная черта русского солдата.

Известные военачальники, полководцы и командиры всегда отмечали, что наш народ, составляющий основу российской армии, с незапамятных времен отличается преданностью России. Именно из-за великой любви к Родине российская армия и народ становились последней преградой для захватнических войн прошлого. Все завоеватели мира с момента основания Руси заканчивали свои «успешные» и «непобедимые» походы на нашей территории. Единство армии и народа, их патриотизм выражался в массовом добровольном вступлении в армейские ряды и в формировании народного ополчения. Апологетом стойкой и неразрывной связи армии и общества выступал военный теоретик генерал Г. А. Леер утверждая, что «армия, как и всякое учреждение в государстве, служит в данную эпоху живым отражением общества, из которого она выходит» [Леер, 1868, с. 38]. Преемственность патриотического поведения русских и советских воинов в критические минуты боя, их самопожертвование во имя Отечества позволяют судить о «нравственной силе народа» и о том, что это та «высота духа, на которую он может подняться, когда придет тому срок» [Достоевский, 1877].

Один из самых значительных военных историков первой половины XX века А. А. Керсновский, осмысливая разгром армий шведского короля Карла XII и короля Пруссии Фридриха Великого Русской императорской армией XVIII века, отмечал: «Стоило только какой-либо европейской армии претендовать на звание “первой в мире”, как всякий раз на своем победном пути она встречала неунывающие русские полки — и становилась “второй в мире”. Вот основной вывод нашей военной истории. Так было и так будет» [Керсновский, 1994, с. 332]. К этим пророческим словам Керсновского, написанным незадолго до начала Второй мировой войны, можно добавить победу Советской армии над фашистскими полчищами.

Современным вооруженным силам России необходимо сохранять преемственность не только в воинских традициях Русской императорской армии XIX века, но и в боевых традициях Советской армии XX века, чей авторитет во второй половине XX века был необычайно высок как среди союзников, так и среди недружественных стран мира.

Благодаря бесценному опыту Великой Отечественной войны Советская армия занимала одно из первых мест в мире по многим видам военного вооружения и развитию военного дела. Многие страны мира просили советское правительство прислать военных специалистов и наставников для создания и развития своих армий. Советская армия являлась важнейшим институтом общества и государства. Агитационно-пропагандистская работа была направлена на формирование в массовом сознании представления об армии как о гаранте безопасности трудящихся всего мира. Вооруженные Силы СССР внесли существенный вклад в ликвидацию неграмотности среди лиц, проходивших службу по призыву. Армия дала образование сотням тысяч командиров и бойцов. Для партийных, комсомольских и советских органов красноармейцы и краснофлотцы, уволенные в запас, являлись важнейшим кадровым резервом. Все это, а также сравнительно обеспеченное материальное положение способствовало поддержанию высокого общественного статуса военнослужащих.

Наиболее сложно и многообразно проявляется воздействие военного опыта на формирование личности граждан, на содержание, формы и программы военно-патриотического воспитания войск. Например, известно, что на Руси всегда придавалось большое значение пропаганде славных боевых побед в прошлой войне и воинских традиций. Значительным было влияние церкви, а в период существования СССР — аппарата политработы. В советской военной науке первостепенное место занимала теория идейно-патриотического воспитания, при этом его базовым материалом являлся опыт Гражданской войны, военной интервенции в России и Великой Отечественной войны. Влияние церкви (православия и ислама) на воспитание личного состава вооруженных сил было практически исключено. Большое внимание уделялось культурному воспитанию личного состава, в том числе благодаря военной печати, произведениям литературы и искусства на армейскую тему.

Свидетельством и символом сохранения исторической преемственности Советской армии XX века с Русской императорской армией XIX века могут служить вернувшиеся в 1943 году на смену петлицам и кубикам, буденовкам и галифе традиционные погоны и военная форма, создание суворовских и нахимовских училищ по образу и подобию кадетских корпусов. Многие военные в годы Великой Отечественной войны на груди носили и советские награды, и высшую боевую награду имперской России — Георгиевские кресты всех степеней. В мае 1945 года Знамя Победы над берлинским рейхстагом водрузили не бойцы Красной армии, созданной Л. Д. Троцким, а славные воины Русской армии, вернувшейся к своим давним боевым традициям.

Во многих наших семьях вспоминают не только солдат, отдавших свою жизнь в годы Великой Отечественной войны, но и не забывают подвиги своих предков — русских солдат Первой мировой войны. Потому очень важно, чтобы, восстанавливая память о подвигах наших отцов и дедов, мы не забыли о подвигах наших прадедов и прапрадедов. Все боевые подвиги наших предков — это единая священная военная история нашей страны.

Преемственность воинских традиций современных вооруженных сил Российской Федерации с Советской армией и Русской императорской армией XIX века прослеживается в поколениях старших офицеров, генералов и адмиралов, которые обучались в суворовских и нахимовских училищах, а также в военных академиях, где преподавали командиры Советской армии и ветераны Великой Отечественной войны, но создание которых заложено кадровыми офицерами — выходцами из Русской императорской армии. В. И. Ленин, оценивая военное строительство молодой социалистической республики, подчеркивал, что «тысячи бывших офицеров, генералов, полковников царской армии» продолжили выполнять свой долг по защите Отечества уже в составе новой военной организации «и без них красной армии не было бы» [Ленин, 1974, с. 218].

Сегодня глубокое понимание военным руководством Российской Федерации всего комплекса процессов, происходящих в войсках; уважение традиций, возникших и прослеживаемых в Русской императорской армии, советских и российских вооруженных силах; уважительное отношение ко всем категориям военнослужащих и ветеранам позволили кардинально повысить авторитет вооруженных сил. В настоящее время Вооруженные Силы Российской Федерации — один из самых престижных государственных институтов, пользующихся доверием российского общества.

Таким образом, возвращение исторической памяти и воинских традиций Русской императорской армии и Советской армии необходимо как для современных вооруженных сил России, так и для всего нашего общества и государства, особенно на фоне нарастающей во всем мире социальной нестабильности, потери идеалов, дефицита гуманизма, разрушения исконных нравственных основ и кризиса ценностей. Сохранение традиций содействует устойчивому изображению мировоззренческой социальной позиции личностью военнослужащего и гражданина, которая позволит личности видеть и преследовать свои, а не чужие интересы. В этой связи философ-экзистенциалист С. Кьеркегор констатировал, что «выбор высоко подымает душу человека, сообщает ей тихое внутреннее довольство, сознание собственного достоинства, которое никогда не покинет ее всецело» [Кьеркегор, 1894, с. 247]. В заключение приведем слова упомянутого выше военного историка А. А. Керсновского: «История Русской Армии — это история жизни русского государства, история дел русского народа, великих в счастье и в несчастье, история великой армии великой страны» [Керсновский, 1994, с. 329].

Список источников

1. Брусилов А. А. Мои воспоминания. Посмерт. изд. М.; Л.: Гос. изд-во. Отдел воен. лит., 1929. 249, [1] с., [14] с. схем: портр.
2. Бюллетень объединения лейб-гвардии Московского полка. Пятидесятилетие боя у д. Тарнавка 1914–1964. Париж, 1964. 27 с.
3. Деникин А. И. Путь русского офицера. М.: Вече, 2012. 320 с., ил.
4. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя за 1877 год. Ежемесячное издание 1877. Год II-й. URL: http://dugward.ru/library/dostoevskiy/dostoevskiy_dnevnik1877.html
5. Ильин И. А. За национальную Россию: Манифест русского движения // Слово. Литературно-художественный ежемесячник Госкомиздатов СССР и РСФСР. Москва. 1991. № 4. С. 51–55; № 5. С. 82–85; № 6. С. 80–85; № 7. С. 83–85; № 8. С. 79–85.
6. Ильин И. А. О сущности правосознания / подгот. текста и вступ. ст. И. Н. Смирнова. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
7. Исторические ориентиры. Книга Российского офицера: в 2 т. / ред. колл.: С. К. Шойгу, В. В. Герасимов; Национальный центр управления обороной Российской Федерации. Т. 1. М.: Синтерия, 2021. 650 с.
8. Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. Т. 4. М.: Голос, 1994. 368 с., ил.
9. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. СПб.: М. М. Ледерле и К°, 1894. 415 с.
10. Леер Г. А. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны. Ч. 1. СПб.: Изд. при содействии Николаев. инж. акад., 1868. 476 с.
11. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 40. М.: Изд-во политической лит., 1974. 507 с., ил.
12. Менделеев Д. И. Заветные мысли: Полное издание (впервые после 1905 г.). М.: Мысль, 1995. 413, [2] с.
13. Послание Президента Федеральному Собранию 2012 года. [Электронный ресурс] // Официальное интернет-представительство президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 03.04.2022).
14. Рокоссовский, К. К. Солдатский долг. М.: Вече, 2017. 400 с.: ил.
15. Шойгу вернул ритуал рыцарских орденов в вооруженные силы [Электронный ресурс] // Национальный портал по охране и безопасности «ГардИнфо». Дата публикации: 28.06.2016. URL: <https://guardinfo.online/2016/06/28/shojgu-vernul-ritual-rycarskix-ordenov-v-vooruzhennye-sily/> (дата обращения: 03.04.2022).

References

1. Brusilov, A. A. (1929). *Moi vospominaniya* [My memories]. Posthumous edition. Moscow; Leningrad: State Publishing House. Department of Military lit. 249, [1] p., [14] with schemes: portr. (In Russian).
2. *Byulleten' ob'yedineniya leyb-gvardii Moskovskogo polka. Pyatidesyatiletie boya u d. Tarnavka 1914–1964*. [Bulletin of the Life Guards Association of the Moscow Regiment. The fiftieth anniversary of the battle of Tarnavka 1914–1964]. Parizh, 1964. 27 p. (In Russian).
3. Denikin, A. I. (2012). *Put' russkogo ofitsera*. [The path of a Russian officer]. Moscow: Veche. 320 p.: illustrations. (In Russian).
4. Dostoyevskiy, F. M. (1877). *Dnevnik pisatelya za 1877 god. Yezhemesyachnoye izdaniye 1877. God II-y*. [The writer's diary for 1877. Monthly edition 1877. Year II]. (In Russian). Retrieved from http://dugward.ru/library/dostoevskiy/dostoevskiy_dnevnik1877.html

5. Il'in, I. A. (1991). *Za natsional'nyu Rossiyu: Manifest russkogo dvizheniya* [For National Russia: Manifesto of the Russian movement] // *Slovo. Literaturno-khudozhestvenny'y yezhemesyachnik Goskomizdatov SSSR i RSFSR*. [Word. Literary and artistic monthly of the State Publishing Houses of the USSR and the RSFSR], 4, 51–55; 5, 82–85; 6, 80–85; 7, 83–85; 8, 79–85. Moscow. (In Russian).
6. Il'in, I. A. (1993). *O sushchnosti pravosoznaniya*. [About the essence of legal awareness]. (Preparation of the text and introductory article by I. N. Smirnov). Moscow: Rarog. 235 p. (In Russian).
7. Shoigu, S. K., & Gerasimov, V. V. (Eds.) (2021). *Istoricheskiye oriyentiry`. Kniga Rossiyskogo ofitsera*. [Historical landmarks. The book of the Russian officer]. (In 2 volumes; National Center for Defense Management of the Russian Federation). Vol. 1. Moscow: Sinteriya. 650 p. (In Russian).
8. Kersnovskiy, A. A. (1994). *Istoriya russkoy armii*. [History of the Russian Army]. (In 4 volumes). Vol. 1. Moscow: Golos. 368 p.: illustrations. (In Russian).
9. K'yerkegor, S. (1894). *Naslazhdeniye i dolg*. [Pleasure and duty]. Sent Petersburg: M. M. Lederle & C°. 415 p. (In Russian).
10. Leyer, G. A. (1868). *Opy't kritiko-istoricheskogo issledovaniya zakonov iskusstva vedeniya voyny`*. [The experience of critical-historical research of the laws of the art of warfare]. Part 1. Sent Petersburg: Publisher pri sodeystviy Nicolas engeneer academy. 476 p. (In Russian).
11. Lenin, V. I. (1974). *Polnoye sobraniye sochineniy* (5th edition). Vol. 40. Moscow: Publisher policy literature. 507 p.: illustrations. (In Russian).
12. Mendeleyev, D. I. (1995). *Zavetny'e my'sli* [Cherished Thoughts] (A complete edition (for the first time since 1905)). Moscow: My'sl'. 413 p., [2]. (In Russian).
13. *Official Internet representation of the President of Russia* (2012). *Poslaniye Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 2012 goda*. [The President's Message to the Federal Assembly in 2012]. (In Russian). Retrieved from URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>
14. Rokossovskiy, K. K. (2017). *Soldatskiy dolg*. [Soldier's duty]. Moscow: Veche. 400 p.: illustrations. (In Russian).
15. *National Portal for Protection and Security "GardInfo"* (2016, June 28). *Shoigu vernul ritual ry'tsarskikh ordenov v Vooruzhenny'ye sily`*. [Shoigu returned the ritual of knightly orders to the armed forces]. (In Russian). Retrieved from URL: <https://guardinfo.online/2016/06/28/shoigu-vernul-ritual-rycarskix-ordenov-v-vooruzhennye-sily/>

Информация об авторе / Information about the author:

Репетенко Александр Леонидович — аспирант общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет.

2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, Россия, 129226,
 RepetenkoAL058@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7887-8724>

Repetenko Alexander Leonidovich — Postgraduate student of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University.

Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226,
 RepetenkoAL058@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7887-8724>

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам. Журнал адресован философам-исследователям, представителям социально-гуманитарного знания, аспирантам и соискателям ученой степени — всем, кто интересуется философским осмыслением сущности человека и общества, проблемами познания, этики и философии культуры.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

- объем статьи — от 20 000 до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, с учетом списка литературы (*не менее 20 000 и не более 40 000*);

- поля — по 2,5 справа, слева, сверху, снизу;
- шрифт — 14, Times New Roman;
- интервал — полуторный;
- красные строки — 1,25 (выставляются автоматически);
- для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом документа используются отсылки, которые приводятся в тексте документа в квадратных скобках с указанием идентифицирующих сведений, например: [ФАМИЛИЯ автора, год издания, с. 17]; [ФАМИЛИЯ автора, год издания, с. 17–25] (обратите внимание, что указывается только ФАМИЛИЯ автора (авторов), без инициалов);

- в верхнем левом углу указывается тип статьи (обзорная; научно-теоретическая; научно-практическая; аналитическая; научно-публицистическая; научно-исследовательская);

- далее указывается классификационный индекс Универсальной десятичной классификации (УДК — <https://teacode.com/online/udc/>);

- далее — заглавие статьи на русском языке (выравнивание по центру, кегль шрифта — 14, буквы заглавные, выделение жирным шрифтом). В конце заглавия статьи точка не ставится;

- имя, отчество и фамилия (полностью) авторов (выравнивание по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- информация о месте работы (учебы) автора(ов), электронные адреса, ORCID (Open Researcher and ContributorID — <https://orcid.org>) авторов указывается после имен авторов на разных строках и связывается с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений — 1 (выравнивание по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- перечень затекстовых библиографических ссылок, озаглавленный **Список источников** (кегель шрифта — 14, выравнивание по ширине страницы). Список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» и строится в порядке цитирования источников в тексте статьи;

- список источников на английском языке, озаглавленный **References**, в соответствии со стилем APA (7th edition) (<https://apastyle.apa.org>). В References необходимо полностью повторить список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеется или нет в нем иностранная литература. Последовательность авторов в **References** должна полностью совпадать с русскоязычным списком источников;

- в список источников включаются только **научно-исследовательские работы (научные статьи, монографии, книги)**, в том числе не менее 50 % зарубежных (за последние 3 года (Scopus) / 5 лет (Web of Science), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников. Ссылки на **другие виды источников** (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций и др.) оформляются внутри текста статьи **подстрочными ссылками** (в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка»);

- материал статьи должен отвечать требованиям оригинальности: не менее 75 % для обзорных (аналитических) рукописей; не менее 85 % для эмпирических.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте: <https://philosophy.mgpu.ru/instrukciya-dlya-avtorov/>

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ. Серия «Философские науки» предлагаем обращаться к составителю — заместителю главного редактора *Светлане Васильевне Черненко* (ChernenkayaSV@mgpu.ru).

E-mail: vestnikphilosophya@mail.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал / Scientific Journal
Вестник МГПУ.
Серия «Философия».

MCU Journal
of Philosophical Sciences

2022, № 3 (43)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор философских наук, профессор *А. В. Жукоцкая*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:
А. В. Лященко

Корректор:
К. М. Музамилова

Технический редактор:
О. Г. Арефьева

Верстка:
А. В. Бармин

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36

Подписано в печать: 27.09.2022 г.
Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.
Объем: 6,75 печ. л. Тираж: 1000 экз.